КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРАВА

ГК205
О113

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Издательство „ВЛАСТЬ СОВЕТОВ“ при Президиуме ВЦИК
Москва ● 1935

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРАВА

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует
62	17 сверху	являются	является
63	15 „	С. 45	С. 46
71	в таблице	во второй и третьей графах против Симбирска вместо тире должны быть кавычки	
117	14 снизу	открытого	закрытого
142	В таблице, в названии колонок	Год. За избранных: Депутатов: Неизбранных	Год. За избранных депутатов. За неизбранных депутатов (колонка „депутатов" набрана излишне)
145	1 снизу	198 г.	1928 г.
150	11 сверху	националистов	национал-социалистов
150	2 снизу	о	по
161	15 „	вносили	вносят

ИЗД-ВО „ВЛАСТЬ СОВЕТОВ" при ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК
Москва 1935

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРАВА

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗД-ВО „ВЛАСТЬ СОВЕТОВ" при ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК
Москва 1935

1985

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2006

Под редакцией:

А. Алымова

Е. Пашуканиса

Г. Шостак

ОТ ИНСТИТУТА СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРАВА

В связи с решениями февральского (1935 г.) пленума ЦК ВКП(б) и VII Всесоюзного съезда советов о внесении изменений в Конституцию СССР, ИССП провел в марте с. г. ряд заседаний, посвященных вопросам Советской Конституции. Обработанные стенограммы этих заседаний, опубликованные частично в журнале ИССП'а („Советское государство" №№ 1—2 и 3 за 1935 г.) переиздаются в настоящем сборнике.

Август 1935 г.

ГК205 Р
0113 ин

79521

79521

Е. ПАШУКАНИС

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

1. ЖИЗНЕННОСТЬ И ДЕЙСТВЕННОСТЬ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Решение, принятое VII съездом советов по предложению пленума ЦК партии и по инициативе товарища Сталина об изменениях в советской конституции, представляет собой историческую веху в нашем победоносном продвижении к конечным целям пролетарской революции.

Это решение направлено к тому, чтобы привести в соответствие основной закон советского государства с теми грандиозными сдвигами, которые произошли в экономике и в соотношении классовых сил.

Советская конституция принята на V съезде советов 10 июля 1918 г. Но основная ее принципиальная часть—Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа—была принята еще раньше, на III съезде советов.

В конституции 1918 г. были провозглашены и проведены в жизнь те основы советской власти, которые остаются жизненными и непоколебимыми и по настоящее время. Этими основами являются: переход власти к советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, беспощадное подавление эксплоататоров, лишение их политических прав, отмена частной собственности на землю и переход экономических командных высот в руки пролетарского государства, разрыв с буржуазной империалистической политикой, уничтожение национального и расового гнета и неравноправия, обеспечение трудящимся действительных политических свобод (свободы слова, собраний, союзов) путем предоставления необходимых материальных возможностей (типографии и бумага для прессы, помещения для собраний и для союзов, бесплатное всеобщее образование), отделение церкви от государства, равноправие женщин, создание Красной армии.

Но конституция не только закрепила и зафиксировала достижения Октябрьской победы; она наметила и дальнейший путь к социализму, провозгласив своей задачей „гарантировать диктатуру пролетариата в целях подавления буржуазии, уничто-

жения эксплоатации человека человеком и осуществления коммунизма, при котором, не будет ни деления на классы, ни государственной власти" [1].

Следующим крупнейшим событием в истории нашего государства и советской конституции было образование СССР. Союзная конституция, утвержденная в июле 1923 г., создала форму для объединения усилий трудящихся всех наций в деле построения социализма, подавления эксплоататоров и совместной борьбы с враждебным капиталистическим окружением.

Она внесла много структурных изменений, создав союзные органы власти (союзный съезд, ЦИК, Совнарком), установив различие республиканских, объединенных и союзных наркоматов и создав Совет национальностей.

Все дальнейшие изменения советской конституции за время между 1923 г. и VII съездом носили организационный характер. Особое место занимают те изменения, которые связаны с размежеванием Средней Азии и появлением новых союзных республик — Туркменской и Узбекской [2], а затем несколько позднее Таджикской — седьмой союзной республики [3].

Целый ряд изменений был вызван необходимостью приспособить структуру органов советской власти к новым требованиям социалистического строительства, обеспечить большую конкретность и оперативность руководства (ликвидация округов, образование союзного Наркомзема, разукрупнение наркоматов, выделение ряда новых хозяйственных наркоматов: лесной промышленности, легкой промышленности, пищевой промышленности, Наркомсовхозов и т. д.).

Изменившиеся условия классовой борьбы и особенное значение, которое приобрело укрепление социалистической законности, вызвали образование союзной Прокуратуры и Наркомвнудела с включением в него реорганизованного ГПУ.

Все эти изменения конституции отражали собой победоносный ход революции и в то же время были средством дальнейшего ее продвижения вперед.

Однако в сумме своей они не касались еще самого главного. Превращение нашей страны в страну социалистическую, победа колхозного строя, ликвидация в основном капиталистических элементов, утверждение общественной социалистической собственности как в городе, так и в деревне — все это не было отражено в тексте советской конституции.

Новая техническая материальная база, новое соотношение классовых сил, разрешение труднейшей задачи реконструкции сельского хозяйства — все это делало возможным и необходимым внесение таких изменений в конституцию, которые бы делали

[1] Конституция РСФСР, ст. 1 (в ред. постановления XII всероссийского съезда советов 11/V 1925 г.).

[2] Постановление III съезда советов СССР 13 мая 1925 г.

[3] Постановление VI съезда советов 1931 г.

ее знаменем борьбы уже не только за превращение страны нэповской в страну социалистическую, но „борьбы за дальнейшее укрепление социалистической собственности, за окончательную победу социалистического общества“[4].

Только в советском государстве впервые за всю историю человечества крупнейшие изменения государственной конституции производятся в порядке заранее намеченной программы, в соответствии с этапами, которые теоретически были намечены задолго до их наступления.

Ничего подобного разумеется не знает история буржуазных государств.

Изменения конституции никогда не являются там результатом заранее, наперед рассчитанного движения от одного этапа к другому.

Принципиальное отличие пролетарской революции от буржуазной находит себе яркое выражение в конституционной истории.

В самом деле, наша советская конституция поставила себе задачу уничтожить эксплоатацию, уничтожить классы, наметила это как программу в 1918 г. Сейчас, в 1935 г., мы готовимся занести в конституцию, записать это уже как завоеванное. Налицо изумительная последовательность и неуклонность движения, переход от одного этапа к другому, достигнутые сознательными и организованными усилиями. На протяжении всей истории Октябрьской революции мы видим, как основные установки конституции развиваются и укрепляются, подготовляя все более планомерное, широкое и всеобщее их осуществление.

Сравните с этим картину буржуазных революций и их конституционную историю, феерическую смену государственных форм, под'ем и развитие демократизма вначале, затем попятное движение, ликвидацию демократических завоеваний, установление военной диктатуры, реставрацию монархии. Такой путь проделала английская революция XVII века и буржуазная французская революция XVIII века.

Об'яснение этого пути развития приходится искать в том, что в ходе буржуазной революции вскрывается глубочайший антагонизм между наемными рабочими и капиталистами, антагонизм, который в начале буржуазной революции существует еще в скрытой форме.

Буржуазия в XVII и XVIII веках выступает как представительница общества в целом. Она формулирует новые идеалы в широковещательных „декларациях прав человека и гражданина“, она развертывает перед массами заманчивую картину нового строя, при котором все будут свободны, все будут равны, все будут братья.

Но каждый шаг в развертывании буржуазной революции показывает, что это только иллюзия, обман; со всей остротой

[4] Молотов, Доклад на VII съезде советов. „Известия“ от 7/II 1935 г. № 33.

выявляется противоречие между эксплоатируемым наемным рабочим и капиталистами, буржуазия в страхе стремится заключить союз с теми силами, против которых она выступила раньше. Она обращается и к классу крепостников, и к монархии, и к церкви; она жаждет сильной власти, военной диктатуры для того, чтобы защитить свои привилегии.

Энгельс в Введении к Марксовой „Классовой борьбе во Франции" так рисует развитие буржуазных революций, совершавшихся в интересах меньшинства:

„После первого большого успеха победоносное меньшинство обыкновенно раскалывалось; одна часть его удовлетворялась достигнутым, другая желала итти еще дальше, ставила новые требования, которые, по крайней мере отчасти, соответствовали подлинным или мнимым интересам народной массы. В отдельных случаях эти более радикальные требования также осуществлялись, но часто лишь на мгновение; затем более умеренная партия снова одерживала верх и последние приобретения вполне или отчасти утрачивались; тогда побежденные кричали об измене или объясняли поражение случайностью. А на самом деле в большинстве случаев то, что приобреталось благодаря первой победе, становилось прочным завоеванием лишь благодаря вторичной победе более радикальной партии; по достижении этого и следовательно того, что было нужно для данного момента, радикалы и их успехи снова сходили со сцены" [5].

Итак смелое движение вперед должно было лишь унавозить почву для умеренных „трезвых" элементов, присваивающих себе выгоды революции, — такова схема буржуазной революции. Радикальные течения оказывались обреченными на поражение и в известном смысле одураченными. Отсюда быстротечность энтузиазма буржуазной революции, сменявшегося упадком и похмельем.

Не таковы пролетарские революции, революции, совершаемые во имя подлинных интересов подавляющего большинства. В пролетарской революции массы руководятся идеями, которые самым точным и подлинно научным образом отражают действительное экономическое положение и действительные интересы трудящихся.

„Здесь дело шло не о мистификациях, а об осуществлении подлиннейших интересов самого огромного большинства, интересов, которые хотя еще вовсе не были ясны этому огромному большинству, скоро должны были сделаться достаточно ясными для него при практическом осуществлении, вследствие убедительной очевидности[6].

Такова пролетарская революция, которая осуществляется самым передовым, самым революционным классом, стремящимся

---

[5] Маркс, Классовая борьба во Франции 1848—1850, 1930, с. 8.
[6] Там же, с. 9.

к одной ясной цели — к уничтожению классов, к уничтожению эксплоатации и построению бесклассового социалистического общества. Пролетариат совершает эту революцию под руководством коммунистической партии, следуя по пути, теоретически обоснованному, проанализированному на основе учета классовых сил и тех сдвигов, которые он сознательно производит в экономике, заранее намечая те этапы, по которым будет развиваться революция.

II. ИЗМЕНЕНИЕ В ЭКОНОМИКЕ И В СООТНОШЕНИИ КЛАССОВ И СОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Конституция 1918 г. и даже союзная конституция 1923 г., раскрывая перспективу осуществления коммунизма, не могли выйти из рамок действительности. А в действительности вопрос „кто—кого" еще не был решен и название нашей республики „социалистическая" отражало лишь, как говорил Ленин, твердую решимость ввести социализм.

В 1918 г. рабочий класс только начал осуществлять переходные меры к социализму, к организации производства на основе общественной социалистической собственности и к социалистическому распределению в общегосударственном масштабе. В числе этих переходных мер был применен рабочий контроль, при котором капиталисты оставались еще на фабриках, но их деятельность ставилась под контроль рабочего класса, под контроль профсоюзов.

В сельском хозяйстве хотя частная собственность на землю была отменена, основной фигурой был единоличник, в деревне господствовало мелкое раздробленное крестьянское хозяйство; значительные позиции имело в деревне кулачество.

Мы только начали создавать нашу Красную армию. Авангард рабочего класса, ведущая сила в системе диктатуры пролетариата—партия—только первый год как вышла из подполья, первый год как она могла полным голосом сказать о своей программе, о своей тактике, о задачах и целях.

Это был первый год, когда партия через госаппарат могла воздействовать на широчайшие массы трудящихся, учить их, как обходиться без капиталистов.

В 1923 г. мы только что начали оправляться от разрухи, мы только что начали развертывать наступление на базе нэпа. Нам приходилось иметь дело с частным капиталом и в промышленности, и в торговле, и в кредите. В розничной торговле частный торговец, лавочник преобладал.

С этого времени произошли величайшие сдвиги: переход в развернутое социалистическое наступление, успешное выполнение первой пятилетки, победа коллективизации, победа колхозного строя, ликвидация кулачества и капиталистических элементов, победа социалистической общественной собственности.

Тов. Молотов в отчетном докладе приводил цифры, показывающие, какие грандиозные сдвиги произошли в классовом составе населения нашей страны не только по сравнению с 1913 г., но и с 1928 г.

Рабочие и служащие, которых в 1913 г. было 23 000 тыс., а в 1928 г.—26 343 тыс., составляют в 1934 г. 47 118 тыс. Колхозников в 1913 г. не было вовсе; в 1928 г. они составляли всего 4 406 тыс. человек; в 1934 г. в нашей стране—77 037 тыс. колхозников.

Крестьяне-единоличники в 1913 г. и в 1928 г. составляли главную массу населения—90 700 тыс. и 111 131 тыс. В 1934 г. крестьян-единоличников осталось 37 902 тыс. человек. Буржуазия, крупная и мелкая, включая кулачество, с 22 100 тыс. в 1913 г. и 6 801 тыс. в 1928 г. сведена до цифры 174 тыс. в 1934 г. (0,1% от всего населения).

$^3/_4$ населения нашей страны составляют рабочие и служащие социалистических предприятий и колхозники.

Цифры распределения производственных фондов говорят о тех же грандиозных сдвигах. С 1925 г. по 1934 г. производственные фонды социалистического сектора с 48% от общей суммы поднялись до 95,8% всех производственных фондов.

Наоборот, производственные фонды капиталистического сектора упали с 6,5% до 0,09%, а мелкого частного производства—с 44,7% до 4,1% [7].

За эти годы произошел также громадный рост социалистических производственных фондов, в абсолютных цифрах, а именно: социалистические фонды с 1925 г. по 1934 г. выросли с 22 млрд. до 90 млрд.

Мы создали на социалистической основе такие новые могучие средства производства, которых раньше вовсе не было. Сейчас в нашем производственном аппарате то, что экспроприировано у старых хозяев, представляет собой ничтожную долю по сравнению с тем, что создано трудом рабочего класса, ставшего хозяином в государстве и в производстве.

Мощь социалистической страны находит себе яркое выражение и в нашем 65-миллиардном бюджете, который не знает дефицитов в те годы, когда все богатейшие капиталистические страны не вылезают из тяжелых бюджетных затруднений и колоссальных дефицитов.

Растущее значение общественной социалистической собственности сказывается и в том, что доходная часть нашего государственного бюджета все более и более строится на прибылях наших социалистических предприятий.

Кредитное и банковское дело—целиком государственное. В торговле господствует социалистический сектор; львиная

---

[7] См. отчетный доклад т. Молотова на VII всесоюзном съезде, „Правда" от 29/I 1935 г. № 28.

доля товарооборота идет через государственную торговлю и кооперацию (60 млрд.); остальное падает на колхозную торговлю (14 млрд.). Из торговли изгнан частник, скупщик, спекулянт. Советская развернутая торговля—это торговля без частных посредников, это торговля, из которой изгнан мотив наживы и барыша.

Все эти изменения должны найти место в конституции, дабы она в полной мере определяла собой все наши законы, все наши правовые институты.

Для 1918 г. и даже для 1923 г. отношение к общественной социалистической собственности еще не могло быть основным и определяющим для подавляющего большинства граждан СССР. Мы допускали частнокапиталистические предприятия в промышленности и торговле. Крестьянин-единоличник был основной фигурой сельского хозяйства.

Для каждого единоличника хозяйство было его частным делом; он отвечал за ведение этого хозяйства перед самим собой. Каждая семья сама о себе заботилась, другим до нее не было дела.

Сейчас производство стало общественным. Сейчас отношение к труду, отношение к средствам производства каждого отдельного трудящегося касается всех, касается коллектива, ибо эти средства производства принадлежат обществу, ибо работа организована коллективно.

Поэтому во всем нашем законодательстве, в хозяйственном праве, в колхозном уставе, в организации промышленности, в уголовном праве, в политике репрессий и т. д. определяющим началом должна являться общественная социалистическая собственность.

Закон 7 августа 1932 г. объявил общественную социалистическую собственность священной и неприкосновенной.

Этот закон в известной мере предвосхищает то, что должно теперь войти в конституцию. Это то, чего мы еще не могли сказать в 1918 г. и даже в 1923 г., когда подавляющее большинство населения составляли крестьяне, которые имели свои частные индивидуальные хозяйства.

Требования к каждому отдельному трудящемуся со стороны нашего социалистического государства, со стороны общества стали иными и более высокими.

Колоссальный рост общественных производственных фондов означает, что десятки миллионов каждодневно приходят в соприкосновение с этим фондом. От их добросовестности, от их честности, от их умения работать зависит и сохранение, и воспроизводство этого фонда.

„На фабрике и в заводе, в школе и в учреждении мы должны безусловно добиться бережного отношения к государственной собственности и действительной общей заботы об ее укреплении“ [8].

[8] Молотов, Доклад на VII съезде советов, „Известия“ от 7/II 1935 г., № 33.

Мы получаем новый масштаб для оценки поведения граждан, и этот масштаб имеет основоположное и всеобщее значение. Он выражен в законе 7 августа 1932 г. Он должен войти в конституцию для того, чтобы она стала острейшим оружием в борьбе за ликвидацию всех пережитков капитализма в экономике и сознании людей.

III. СОВЕТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И БУРЖУАЗНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Советское государство с момента своего возникновения представляет собой демократию высшего типа по сравнению с буржуазной парламентской демократией. Это демократия для тех, кто в капиталистическом обществе, несмотря на все предоставляемые на бумаге возможности, на деле устранен от участия в политической жизни.

Советское государство, которое возникло путем революционного насилия над буржуазией, означало для пролетариата, для трудящихся невиданное расширение демократии.

Об этом надо сказать с самого начала, чтобы дать отпор попыткам обанкротившихся вождей социал-демократии использовать решения VII съезда советов для того, чтобы оживить в массах буржуазно-демократические иллюзии. Нет ничего заманчивее для этих господ, как представить дело так, будто советская система благодаря неравным, открытым и многостепенным выборам в чем-то уступала „более совершенной" парламентской демократии и будто теперь большевистская партия сама в этом призналась и торопится догнать „передовые" страны. В этом духе пытается комментировать решения VII съезда советов социал-демократический „Новый Форвертс".

Эту старую ложь в новом издании надо основательно разоблачить и высмеять. Наш политический строй, наша политическая система является самой передовой, самой прогрессивной, самой демократической с момента ее установления, с момента Октябрьской революции.

Невиданное расширение демократии для трудящихся стало возможным именно потому, что у буржуазии и помещиков была отнята власть, земля, капиталы и политические права.

Это и есть то историческое достижение, которое предстоит еще завоевать революционным путем тем странам, где всеобщее и т. д. избирательное право обеспечивает господство капиталистов, благодаря связи правительства с биржею, благодаря подкупу, благодаря давлению капитала на общественное мнение, благодаря тому, что в руках буржуазии—пресса, школа, церковь, наука и вся государственная машина.

Вся история классовой борьбы доказала, что „формальное равенство не может быть формой борьбы за материальное равенство против фактического неравенства" [9].

[9] III Ленинский сборник, с. 495.

Изменение нашей избирательной системы в смысле перехода к равным и прямым выборам с закрытой подачей голосов происходит на советской основе, т. е. на основе, достигнутой классовой борьбой и гражданской войной с капиталистами, на основе разрушения гнета капитала, частной собственности, на основе разрушения в процессе пролетарской революции государственного аппарата буржуазии.

Среди ленинских работ сохранился план брошюры о диктатуре пролетариата, в которой имеется великолепная формулировка, выясняющая принципиальную разницу буржуазной и пролетарской демократиями.

„Решение голосованием, т. е. формальным волеизъявлением при сохранении капиталистических определителей (мотиваций) воли = буржуазная демократия. Решение классовой борьбой и гражданской войной против эксплоататоров = пролетарская демократия. Пролетариат своей борьбой, революционной борьбой р а з р у ш а е т отношения собственности, ergo капиталистические определители (и мотивации) воли и решения для колеблющихся“ [10].

Ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации и организационно-хозяйственное укрепление колхозов явились тем последним решающим ударом по „капиталистическим определителям воли“, которые создали прочный базис для дальнейшей демократизации советской избирательной системы.

В этом же наброске Ленин подчеркивает, что условием решения по большинству является добросовестность подчинения. Предполагать эту добросовестность у капиталистов значит прикрашивать капитализм и обманывать трудящихся. Этим и занимаются реформисты; они убаюкивают массы пустой иллюзией добросовестного подчинения капиталистов вотуму большинства.

Иначе решают вопрос коммунисты. „Сначала свергнуть гнет денег, власть капитала, частную собственность, потом д л и н н ы й р о с т „добросовестности“ на э т о й новой почве“ [10].

На почве буржуазного парламентаризма, как это учили еще Маркс и Энгельс, всеобщее избирательное право дает лишь возможность подсчитывать силы, вести широкую агитацию, завладевать парламентской трибуной, используя ее для организации масс.

Большего в условиях капитализма всеобщее избирательное право дать не может. Оно остается формой господства капитала в условиях, когда буржуазия прочно стоит на ногах, когда она может свести к минимуму внеэкономическое принуждение.

„В демократизации избирательной системы находила свое выражение уверенность буржуазии в росте своих сил, ее уве-

---

[10] III Ленинский сборник, с. 496.
[11] Там же, с. 504.

ренность в способности буржуазной власти подчинять себе массы, как бы в соответствии с их собственной волей"[12].

В эпоху империализма, когда на сцену выступает монополистический капитал, буржуазия в первую очередь хватается за средства внеэкономического принуждения. От парламентаризма и буржуазной демократии она поворачивает к „сильной власти", к „открытой диктатуре". Ныне, в эпоху общего кризиса капитализма, одно буржуазное государство за другим переходит к террористическим методам управления, обнажая непосредственную зависимость аппарата государственного принуждения от могущественных организаций монополистического капитализма.

Когда буржуазная демократия перестает удовлетворять потребности господствующих классов, когда для спасения капиталистической частной собственности нет уж других средств, кроме безудержного насилия и террора, направленного против рабочего класса, буржуазия прибегает к открытой террористической диктатуре—фашизму.

Наоборот, каждый шаг в развертывании советской демократии есть закономерный результат разрушения угнетательской буржуазной государственной машины и экономической власти капитала.

Глубочайший демократизм советской системы, принципиально отличный от демократизма самых просвещенных капиталистических стран, проявляется на каждом шагу во всех областях государственной и общественной жизни.

В СССР представляется чем-то совершенно естественным, что политическая общественная жизнь освобождена от влияния церкви. Мы привыкли к нашим достижениям. Мы часто не замечаем нашего гигантского культурного роста и развертывания нашей пролетарской демократии.

А ведь во всех остальных странах мира церковь продолжает служить сильнейшим орудием политического господства капитала над эксплоатируемыми, играя роль оков, надетых на волю и разум трудящихся.

Советская власть ввела равноправие женщин и вырвала половину трудящегося населения из приниженного полурабского положения, в котором оно находилось. Равноправие в семье, в быту, на производстве, на фабрике, в колхозе—разве это не показатель широчайшего демократизма, возможного только там, где диктатура пролетариата разбила оковы частной собственности?

Красная армия — разве это не самая демократическая армия в мире? Ее глубочайший пролетарский демократизм сказывается и в товарищеской спайке между красноармейцем и комсоставом, и во взаимоотношениях армии и населения, и в том, что Красная армия является школой сближения трудящихся разных

[12] Молотов, Доклад на VII съезде советов, „Известия" от 7/II 1935 г., № 33.

наций, школой интернационального воспитания и борьбы с великодержавным шовинизмом и национализмом.

Любая красноармейская часть является сейчас носителем самой передовой, самой демократической культуры не только по сравнению с армиями капиталистических государств, но и по сравнению с их университетами, где проповедуют скотские теории расового отчуждения и расовой ненависти.

А положение профессиональных организаций, их права, их роль на предприятии и в государстве—разве это не говорит о демократизме, который возможен только там, где власть завоевана пролетариатом и где производство подчинено интересам трудящихся, а не целям наживы?

Осуществляя свою диктатуру, рабочий класс поднимал к политической жизни и к политической активности промежуточные слои трудящихся, в первую очередь громадные массы крестьянства, поднимая их политически, втягивая их в управление государством, в дело организации производства.

Этот процесс начинается с Октября и проходит через ряд этапов. В 1925 г. наша партия провела кампанию оживления советов, которая всколыхнула массы. Оживление советов явилось одной из мер для отрыва середняка от кулацко-зажиточной верхушки, укрепления влияния партии в деревне организации бедноты. Эта мера подготовила позиции для наступления на кулака на следующем этапе. Гнилая контрреволюционная оппозиция Троцкого, Зиновьева, Каменева во время оживления советов кричала о том, что мы сдаем позиции, что дело сводится к тому, что нижние этажи советской системы будут затоплены мелкой буржуазией. Своими клеветническими воплями о термидоре оппозиция пыталась сорвать стратегическую подготовку наступления на капиталистические и кулацкие элементы.

Каутскианское противопоставление диктатуры пролетариата и пролетарской демократии было исходным пунктом для зиновьевского тезиса „о диктатуре партии". Этот тезис означал сведение советов на роль внешней юридической оболочки, искажал ленинское понимание партийной дисциплины, партийного руководства. Из этого тезиса вытекало отрицание возможности развертывания советской демократии: игнорирование роли массовых организаций, проводящих в жизнь указания партии, разрыв между партией и беспартийной массой рабочих и крестьян.

Развертывание демократии, по Зиновьеву, означало возвращение к буржуазной демократии, ослабление партийного руководства, ослабление диктатуры пролетариата.

Основой этих меньшевистских установок был контрреволюционный тезис о невозможности построения социализма в одной, отдельно взятой капиталистической стране.

С меньшевистским противопоставлением диктатуры и демократии связано и заявление Троцкого, что военный комму-

низм — это строй, типичный для всего переходного периода, и отрицание им возможности культурного творчества пролетариата.

Обюрократившийся, закусивший удила администратор, чуждый рабочему классу и большевистской партии, и мелкобуржуазный политик, вздыхающий о прелестях формальной демократии,—вот два аспекта контрреволюционной троцкистско-зиновьевской оппозиции, которая была разбита и выброшена за борт.

Колоссальный рост активности масс деревни принесла сплошная коллективизация.

По данным политсекторов МТС 9 областей количество учтенного колхозного актива за 1 год выросло с 83 тыс. до 385 тыс. На одну МТС—с 127 человек до 588[13].

Особенно важно отметить то, что среди этого актива быстро растет процент рядовых колхозников и процент женщин.

Данные советской избирательной статистики показывают точно так же, что в условиях диктатуры пролетариата мы поднимали к политической жизни гигантские пласты. Рост активности избирателей с 51% в 1926—1927 гг.—до 85% в 1934 г.

Особенно крупный рост активности наблюдается среди женщин. Статистика выборов в советы по РСФСР показывает неуклонный рост явки женщин:

в 1925—1926 гг.	28%	участия
в 1927 г.	30%	„
в 1929 г.	46,9%	„
в 1930—1931 гг.	61%	„
в 1934 г.	79%	„

Если сравнить участие в выборах мужчин и женщин, то можно увидеть, как с каждым годом уменьшается тот разрыв, который существовал между ними.

В 1925—1926 гг. явка мужчин—67%, женщин—28%, т. е. разница—39.

В 1934 г. мы имеем 87% мужчин и 79% женщин, разница всего лишь 8.

Это показывает быстрый рост активности женщин. Эти цифры надо сопоставить с тем, что в целом ряде капиталистических стран, и притом весьма крупных и передовых, как Италия, Франция, Бельгия, не говоря о Португалии, Аргентине, женщины вовсе лишены избирательных прав. Если сейчас во Франции буржуазные политики говорят о предоставлении избирательных прав женщинам, то они делают это не потому, что исходят из тезиса о равноправии женщин, а потому, что рассчитывают, что женщины—более отсталый элемент, что реакция может выиграть за счет их голосов.

---

[13] См. материалы о работе полит. отделов МТС за 1933 г., изданные к XVII с'езду партии.

Благодаря ликвидации капиталистических элементов количество лишенцев у нас сокращается.

Закон, изданный ЦИК Союза ССР в 1931 г., устанавливает порядок восстановления в избирательных правах выселенных кулаков при условии включения их в трудовую жизнь и прекращения борьбы против колхозов. Этот закон тоже приведет к сокращению количества лишенцев. Мы таким образом фактически подходим к такому положению, когда у нас избирательное право становится всеобщим.

Является ли это предоставление избирательных прав бывшим кулакам такой мерой, которая отступает от марксизма - ленинизма? Разумеется нет. Еще в 1918 г. в тезисах о советской власти, представленных VII съезду партии, Ленин предвидел: „распространение советской конституции, по мере прекращения сопротивления эксплоататоров, на все население“ [14].

В ответах свердловцам тов. Сталин, говоря об оживлении советов, подчеркивает, что рамки расширения советской демократии, намеченные в решениях XIV конференции партии и III съездом советов СССР, не „останутся незыблемыми навеки. Наоборот, они несомненно будут расширяться по мере роста нашего народного хозяйства, по мере укрепления хозяйственной и политической мощи пролетариата, по мере развития революционного движения на Западе и Востоке, по мере усиления международных позиций советского государства“ [15].

Приведя указанные выше слова Ленина, тов. Сталин продолжает: „Речь идет здесь, как видите, о распространении конституции на все население, в том числе и на буржуазию. Это было сказано в марте 1918 г. С того времени до смерти Ленина прошло больше 5 лет. Однако Ленин ни разу не заикнулся за этот период о своевременности проведения в жизнь этого положения. Почему? Потому, что не пришло еще время для такого расширения. Но что оно придет когда-либо, когда внутренние и международные позиции советского государства укрепятся окончательно, в этом не может быть сомнения“ [16].

Сейчас мы достигли такой степени укрепления наших позиций, когда мы можем предоставлять избирательные права известной части быв. кулаков, прекратившей сопротивление колхозам и включившейся в трудовую жизнь.

IV. ДАЛЬНЕЙШАЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

После всего сказанного ясно, что изменения нашей избирательной системы, намеченные VII съездом, надо рассматривать с точки зрения тех выгод укрепления диктатуры пролетариата, которые мы получаем для упрочения и расширения советско-

[14] Ленин, т. XXII, с. 372.
[15] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, 1932, с. 163.
[16] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, 1932, с. 163.

С90 7729

го демократизма, но отнюдь не с точки зрения преимуществ какой-то отвлеченной демократии.

В 1918 г. Каутский в своей ренегатской брошюре, противопоставляя советы учредилке, особенно цеплялся за непрямые выборы, желая этой формальной стороной дела заслонить существо.

Каутский хватается за „мелочи", писал тогда Ленин [17]. За эти мелочи цеплялись впоследствии с легкой руки Каутского все буржуазные писаки, желающие опорочить советскую систему.

Это сугубое внимание к формальностям понятно. Этим господам не на чем отыграться по существу. Каждый рабочий понимает, что государство, изгнавшее помещиков и капиталистов, представляет подлинную демократию. Выискивая объекты критики, эти наемные перья буржуазии цеплялись за отсутствие у нас прямых выборов.

Отвечая на ренегатские выходки Каутского, Ленин писал, что „непрямые выборы в нелокальные, не местные советы облегчают съезды советов и делают весь аппарат дешевле, подвижнее, доступнее для рабочих и для крестьян в такой период, когда жизнь кипит и требуется особенно быстро иметь возможность отозвать своего местного депутата или послать его на общий съезд советов" [18].

Съезды советов, выбиравшиеся непрямыми выборами, отражали действительную волю рабочего класса и передового крестьянства, в то время как буржуазные парламенты, выбранные прямым голосованием, являясь результатом целой системы подкупа, насилия и обмана, отражали давление капитала, власть частной собственности, влияние церкви на отсталые слои населения.

Надо кстати отметить, что Каутский и иже с ним старательно затушевывали тот факт, что в период между февралем и октябрем буржуазия противопоставляла советам свои так называемые „общенациональные" и „общегосударственные" органы, которые либо вовсе не имели никакого формального мандата от избирателей вроде Временного правительства, либо составлялись путем многостепенных выборов, построенных таким образом, чтобы усилить представительство цензовых элементов (государственное и демократическое совещание, так называемый предпарламент).

„Советская власть,—писал тов. Сталин,—есть объединение и оформление местных советов в одну общую государственную организацию" [19]. То, что это объединение происходило путем непрямых выборов на съездах советов разных ступеней, ничуть

---

[17] Ленин, т. XXIII, с. 349.
[18] Там же, с. 350.
[19] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, 1932, с. 34.

не препятствовало установлению теснейших связей между аппаратом управления и массами. Тем более, что эта связь в советской системе осуществляется не только выборами делегатов, но путем разнообразнейших форм массового контроля и вовлечения трудящихся в дело управления государством.

Это однако не снимает вопроса о дальнейшем усовершенствовании, дальнейшей демократизации советского избирательного права. Нет ничего более противоречащего марксизму-ленинизму, как попытка законсервировать исторически сложившуюся форму государственного устройства, оторвав ее от конкретной обстановки, и сделать из нее своего рода икону. У нас находились такие теоретические головы, которые пускались на совершенно ненужные ухищрения, чтобы доказать, что советская система выборов через посредство съездов советов—это и не прямые, и не косвенные, а что-то особенное, совершенно специфическое, без чего, мол, нельзя себе представить советскую систему.

Решения VII съезда советов покончили с такого рода мудрствованиями. Советские непрямые выборы были в сто раз демократичнее и прогрессивнее, чем прямые выборы в капиталистические парламенты. Но теперь настало время, когда мы на базе успехов социалистического строительства можем перейти к советским прямым выборам, которые дадут нам новые преимущества и по части повышения авторитета органов советской власти. еще большего усиления связи с массами, еще большей подконтрольности этих органов и поднятия их работы на более высокую ступень.

Если многостепенная система, как более простая, в известных условиях удобнее, то теперь хозяйственный подъем, укрепление средств связи, большая осведомленность трудового населения в политических вопросах, лучшая, более быстрая связь мест и центра позволяют нам перейти к системе более сложной, которая потребует больше организационных усилий, но зато позволит нам установить более непосредственную связь между избирателями и всеми органами советской власти от районного звена до республиканского и всесоюзного.

До решения VII съезда местные советы избирались прямым голосованием, а райисполком, облисполком и вплоть до ЦИК избирались на съездах советов.

При новой системе эти органы будут избираться непосредственно избирателями.

Избиратели, пославшие данных людей в местный совет и в вышестоящие органы, будут проверять их работу. Сохраняется право отзыва депутата из любого органа.

Местные советы остаются основой государства, но форма связи между ними будет другая.

При этой системе прямых выборов все звенья советской власти приближаются непосредственно к избирателям; избира-

тели получат возможность лучше контролировать работу этих вышестоящих звеньев.

Иногда высказывался взгляд, что многостепенная система облегчает выдвижение талантливых людей, организаторов и руководителей из рабочих и крестьян, которые по ступеням этой лестницы поднимаются к все более ответственной государственной работе.

Это верно до известного предела.

Конечно для представителя буржуазной интеллигенции, для врача, адвоката, писатели в былое время было гораздо легче завоевать себе широкую известность, чем крестьянину или рабочему. Среди трудящихся способный, энергичный человек, организатор не выделяется сразу, его знают только у себя на фабрике, на заводе, в селе и т. д. В масштабе области или всего государства эти люди могут долгое время оставаться неизвестными.

Система многостепенных выборов действительно сыграла некоторую роль, помогая извлекать из гущи народной этих способных людей и облегчая возможность продвигаться вверх, становиться государственными деятелями.

Но сейчас положение уже не то.

Сейчас мы имеем сотни способов, с помощью которых ударники, герои нашей социалистической стройки, Изотовы социалистических шахт становятся быстро известными всей стране.

Так что и с этой точки зрения выдвижение организаторских талантов из народа может беспрепятственно происходить путем прямого голосования.

Система прямого голосования и, скажу, забегая вперед, система закрытой подачи голосов представляют собой более высокую организационную ступень советского строительства также и потому, что они соответствуют лозунгу „дойти до конкретного человека". Прямое избрание ставит перед избирателем конкретное лицо, ставит его непосредственно. Тут уже речь идет об оценке не по средним результатам, а смотря по доверию и авторитету, которые своей работой сумел заслужить данный кандидат.

Точно так же при закрытом голосовании агитация и массовая работа должна еще больше, чем сейчас, доходить до каждого трудящегося в отдельности и не останавливаться на средних результатах.

Буржуазные и социал-демократические критики советской системы извели не мало чернил, нападая на существовавшие у нас доселе непрямые выборы, видя в них хитрую выдумку большевиков, устроенную для того, чтобы обеспечить партийное большинство в вышестоящих органах.

Можно было подумать, что они с восторгом примут весть о переходе к прямым выборам.

Ничуть не бывало. Теперь эти господа выступают самыми горячими защитниками старой системы и открывают в ней небывалые положительные стороны.

Возьмите пример „Иллюстрованы курьер Цодзенны" от 12 февраля 1935 г., который разразился по поводу изменений советской конституции статьей, переполненной злобным вздором. Газета, ничуть не смущаясь, преподносит читателям высосанную из пальца новость, будто советская система вообще упраздняется и заменяется буржуазно-парламентской системой, „согласно которой выборные учреждения всех ступеней будут выбирать раз в четыре года".

Далее газета делает лживые намеки, что теперь-де не будет применяться право отзыва депутатов, и наконец, разражается следующей тирадой:

„Если при прежней системе, по крайней мере в самых низовых звеньях ее, в волостном совете гражданин имел некоторую возможность выразить свою волю и осуществить ее в скромных размерах, то при всеобщем голосовании по территориальному признаку эта возможность совершенно исчезает". Лакей фельдфебель ско-панской Польши, которая стесняется даже называться респ убликой, в роли защитников советской демократий—это ли не комедия?

Однако расшифровка этих неожиданных симпатий к „идеологическим основам советской системы" не заставляет себя ждать. Демократизм местных советов автор статьи усматривает в том, что „в деревнях волостные советы были единственными выборными учреждениями, где коммунисты никогда почти не имели и не могли иметь большинства, более того, куда иной раз пробирались представители осужденных классов вроде богатых крестьян или так называемые представители старого мира, местное духовенство".

Этим господам не нравятся прямые выборы, им вообще ни чего не может нравиться в Советском союзе потому, что в нем ликвидируются капиталистические элементы и разрушаются в корне всякие надежды на реставрацию капиталистической системы. Им не нравятся прямые выборы, потому что они предвидят новое громадное усиление влияния коммунистической партии.

Ну, что же, на этих людей не угодишь. Чем больше они ругаются, тем стало быть полезнее данная мера рабочим и крестьянам.

Отвратительное и в то же время комичное впечатление производят злобные выпады г. Дана, которыми он разразился в газете „Peuple" от 9/II.

Дана не удовлетворяют принятые VII съездом решения. Это само собой понятно. Он хочет такой демократии, при которой меньшевики могли бы свободно заниматься своей подрывной работой на пользу капиталистических интервентов. Дан обижен

за Зиновьева и зиновьевцев. Дану хотелось бы, чтобы Николаевы могли с помощью иностранных консулов свободно устраивать заговоры и террористические акты на советской территории. Иначе он не представляет себе демократии. Наконец,— это самое замечательное,—Дан отказывается верить в демократизм советской системы, поскольку съезд советов единогласно и без возражений принял предложение пленума ЦК коммунистической партии. Дану не нравится демократия, при которой коммунистическая партия является партией правящей, при которой она пользуется небывалым и безраздельным влиянием и авторитетом среди трудящихся. Дану больше улыбается такая демократия, при которой коммунисты сидят за решотками. Это мы прекрасно знаем. Но тут уже ничего нельзя поделать. Не только г. Дан—этот обретающийся на задворках прихвостень буржуазии, но и вся мировая буржуазия не в силах изменить исторических фактов.

ВКП(б), партия, выпестованная Лениным и великим продолжателем его дела Сталиным, провела рабочий класс и крестьянство Советского союза через все трудности и опасности, через все подводные камни к заветной цели, к победе социализма. Именно это и создало коммунистической партии тот громадный авторитет, которым она пользуется у трудящихся. И вместе с ростом и развертыванием советского демократизма будет еще больше расти влияние партии на массы и доверие масс к партийному руководству.

До сих пор наша конституция устанавливала различные нормы представительства на республиканском и всесоюзном съездах советов для сельского и для городского населения. В первом случае один депутат избирался на 125 тыс. жителей, а во втором случае—на 25 тыс. избирателей. Но так как не все население состоит из избирателей, то преимущество представительства рабочих перед крестьянством выражается примерно пропорцией 2,7 : 1.

Это соотношение отвечало руководящему положению в мелкокрестьянской стране городского рабочего, который являлся гегемоном, который являлся классом-диктатором.

Всякие демагоги насчет равенства избирательных прав рабочих и крестьян в тот период, когда еще в деревне не было колхозов, когда еще было сильно влияние кулачества, лили воду на мельницу буржуазной контрреволюции. „Да, мы нарушили равенство рабочих с крестьянами и утверждаем, что вы, которые стоите за это равенство,—сторонники Колчака“ [20].

Но в то же время преимущества, которые имел рабочий класс, никогда не рассматривались нами как что-то вечное, неизменное. Наша конституция всегда заключала в себе перспективу уничтожения классов. Это уничтожение классов шло по

[20] Ленин, т. XXIV, с. 295.

пути ликвидации капиталистических элементов и переделки мелких товаропроизводителей. Наша конституция — это знамя борьбы за социализм и средство организации этой борьбы.

В программе партии говорится о временном характере тех преимуществ, которые сохранены конституцией за промышленным пролетариатом. Программа связывает установление этих преимуществ с „трудностями социалистической организации деревни".

Ясно, что сейчас, когда победил колхозный строй, когда кулак в основном ликвидирован, когда мы имеем в деревне колхозника—прочную опору советской власти, есть все основания к тому, чтобы перейти к равному избирательному праву.

Значит ли это, что умаляется руководящая роль рабочего класса или, более того, ставится под сомнение вопрос о диктатуре пролетариата?

Ни в какой мере.

Всякие такого рода разговоры надо заклеймить как оппортунистическую болтовню.

Руководство рабочего класса должно быть еще больше укреплено. Задача состоит в том, чтобы овладеть новыми методами руководства, новыми рычагами влияния и воздействия на крестьянские колхозные массы, воспитывая в них чувство равной ответственности за все советское государство, за все хозяйство и в деревне и в городе, за дальнейший рост и укрепление социалистической собственности, за дальнейший рост обороноспособности нашей социалистической родины.

Равное избирательное право есть средство этого воспитания, есть средство политического и культурного подъема деревни к нашему продвижению по пути ликвидации разницы между рабочим классом и крестьянством. Это не демократизм, поддерживающий иллюзии мелкого хозяйчика, иллюзии его свободы и независимости. Я-де занимаюсь своим хозяйством, честно работаю, никого не обижаю и ни в чьи чужие дела не вмешиваюсь. Пусть и другие также занимаются своим хозяйством и не вмешиваются в мои дела. А государство или „общая воля" всех нас, мелких независимых хозяев, пусть выступает в своей роли сторожа и тоже поменьше вмешивается в мои дела.

Советский демократизм характерен тем, что в его рамках происходит переделка мелкого товаропроизводителя. Победа колхозного строя означает разрыв с мелкособственническим укладом, включение крестьянина в общее дело управления коллективным сельским хозяйством, социалистической промышленностью, всем плановым хозяйством и культурным строительством.

Последовательно социалистические предприятия при этом сохраняют свое ведущее значение. Рабочий класс всей предыдущей истории лучше закален и подготовлен к борьбе с пережитками капитализма. Только его руководством можно обеспечить завершение переделки вчерашнего мелкого собственника. Надо

помнить, что переделка сознания отстает от перестройки хозяйства, что освобождение от пережитков мелкособственнического прошлого—это длительный процесс, что различие между крестьянством и пролетариатом еще не уничтожено. Однако на каждом этапе руководящая роль рабочего класса выражается в особых формах.

В буржуазной печати кое-где можно встретить оценку нашего перехода к равным выборам, которая заключает в себе часто против воли признание колоссальных успехов нашей социалистической стройки и колоссального укрепления авторитета нашей партии.

Так, „Ригаше Рундшау" 11 февраля рассуждает о том, что, во-первых, в СССР сильно выросла доля городского населения, а следовательно и удельный вес городского пролетариата.

Помимо этого автор указывает на такие факты, как усиление партийных организаций в деревне, районирование, создание политотделов, МТС и их работа, система рабкоров и селькоров, легкая кавалерия комсомола как условия, обеспечивающие прочность коммунистического влияния в деревне. Он говорит далее о колхозах, о новой организации труда, о проникновении машин, об изменении самого типа крестьянина с тех пор, как он расстался с единоличным хозяйством, о его приближении к типу пролетария по взглядам, желаниям и потребностям.

И как бы ни старался этот автор ослабить свои утверждения, заявляя, что рост политического и культурного сознания деревни якобы таит в себе опасность для советской власти, основное остается непоколебимым. Союз рабочего класса и крестьянства поднялся на новую, более высокую ступень, и уравнение избирательных прав города и деревни является выражением этой более высокой ступени.

Небезынтересные рассуждения об изменениях советской конституции находим мы в газете „Прагер прессе".

„Причины этой реформы покоятся в общем на следующем: внутренняя советская политика, основанная на принципах генеральной линии Сталина, привела в течение первой пятилетки и первых двух лет второй пятилетки к социально-экономическому нивелированию советского общества. Она создала гигантскую государственную промышленность и автоматически выключила не только всякую другую промышленную деятельность, но также всякую другую негосударственную и неколлективную деятельность, в сфере обмена произведенной продукции. Эта политика нивелировала не только структуру городского и индустриального населения, но сделала гигантские шаги в направлении введения коллективного труда в советском сельском хозяйстве и следовательно среди сельского населения" [21].

[22] „Прагер прессе", 19/II 1935

То, что газета называет „нивелированием", и есть всемирно-историческая победа принципа социалистической общественной собственности в СССР.

Постановление VII съезда советов вводит впредь з а к р ы т у ю подачу голосов при советских выборах.

В свое время наша партия в условиях капиталистического режима боролась за тайное голосование по вполне понятным соображениям. При закрытом вотуме капиталистические правительства и отдельные капиталисты в некоторой степени лишались возможности давить на рабочих при голосовании.

Тайное голосование в то время было в руках рабочей партии орудием, при помощи которого можно было успешнее использовать буржуазный парламентаризм для организации рабочих, для подготовки их к революции.

При советской системе те соображения, которые заставили нашу партию настаивать на тайных, закрытых выборах, конечно отпали.

Никакого давления на рабочий класс свергнутая буржуазия производить не могла.

Поэтому открытое голосование в советских условиях не могло принести никакого ущерба для развития политической борьбы рабочего класса. Оно наоборот воспитывало и оказывало известное влияние в смысле вовлечения отсталых слоев трудящихся в политическую жизнь под влиянием передовых элементов путем того массового воздействия, которое она в себе заключает. При системе открытого голосования на общих собраниях избирателей мы достигли в течение ряда лет большого подъема политической активности, что и выражается в цифрах, приведенных выше.

Тайная подача голосов в различных странах была введена в разное время. Во Франции она датируется с эпохи Директории (ясно, что тут мотивом вовсе не являлось желание обеспечить независимость голосования неимущих; просто буржуазный избиратель хотел оградить себя от неприятностей в борьбе буржуазных же политических клик).

Интересно отметить, что якобинцы при выборах в Конвент настаивали на открытом голосовании, так как последний способ более обеспечивал их влияние на исход выборов.

В Германии тайное голосование введено с эпохи Северогерманского союза (1866 г.). Впрочем в Пруссии до 1918 г. существовали открытые выборы.

В Англии закрытый вотум введен только в 70-х годах. В Венгрии до сих пор только в 45 из 245 избирательных округов голосование производится тайно.

В Италии, при фашистском режиме, закрытое голосование корректируется просвечивающим через конверт официальным фашистским бюллетенем.

Буржуазные теоретики-государствоведы никогда не выступали особенно ярыми защитниками тайного голосования. Буржуазия примирилась с закрытым вотумом, убедившись, что, располагая могущественными средствами политического, административного и экономического давления, она сможет обеспечить свое господство и при тайной подаче голосов.

Известно, что Бисмарк сказал, что „тайное голосование противоречит лучшим свойствам германской крови". На эту же тему насчет культивирования трусости путем тайного голосования распространялись нередко и другие представители имущих классов.

Но само собой понятно, что открытое голосование на советских выборах вызывало единодушное возмущение всех этих поклонников „мужества и силы характера".

Наша позиция в этом случае точно такая же, как и в вопросе о прямых выборах. Мы не фетишизируем той или иной формы, но мы готовы использовать преимущества закрытого голосования, которые в данных условиях перевешивают те минусы, которые могут получиться из-за того, что остатки враждебных классов и известные прослойки трудящихся, находящиеся под влиянием капиталистических элементов, получат более легкую возможность при закрытом голосовании выразить свои антисоветские настроения и взгляды.

Советская власть настолько прочна не только в городе, но и в деревне, влияние коммунистической партии так выросло, что мы можем перейти к закрытому голосованию, поскольку оно представляет собой в высшей степени эффективный способ проверки их связи с массами, качества работы советских органов, проверки слабых участков работы, поскольку закрытое голосование представляет собой способ, благодаря которому можно ударить по забюрократившимся элементам, которые почувствовали себя чересчур спокойно, которые начали обрастать жирком.

При закрытом голосовании еще большее значение приобретает массовая работа среди беспартийных рабочих и колхозников, подбор вместе с ними достаточно популярных кандидатов, людей, которые заработали себе авторитет и доверие.

Это будет новый, дополнительный способ проверки связи с массами.

* * *

Тов. Молотов говорил о том, что мы берем лучшее в развитии современных государств, лучшее, что есть в парламентаризме.

Это значит, что мы решительно отметаем все плохое, несоответствующее советской системе.

Об этом в свое время писал Ленин, отмечая, что „есть мелкобуржуазная тенденция к превращению членов советов в „пар-

ламентариев" или, с другой стороны, в бюрократов. Бороться с этим надо, привлекая в с е х членов советов к практическому участию в управлении", и далее он продолжал: „Целью нашей является б е с п л а т н о е выполнение государственных обязанностей к а ж д ы м трудящимся, по отбытии 8-часового „урока" производительной работы: переход к этому особенно труден, но только в этом переходе залог окончательного упрочения социализма" [22].

Это значит, что развертывание советского демократизма вовсе не исчерпывается изменениями в избирательной системе. Эти изменения должны сопровождаться укреплением и развертыванием всех прочих форм участия масс в управлении государством: шефство, соцсовместительство, секции, депгруппы, низовой контроль как путь к цели, намеченной Лениным, — „выполнение государственных обязанностей каждым трудящимся".

Громадное международное значение принятых VII съездом решений особенно ярко бросается в глаза в силу того, что буржуазия, которая когда-то гордилась своей парламентской демократией, считала ее вечной, непоколебимой, лучшей формой государственного устройства, сводит ее на-нет и начинает оплевывать и поносить все то, что выдвигала когда-то, в тот период, когда была еще прогрессивным классом.

Самый принцип решения по большинству голосов начинает браться под сомнение. Вместо этого выдвигается принцип беспрекословного солдатского повиновения авторитету вождей.

„Авторитет сверху, как результат сознающего свою ответственность руководства, доверие и дисциплина снизу — эти особенности солдатского, в конечном счете, духа отличают сущность сегодняшнего вождистского государства",—вещает один из национал-социалистских государствоведов [23].

Зачем нужен правительству какой-то мандат от управляемых? вопрошает другой. „Правительство, которое управляет лишь потому, что оно имеет поручение от народа,—это не авторитарное правительство. Авторитет возможен только из трансцендентного" [24].

В то время как буржуазия, чувствуя непрочность своей власти, чувствуя, что она не может уже влиять на массы, видя, что капиталистическая экономика разваливается, рассчитывает на насилие, на террор, на беспрекословное солдатское повиновение, в это время государство диктатуры пролетариата планомерно, последовательно и неуклонно идет к развертыванию до конца высшего типа демократии.

Диктатура пролетариата показала себя как преодоление безработицы, кризисов, пауперизации, как братское сотрудничество

---

[22] Ленин, т. XXII, с. 465.
[23] Koellenreiter, Grundriss, s. 168.
[24] Ernst Forsthoff, Der totale Staat, s. 30.

народов и рас, как самый надежный оплот международного мира, как растущая и расширяющаяся демократия, основанная на общем владении средствами производства и уничтожении классов. Это развертывание до конца советской демократии означает укрепление нашего государства, сила которого нужна для окончательного искоренения классовых врагов, для укрепления социалистической собственности, для подъема благосостояния, для воспитания новых социалистических навыков в труде и быту, для грозного отпора капиталистическим поджигателям войны.

Значение советского государства поднимается и вырастает еще больше; гордость нашими успехами, сознание мощи социалистической родины должны дать новый стимул к упорной работе и борьбе за окончательное торжество социализма.

„Настоящий советский патриотизм,—сказал товарищ Молотов на VII съезде советов Союза ССР,—растет в массах как сознание великой революционной силы союза рабочих и крестьян всех наций СССР, объединенных советами, как сознание великого интернационального значения успехов строительства социализма для трудящихся всех стран“ [25].

---

[25] „Известия“ от 7/II 1935 г., № 33.

А. ЯЛЫМОВ

К ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

I. ПРОГРАММНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Попыткам догматической трактовки конституции мы противопоставляем политическое ее изучение. Ибо только при этом условии конкретно-историческая действительность, чуждая всякому схематизму, догматике и схоластике, предстает перед нами во всем богатстве своего содержания.

Изучать советскую конституцию без знания того, как и в каких условиях она рождена, нельзя. История борьбы Ленина, Сталина, всей нашей партии за утверждение советской власти, получившей свое выражение в конституции, вскрывает всю принципиальную значимость нашего основного закона.

Наша советская конституция, рожденная не в кабинетах юристов, а в ходе революционной борьбы масс, сформулировала и программные требования масс, и обобщила на определенном этапе опыт самой борьбы. Историческое изучение этого опыта борьбы масс, под руководством партии Ленина-Сталина, должно быть тесно связано с изучением самого конституционного документа.

У Ленина мы имеем целый ряд высказываний по вопросу о советской конституции, сводящихся к тому, что „мы могли записать то, что уже существует на практике“[1]; что в нашей конституции „записан опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплоататоров и внутри страны, и во всем мире“[2]; что „советы возникли без всякой конституции и б о л ь ш е г о д а (с весны 1917 до лета 1918 гг.) жили без всякой конституции“[3].

В докладе о партийной программе на VIII партийном с'езде Ленин указывал, что „наша конституция признает преимущество пролетариата над крестьянством и лишение избирательных прав эксплоататоров... Свободы для буржуазии мы не хотим, равенства эксплоататоров и эксплоатируемых мы не признаем, но мы рассматриваем в программе этот вопрос таким образом,

---

[1] Ленин, т. XXIII, с. 121
[2] Там же, с. 256.
[3] Там же, с. 369.

что меры такого рода, как неравенство рабочих с крестьянами, конституцией вовсе не предписываются. Конституция их записала после того, как они были введены в жизнь. Даже не большевики выработали конституцию советов, ее выработали до большевистской революции меньшевики и эсеры против себя. Они выработали ее так, как выработала жизнь" [4].

Эти ленинские указания и должны быть положены в основу разработки истории советской конституции, оформившей советы, как государственную форму диктатуры пролетариата.

Ленин, говоря еще о советах 1905 г., указывал, что они являются „продуктом самобытного народного творчества" [5].

Народное революционное творчество трудящихся масс (так же, как и во времена Коммуны 1871 г.) очень часто перекрывало соглашательское „руководство" русских Луи Бланов и в 1905, и в 1917 гг. В эти годы революционные рабочие, крестьяне и солдаты прошли действительную школу борьбы и основательно раскусили сущность „революционной" фразеологии меньшевиков и эсеров. Самобытная народная революционность так же, как и в 1871 г., перекрывала нерешительность растерявшихся перед революцией мелкобуржуазных вожаков. Но в этом пункте аналогия 1905—1917 гг. с 1871 г. и кончается. Революции 1905 и 1917 гг. получили то, чего не было у героических коммунаров, а именно: твердое руководство большевистской партии. Только борьбой и победой большевистского руководства объясняется перерастание советов, как формы организации революционных масс, из органов борьбы за власть в органы осуществления завоеванной власти.

Меньшевики и эсеры, непосредственно после февраля 1917 г., в силу ряда условий оказались в большинстве в советах. Но их основная тенденция, их основное стремление как „руководящей" партии было—поскорее переселиться, как они сами выражались (в одной статье в „Известиях") из „временных бараков", т. е. советов, в „постоянное каменное здание нового строя". Какого же строя? Буржуазного парламентаризма!

Но вопреки меньшевикам и эсерам советы продолжали существовать; а объединенные в советы рабоче-крестьянские массы и не собирались поступиться своими завоеваниями в пользу буржуазного парламентаризма. Боясь потерять влияние в массах, меньшевистско-эсеровское большинство советов вынуждено было в ряде советских актов оформлять советские массовые организации. Ведя закулисную „работу", направленную к ликвидации советов, меньшевики и эсеры вынуждались давлением масс конституировать советскую организацию.

---

[4] Ленин, т. XXIV, с. 146.

[5] Ленин, т. IX, с. 116. Плеханов, как известно, „упрекал" Ленина за такое, якобы, „народническое" определение и тем самым продемонстрировал свое непонимание соотношения объективного и субъективного.

Таким образом еще в эпоху засилья меньшевиков и эсеров мы имеем ряд советских актов конституционного порядка, оформляющих бытие советов. Эти акты не стали простыми формальными, негласящими бумажками; они не разделили судьбы печальной памяти „контактной комиссии" или „предпарламента" только потому, что эти „конституционные" акты соответствовали действительности. А поскольку действительность февральской революции развивалась вопреки меньшевикам и эсерам по большевистскому пути, постольку и „конституция" оказалась выработанной против меньшевиков и эсеров.

Развитие революции от февраля к октябрю, отображенное в целом ряде дооктябрьских „конституционных" актов, полностью опрокинуло все расчеты как меньшевиков и эсеров, так и их непосредственных соратников—штрейкбрехеров революции в лице Каменева и Зиновьева; заодно опрокинута была и троцкистская схема „перманентной революции", а также и бухаринская „теория" „взрыва государства".

Таким образом ход революционного развития, направляемый нашей большевистской партией, привел массы к тому, что они, сами организуясь, создали и укрепили свои классовые органы—советы. В процессе создания этих органов, проходившем в условиях ожесточенной борьбы, под большевистским руководством, против буржуазии и ее соглашательского охвостья, в ходе борьбы за превращение советов в органы диктатуры пролетариата сложились основные черты всей советской системы, записанной более чем через год, в нашу первую конституцию.

Советская конституция 1918 г. разрабатывалась под непосредственным руководством Ленина и Сталина. Более того, Ленину и Сталину принадлежат в основном два важнейших принципиальных раздела нашей первой конституции („Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа" и „Общие положения конституции").

В этой конституции действительно записано завоеванное: завоевание власти рабочим классом; борьба за привлечение среднего крестьянства на сторону пролетариата; завоеванная свобода наций; захват командных экономических высот, что явилось первым камнем фундамента социалистической экономики.

В нашей конституции мы записали завоеванное. Но только люди, погрязшие в правооппортунистическом болоте, могут договориться до трактовки наших декретов, наших законов, как некоего мертвого отражения действительности, как только регистрации того, что уже было. Как известно, такую точку зрения в свое время пропагандировал Бухарин и его ученики в области права.

Наши декреты, неоднократно говорил Ленин, есть призыв к массам к действию, и в этом действенность и организующая роль советских декретов, законов как мощного орудия диктатуры пролетариата.

На XI съезде партии Ленин говорил: „У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют..., но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в наших народных массах. Это было время, это была полоса, которая была необходима в начале революции, без этого мы бы не стали во главе революционной волны, а стали бы плестись в хвосте. Без этого не было бы к нам доверия всех рабочих и крестьян, которые хотели построить жизнь на новых основах“ [6].

Программа этой „жизни на новых основах“ и изложена в нашем основном законе—конституции.

Эта программа записана в первых двух ленинско-сталинских разделах конституции. В разделах же, посвященных организации власти, конституция записала опыт строительства, но записала лучшее. И на основе этого, уже после V съезда, завершается построение единой системы советского государства. А на VI съезде (ноябрь 1918 г.) Ленин и Свердлов смогли заявить, что „нет в России такого захолустья, где бы советская организация не упрочилась, не составляла бы цельной части советской конституции, выработанной на основе долгого опыта борьбы всех трудящихся и угнетенных“ [7].

В работах Ленина имеется немало указаний и на международное значение нашей конституции как именно программы диктатуры пролетариата. Наша конституция в 1918—1919 гг. была единственным легальным документом для заграницы о „советистах“ (как нас называли в то время). Советская конституция призывала трудящихся всех стран встать на путь социалистической революции. Она была одним из мощнейших орудий нашей агитации и пропаганды, отвоевавших в годы интервенции солдат у Антанты. Наша конституция, переведенная на большое количество языков мира, сыграла огромнейшую пропагандистскую, агитационную и организационную роль для подготовки борьбы за диктатуру пролетариата во всех странах.

Основа, содержание советской конституции—диктатура пролетариата—непоколебима. Развитие диктатуры

---

[6] Ленин, т. XXVII. с. 255—256.
[7] Ленин, т. XXIII, с. 250.

пролетариата, успехи социалистического строительства означают дальнейшее всестороннее укрепление диктатуры и ее организационных форм, что получало свое отражение в тех текущих изменениях советской конституции, которые делались почти на каждом съезде советов.

Сейчас, когда „Россия нэповская стала Россией социалистической", когда в соотношении классов произошли, даже со времени последнего утверждения конституции—в 1925 г., колоссальнейшие сдвиги, настало время внести такие изменения в конституцию, которые уже не укладываются в рамки обычных текущих изменений. „Для нас советская конституция,—говорил т. Молотов на VII съезде советов,—не просто декларация, а важнейший документ борьбы за дальнейшее укрепление социалистической собственности, за окончательную победу социалистического общества"[8]. Эта программа побед и получит свое полное выражение в новом тексте советской конституции.

Итак, из сказанного вытекает тот вывод, что наша конституция не только правильно записала опыт (лучший, проверенный опыт) борьбы масс и строительства советов, но она явилась и является программой рабочего класса, завоевавшего власть и использующего эту власть для достижения своей конечной цели—коммунизма. Эта программа получила свое выражение в ленинской „Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа", принятой как конституционный акт III съездом советов в январе 1918 г., где провозглашается „полное устранение деления общества на классы"[9]. Таково же программное значение ленинско-сталинских „Общих положений конституции" 1918 г., статья 9 которой, принятая по проекту тов. Сталина, указывает, что „Основная задача, рассчитанная на настоящий переходный момент конституции Российской социалистической федеративной советской республики, заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной всероссийской советской власти, в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти"[10]. Такой же программный характер имеет и сталинская „Декларация об образовании Союза ССР" 1922 г., где указывается, „что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 г. основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и но-

[8] Молотов, Об изменениях в советской конституции, 1935, с. 13. Разрядка моя—А. А.

[9] III Всерос. с'езд советов РС и КД, 1918, с. 90.

[10] Конституция РСФСР, 1918, с. 9.

вым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую социалистическую советскую республику"[11].

Наконец нашим законам, в том числе и Основному закону, чуждо левацкое перепрыгивание через этапы или, как говорил Ленин, „махание декретами". Вот почему мы записываем в законах не только должное, но и сущее, не отрывая одного от другого.

II. ЛИШЕНИЕ ЭКСПЛОАТАТОРОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

Ленин в брошюре „Пролетарская революция и ренегат Каутский" дал уничтожающую отповедь этому защитнику „попранных" прав буржуазии.

„Мы знаем, — писал Ленин, — пример Коммуны, мы знаем все рассуждения основателей марксизма в связи с ней и по поводу нее. На основании этого материала я разбирал например вопрос о демократии и диктатуре в своей брошюре „Государство и революция", написанной до октябрьского переворота. Об ограничении избирательного права я не говорил ни слова. И теперь надо сказать, что вопрос об ограничении избирательного права есть национально-особый, а не общий вопрос диктатуры. К вопросу об ограничении избирательного права надо подходить, изучая особые условия русской революции, особый путь ее развития"[12]. И далее: „Лишение буржуазии избирательных прав не составляет обязательного и необходимого признака диктатуры пролетариата. И в России большевики, задолго до Октября выставившие лозунг такой диктатуры, не говорили заранее о лишении эксплоататоров избирательных прав... Историк Каутский... не понял, что буржуазия еще при господстве меньшевиков (соглашателей с буржуазией) в советах сама отделила себя от советов, бойкотировала их, противопоставляла себя им, интриговала против них[13].

Но как же произошло то, что меньшевики и эсеры, возглавившие послефевральские советы, которые все время оглядывались на „цензовые элементы" (как современные лейбористы на биржу, — по собственному признанию лейбористского профессора, мистера Ласки); как же русские Луи Бланы дошли до невключения в советы буржуазии этой „движущей силы революции", на чем меньшевики стояли и в революции 1905 г., и в 1917 г.?

Тем более этот вопрос интересен, что в 1905 г. имели место факты, когда либеральная буржуазия не прочь была попытаться возглавить „народное недовольство" (как она называла начав-

---

[11] Основной закон (конституция) Союза ССР, с. 5.
[12] Ленин, т. XXIII, с. 356.
[13] Там же, с. 369.

шуюся революцию), ибо это „народное недовольство" буржуазия пыталась использовать для того, чтобы пугнуть им самодержавие.

Если взять даже московский стачечный комитет, из которого потом вырос славный Московской совет, то этот стачком еще в сентябре 1905 г. возглавлялся „Союзом союзов", т. е. организацией либерально-буржуазной интеллигенции. А в Одесском совете 1905 г., организованном по почину меньшевистских представителей Петербургского совета, было несколько кадетов-профессоров, которые не случайно в самом начале декабрьской забастовки объявили об организации одесского комитета „конституционно-демократической партии" и попытались внести если не раскол, то разброд в рабочую массу.

Но в 1917-й год буржуазия вступила наученная опытом 1905 года А этот опыт воочию показывал, что подлинно пролетарская революция идет под знаменами большевистской партии. В 1917 г. за исключением спорадических случаев образования „советов офицерских депутатов" буржуазия уже не только сама не идет в советы рабочих и солдатских депутатов, но делает все возможное и невозможное для того, чтобы распустить, разогнать эти „самочинные организации". До Февральской революции буржуазия уже имела свои организации в виде Земгора, военно-промышленных комитетов и т. п., а после революции — в виде государственного аппарата, возглавляемого Временным правительством.

Выполняя социальный заказ своих хозяев, меньшевики и эсеры в февральско-мартовские дни 1917 г. с пеной у рта воюют за „классовую однородность советов", за образование советов — только рабочих депутатов, только солдатских депутатов, только крестьянских депутатов, ни в коем случае не сливая их вместе[14].

"Классовым советам" меньшевики и эсеры противопоставляли „общенародные" организации „действительных носителей революционной власти" — общегражданские комитеты и муниципалитеты, составляемые на „паритетных началах", от крестьян, рабочих и солдат и от „цензовой группы"[15].

История революции от Февраля к Октябрю показывает, что превращение именно классовых советов в носителей завоеванной революционной власти произошло вопреки меньшевикам и эсерам, вопреки Каменеву, Зиновьеву и Троцкому.

[14] А когда все же советы, подчиняясь большевистской логике революционного развития, сливались, то меньшевики и эсеры, вынужденные „согласиться" на образование объединенных советов рабочих и солдатских депутатов, стали на путь расширения солдатского — в основном крестьянского — представительства, за счет сужения представительства рабоче.о.

[15] См. в качестве примера очень характерное постановление Харьковской губернской конференции советов от 21/VI 1917 г., вошедшее в сб. „Организация и строительство советов Р. и С. Д. в 1917 г.", 1928, с. 276.

После Октября меньшевики и эсеры вкупе и влюбе с повторными штрейкбрехерами — Зиновьевым и Каменевым — завопили об „узурпации" и о неизбежности „терроризма", обусловленного единовластием рабочего класса. Так в день разгона Учредилки эсеровское „Дело народа" вопит против „тирании советов" и уговаривает, просит, требует от рабочих, солдат и крестьян „предпочитать... советам... Всероссийское, всенародное учредительное собрание..., избранное на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права"[16]. То же „Дело народа" уже после разгона Учредилки требует „немедленных и повсеместных перевыборов советов", но опять-таки „на основе всеобщего, прямого, равного и особенно тайного голосования"[17].

Нужно сказать, что эта эсеровская газетка оказалась не одинокой. Ей вторили кадетские газеты „Свободная Россия" и „Раннее утро", которые в ответ на опубликование 15/V 1918 г. проекта разделов советской конституции об избирательном праве (с лишением буржуазии этого права) пролили слезы „разочарования и скорби гражданина".

Такое же „разочарование и скорбь" проявил, как известно, и Каутский, который, „похоронив" марксово „словечко" о диктатуре пролетариата, завопил о советском „произволе", лишившем буржуазию избирательных прав; при этом Каутский с ученым видом „доказывал" невозможность дать точное определение капиталиста, для чего прибег к воскрешению давно считавшейся „в бозе почившей", национал-либеральной „бережливой Агнесы", миф о которой был разрушен еще под ударами Бебеля и др. вождей немецкой социал-демократии.

Этому единому фронту контрреволюции, перешедшей от „оружия критики к критике оружием", рабочий класс, руководимый партией Ленина—Сталина, противопоставил свое орудие коммунистического переустройства общества—диктатуру пролетариата.

Пролетариат России продолжил и завершил дело первой рабочей диктатуры—Парижской коммуны. Героические коммунары 1871 г. „штурмовали небо", но они еще не могли избавиться от ряда иллюзий, в том числе и от фетишизирования парламентаризма. Однако, несмотря на провозглашение Коммуной принципа всеобщего избирательного права (и проведение выборов по территориальным округам), Коммуна была рабочим правительством; она была первой диктатурой пролетариата, хотя и „неполной и непрочной".

Это нашло свое выражение и в самих выборах в Коммуну. Ее избирательный корпус претерпел изменения уже в связи с бегством буржуазии из Парижа. А избранные в Коммуну пред-

---

[16] Передовая „Дела народа" в № 3 (348) от 5/V 1918 г.
[17] Передовая „Дела народа" от 14 (27)/I 1918.

ставители оставшейся буржуазии попали главным образом в группу тех 22 депутатов, которые числятся в графе „сложили свои полномочия".

В отличие от Коммуны, наши советы возникли „на почве, разрыхленной стачками" 1905 г.,—из стачечных рабочих комитетов. В 1917 г. советы были классовыми организациями рабочих, солдат и крестьян без буржуазии и помещиков, организациями борьбы против эксплоататоров, а не соглашения с последними, как того безуспешно добивались социал-предатели.

После же Октября, начиная с обращения к „рабочим, солдатам и крестьянам" о переходе власти в руки советов, принятого в первом заседании II съезда советов 25/X 1917 г., в ряде декретов, инструкций и практикой строительства советов на местах закрепляется лишение эксплоататоров избирательных прав, как одно из выражений завоеванной диктатуры пролетариата.

Наконец это исключение эксплоататоров из советской демократии вошло в ленинскую „Декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа", принятую III съездом советов, и в Конституцию РСФСР, утвержденную V съездом советов.

Таким образом лишение буржуазии избирательных прав стало „составной частью диктатуры"[18]. И это, как говорил Ленин, „после опыта русской революции... вероятно будет так" в „грядущих пролетарских революциях"[19] и в других странах.

Но, являясь одним из выражений диктатуры пролетариата, лишение буржуазии избирательных прав никак не исчерпывает собою того подавления эксплоататоров, которое составляет один из характернейших признаков „сторон диктатуры пролетариата. Поэтому смешение подавления буржуазии и лишения ее избирательных прав было бы прямым отходом от ленинизма.

Ленин в речи на VIII съезде партии указывал: „Диктатура пролетариата будет подавлять буржуазию на каждом шагу, но может не лишать буржуазию избирательных прав. Это теоретически вполне мыслимо"[20].

В брошюре „Пролетарская революция и ренегат Каутский" Ленин по этому же вопросу разъясняет апологету буржуазной демократии, что лишение буржуазии избирательных прав явилось на свет „не по плану" какой-либо партии, а выросло само собой в ходе борьбы"[21].

Ленин неоднократно предупреждает о том, что нельзя смешивать и тем более подменять подавления эксплоататоров формальным лишением избирательных прав буржуазии.

---

[18] Ленин, т. XXIII, с. 369.
[19] Там же, с. 356.
[20] Ленин, т. XXIV, с. 146.
[21] Ленин, т. XXIII, с. 369.

Диктатура пролетариата имеет своей целью, задачей „уничтожение всякой эксплоатации человека человеком“ (как сказано в написанной Лениным „Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа“), а тем самым полную ликвидацию эксплоататорских элементов, путем беспощадного подавления их сопротивления, а также путем „перековки“ и включения в семью тружеников тех из них, которые окончательно разоружены (политически и экономически) и доказали полную лойяльность советской власти.

В одном из ленинских набросков к программе ВКП(б) указывается, что „лишение избирательных прав части граждан отнюдь не касается в Советской республике, как это бывало в большинстве буржуазно-демократических республик, определенного разряда граждан, пожизненно объявляемых бесправными, а относится только к эксплоататорам, только к тем, кто вопреки основным законам социалистической Советской республики упорствует в отстаивании своего эксплоататорского положения, в сохранении капиталистических отношений. Следовательно, в Советской республике, с одной стороны, с каждым днем укрепления социализма и сокращения числа тех, кто имеет объективно возможность оставаться эксплоататором или сохранять капиталистические отношения, уменьшается само собою процент лишаемых избирательного права... С другой стороны, в самом недалеком будущем прекращение внешнего нашествия и довершение экспроприации экспроприаторов может, при известных условиях, создать положение, когда пролетарская государственная власть... введет всеобщее избирательное право без всяких ограничений“ [22].

Охват пользующимися избирательным правом в последних перевыборах советов (1934—1935 гг.) 97,5% всего взрослого населения свидетельствует о крупнейших наших успехах в доведении круга лишенцев до нуля, а тем самым установления всеобщего избирательного права, о чем говорил тов. Молотов на VII съезде советов Союза ССР.

Какие отсюда напрашиваются выводы? Во-первых, тот, что со времени Октября у нас осуществилось и осуществляется всеобщее избирательное право, но только для трудящихся, а следовательно ограниченное, как говорил Ленин, задачей подавления эксплоататоров. С разрешением этой задачи подавления наша советская демократия, являющаяся наиболее полной по сравнению с другими типами демократии, распространяется на все население без исключения, ибо само это население уже будет состоять из активных и сознательных тружеников социалистическсго общества. Наконец, третий вывод заключается в том, что включение бывших эксплоататоров (и

[22] Ленин, т. XXIV, с. 94.

их детей) в семью тружеников требует от нас еще большего повышения революционной бдительности, непримиримо враждебной оппортунистической „теории" о мирном и безболезненном „врастании" в социализм.

III. ОТ НЕ ВПОЛНЕ РАВНЫХ ВЫБОРОВ К РАВНЫМ

Левые эсеры на второй день работ V (конституционного) съезда советов и накануне своего путча выступили в центральном органе „Знамя труда" от 5/VII 1918 г. с „наказом Тверского уездного совета", где были выдвинуты такие требования:

„... 5. Отмена личной диктатуры и замена диктатурой рабочих и трудового крестьянства.

... 8. Равное избирательное право для трудового крестьянства, как и для рабочих.

... 10. Отмена вооруженного похода на деревню и разделения трудового крестьянства организацией бедняков".

В этом 10 пункте, как нетрудно заметить, вскрыт политический смысл всего „наказа", вытекающего из социальной сущности левых эсеров. Левые эсеры в тверском „наказе" сами полностью себя разоблачили как идеологов кулачества, оказавшего бешеное сопротивление организованным к тому времени (и оформленным декретом ВЦИК 11/VI 1918 г.) комбедам. Вместе с тем левые эсеры в требовании равного избирательного права показали себя, помимо всего прочего, в роли „Иванов — непомнящих родства".

Обратимся к фактам, которые со всей непреложностью подтверждают высказанное нами соображение.

20 апреля 1917 г. в № 28 „Солдата-гражданина" опубликовано следующее постановление организационного комитета „Всероссийского союза крестьянских депутатов" о порядке выборов на 1 съезд крестьянских депутатов (состоявшийся 4—28/V 1917 г.):

„Все крестьяне, достигшие 18-летнего возраста, мужчины и женщины, без различия национальности, принимают участие в выборах... Волость выбирает двух или более выборщиков; выборщики, съехавшись в губернию, избирают депутатов в Петроград по расчету — 1 депутат на 150 000 всего сельского населения и не менее одного от уезда" [23].

Запомним эти нормы, установленные эсеровским руководством „крестьянского союза". А кроме того следует отметить, что здесь мы имеем, собственно говоря, воспроизведение на новой основе не только старой дореволюционной куриальной системы, но и косвенных выборов.

В том же апреле месяце (29/III—3/IV 1917 г.) работало Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов.

---

[23] „Советы крестьянских депутатов и др. крестьянские организации", т. 1, вып. 1, 1929, с. 126—127.

Платформа этого совещания ярко характеризуется хотя бы тем, что по вопросу о войне за большевиков голосовало всего 57 чел., а за резолюцию Церетели — 325. Это меньшевистско-эсеровское совещание, бывшее прелюдией к 1 съезду советов рабочих и солдатских депутатов, по докладу меньшевика Богданова (бывш. секретаря гучковской „рабочей группы" Военно-промышленного комитета и крупного дельца-организатора меньшевистско-эсеровского руководства советов), приняло решение по оргвопросу, главным пунктом которого был созыв всероссийского съезда советов Р. и С. Д. (состоявшегося 3–24/VI 1917 г.).

Всероссийское совещание установило следующие нормы представительства на съезд советов от „советов Р. и С. Д. и приравниваемых к этим советам армейских органов":...

Советы, избранные от	25 т.	до	50 т.	— 2	дел.
„ „ „	50 „	„	75 „	— 3	„
„ „ „	75 „	„	100 „	— 4	„
„ „ „	100 „	„	150 „	— 5	„
„ „ „	150 „	„	200 „	— 6	„
„ „ свыше		„	200 „	— 8	„ [24]

Таким образом, если эсеры для съезда крестьянских депутатов установили норму 1 от 150 000 сельских жителей (или 1 делегат на уезд), то эсеро-меньшевики для съезда советов Р. и С. Д. депутатов дали норму в среднем 1 от 25 000 избирателей (рабочих и солдат одинаково).

На II съезде советов крестьянских депутатов (состоявшемся уже после Октября — 26/XI—10/XII 1917 г.) выборы проходили по нормам, установленным эсеровским наказом: 1 делегат от 150 000 крестьянского населения и 1 от 20—25 тыс. солдат. Таким образом сами эсеры в данном случае установили неравные нормы представительства в пользу солдат, представительство от которых на съезды советов Р. и С. Д., как мы видели, было одинаково с рабочими избирателями.

Как известно, в январе 1918 г. III съезд советов крестьянских депутатов слился с происходившим тогда же III съездом советов рабочих и солдатских депутатов. Тем самым был положен конец раздельному созыву этих съездов, но с закреплением различных норм представительства на съезды—от рабоче-солдатских избирателей и от крестьянского населения. IV чрезвычайный съезд советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов (14—16/III 1918 г.) уже был объединенным съездом.

Далее, в постановлении ВЦИК от 10 июня 1918 г. о созыве очередного V (конституционного) съезда советов указывалось: „Норма представительства прежняя (на 25 000—1 делегат и от каждого уезда по 2 делегата)". Тем самым для городских избирателей норма устанавливалась прежняя (дооктябрьская), а

[24] „Организация и строительство советов Р. и С. Д. в 1917 г.", 1928, с. 191.

для крестьянского населения представительство, по сравнению с дооктябрьским периодом, расширилось. Раньше было по одному делегату от уезда, а здесь по два делегата.

По данным о количестве жителей в уезде (на 1917 г.) мы имеем: для Европейской России—263 878 человек и для Азиатской—207 922 человека. Таким образом выходит, что в среднем в уезде было тогда около 250 тыс. жителей, и если мы имеем двух депутатов от уезда, то значит 1 депутат на 125 тыс. жителей.

Такова действительная история того, как на практике сложилось неравное представительство рабочих и крестьян. V с'езд утвердил сложившуюся избирательную практику, введя в первую конституцию РСФСР различные нормы представительства: от 125 тыс. жителей деревни 1 депутат и от 25 тыс. городских избирателей 1 депутат. При пересчете и для деревни на избирателей действительное соотношение установилось не 5:1, а 2,7:1 [25].

В программе нашей партии, принятой в марте 1919 г., по вопросу о неравном представительстве говорится:

„7. Руководящая во всей революции роль городского промышленного пролетариата, как наиболее сконцентрированной, объединенной, просвещенной и закаленной в борьбе части трудящихся масс, проявилась как в самом возникновении советов, так и во всем ходе развития их в органы власти. Наша советская конституция отразила это, сохраняя некоторое преимущество за промышленным пролетариатом, сравнительно с более распыленными мелкобуржуазными массами в деревне". И далее разъясняется „временный характер этих преимуществ, исторически связанных с трудностями социалистической организации деревни" [26].

Победа колхозного строя, победа социализма вызвали историческое решение ЦК партии и VII съезда советов о равенстве представительства рабочих и крестьян.

Какие же выводы отсюда напрашиваются?

Во-первых, неравное представительство было выражением диктатуры пролетариата в мелкокрестьянской стране, что, как сказано в программе партии, является „главной особенностью" пролетарской диктатуры в России, где мы имели „численное преобладание мелкобуржуазных слоев населения". Во-вторых, еще в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую это неравенство, сложившееся в ходе революционной борьбы и строительства, было записано руками меньшевиков и эсеров против себя. В-третьих, вошедшее в советскую конституцию неравенство носило временный характер и явилось выражением геге-

[25] См. нашу статью в № 6 журн. „Советское государство" за 1934 г., с. 4.
[26] „ВКП(б) в резолюциях..." ч. 1, 1933, с. 330.

монии пролетариата, руководившего распыленным, колеблющимся крестьянством. В-четвертых, под руководством пролетариата и его ленинско-сталинской партии трудящиеся массы крестьянства бесповоротно стали на путь социализма; с победой колхозного строя уничтожение формального неравенства становится орудием последнего боя за окончательное уничтожение фактического неравенства между городом и деревней, за полное слияние рабочих и крестьян в единую семью тружеников социалистического общества. В-пятых, установлением равенства в представительстве классовая природа советского государства никоим образом не изменяется, а руководящая роль рабочего класса еще более возрастает. Таким образом переход к равному избирательному праву рабочих и крестьян является новым шагом к дальнейшему еще большему усилению и всестороннему укреплению диктатуры пролетариата в первой в мире социалистической стране.

Х. ЛИБМАН

О ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Разработка истории советской Конституции является весьма важной и актуальной задачей, особенно в настоящее время, когда к вопросам Конституции приковано внимание широчайших слоев советского актива.

Но эта задача весьма сложная и требует большой и углубленной работы, рассчитанной на довольно длительное время.

В данной статье сделана попытка осветить следующий круг вопросов: 1) борьбу за принцип диктатуры пролетариата против мелкобуржуазных попыток повернуть на рельсы парламентаризма; 2) подготовку первой конституции; 3) борьбу с меньшевиками и децистами по вопросу о советской демократии и диктатуре пролетариата в связи с их выступлениями и предложениями, касавшимися советской конституции.

* * *

Конституция РСФСР, единогласно принятая 10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом советов, стала знаменем борьбы советов за социализм, стала программным документом советского пролетариата и руководимых им трудящихся масс на весь переходный от капитализма к социализму период. К числу главнейших ее принципов относились: установление диктатуры пролетариата, уничтожение эксплоатации и беспощадное подавление эксплоататоров, борьба за бесклассовое общество и победу социализма во всем мире; федерация советских национальных республик на основе свободного союза свободных наций и уничтожение национального и расового гнета и неравноправия; разрыв с буржуазной империалистской политикой и борьба за мир; демократический централизм как основа всего советского строя, обеспечивающий крепкую централизованную власть, опирающуюся на мощно развитую сеть низовых советов; объединение законодательных и исполнительных функций в единой государственной организации—в советской; обеспечение условий для развертывания пролетарской советской демократии для широких трудящихся масс; предоставление активного и пассив-

ного избирательного права всем трудящимся обоего пола, достигшим 18-летнего возраста; вооружение трудящихся, создание Красной армии и полное разоружение эксплоататоров; отмена частной собственности на землю и все средства производства; переход всех банков в собственность рабочего государства; введение всеобщей трудовой повинности; лишение отдельных лиц и отдельных групп прав, которыми они пользуются в ущерб интересам социалистической революции. Кроме того конституция предусмотрела разные нормы представительства от городского и сельского населения с целью обеспечения руководящей роли пролетариата.

Советская конституция не только начертала программу действий, она записала в основных положениях и завоевания пролетарской революции. Ленин и Сталин неоднократно подчеркивали эту своеобразную особенность Советской конституции: завоеванное записано. Ленин сказал, что в конституции „записан опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплоататоров“ [1], а товарищ Сталин в речи в Югославской комиссии ИККИ указал, что „Конституция пришла в свет не в результате сделки с буржуазией, а в результате победоносной революции“ [2].

Конституция полностью отразила все основные принципы государства нового типа, государства пролетарской диктатуры, государства, направляющего всю силу и мощь организованных в советах и поднятых к новой жизни многомиллионных трудящихся масс на подавление буржуазии, на подавление эксплоататорского меньшиства. Пролетарское государство, возникшее из революционного насилия над буржуазией, представляло и представляет полную противоположность буржуазному государству с его парламентарным демократизмом, с его формальным равенством якобы для всех, являющимся на деле демократией „для богатых, ловушкой и обманом для эксплоатируемых, для бедных“ [3].

* * *

Великий Октябрьский переворот реализовал лозунг большевиков „Вся власть советам“, а открывшийся в день победоносно совершившейся пролетарской революции II всероссийский с'езд советов принял всемирно-исторические постановления о власти пролетариата, о мире, о земле, о тех коренных вопросах революции, за разрешение которых в течение всего периода от Февраля до Октября боролись рабочие и трудящиеся крестьяне Российской империи.

---

[1] Ленин, т. XXIII, с. 256.
[2] Сталин, Вопросы ленинизма, изд, 9-е 1932, с. 103.
[3] Ленин, т. XXIII, с. 346.

самим возможность сопоставить его с властью советов, немедленно разрешившей коренные вопросы революции. Поэтому II съезд советов, руководимый большевиками, постановил обеспечить „своевременный созыв Учредительного собрания", что советской властью и было выполнено. Но за тот короткий промежуток времени, который прошел с момента II всероссийского съезда советов (7—8 ноября 1917 г.) до открытия Учредительного собрания (18 января 1918 г.), советская власть, совершавшая свое триумфальное шествие на огромных пространствах Российской республики, проникла во все уголки страны, показав трудящимся массам подлинное лицо революционной власти, беспощадно ломавшей и уничтожавшей в центре и на местах старый государственный аппарат угнетения и подавления и ликвидировавшей помещичий и буржуазный частнособственнический режим жесточайшей эксплоатации миллионных масс города и деревни. В этой энергичной революционной борьбе, в этой ломке складывалось новое соотношение классовых сил, началось созидание новых социалистических форм общежития, развернулось огромное новое творческое строительство, привлекшее на сторону советской власти десятки и сотни тысяч трудящихся, с кипучей энергией проводивших в жизнь декреты Октября и закреплявших основы нового государственного строя—диктатуры пролетариата.

За этот период миллионные массы убедились на деле, что единственной властью, защищающей интересы трудящихся, является власть советов. За это время вполне выявилось контрреволюционное лицо Учредительного собрания, отражавшего „вчерашний день революции" и группировавшего вокруг себя подонки и осколки старого режима, собиравшего вокруг себя все силы контрреволюции.

Шаг за шагом с первых же часов революции в условиях самой беспощадной классовой борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией отстаивал российский пролетариат, руководимый большевистской партией Ленина — Сталина, советский государственный строй, обеспечивавший ему переустройство общества на социалистический лад.

Но эта победа российского пролетариата вызвала не только яростное сопротивление всех сил контрреволюции: буржуазии, помещиков, монархистов, черносотенцев и т. п., она вызвала и резкое сопротивление со стороны руководства мелкобуржуазных партий, со стороны меньшевиков, эсеров и др., активно участвовавших в созданном в дни Октябрьского переворота контрреволюционном „Комитете спасения родины и революции". Больше того, диктатура пролетариата встретила сопротивление и со стороны некоторых членов партии большевиков. Это были штрейкбрехеры Октября: Зиновьев и Каменев, которые накануне подготовки партии к вооруженному выступлению для захвата государственной власти выступили против вооруженного

II всероссийский съезд советов, провозгласивший, что „вся власть на местах переходит к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов“ [4], разрешил не только вопрос о власти на местах, но избранием Центрального исполнительного комитета советов—ЦИК разрешил вопрос о верховном органе власти, создав таким образом стройную систему государственного управления сверху донизу и установив тем самым новый государственный строй—диктатуру пролетариата. Съезд избрал также и правительство, большевистское по своему составу, подотчетное ЦИК и ответственное перед ним. Но это правительство—Совет народных комиссаров во главе с В. И. Лениным—вождем и руководителем Октябрьской революции—было избрано только как временное („Временное рабочее и крестьянское правительство“) до созыва Учредительного собрания.

Чем можно об'яснить, что II всероссийский съезд советов связал вопрос о правительстве государства пролетарской диктатуры с созывом Учредительного собрания? Почему большевики, имевшие значительное большинство на съезде [5], поддерживавшиеся огромным большинством беспартийных делегатов съезда, непосредственно руководившие съездом и пользовавшиеся безграничным влиянием и авторитетом среди революционных масс, почему большевики, которые устами Ленина еще в его апрельских тезисах заявили: „не парламентарная республика,—возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад,—а республика советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху“ [6], которые в течение всего периода Февральской революции подчеркивали, что „республика советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием“ [7],—почему большевики, одержавшие блестящую победу в Октябре и установившие диктатуру пролетариата, не отказались сразу же от созыва Учредительного собрания?

Потому,—и в этом сказалась мудрая политика партии Ленина-Сталина,—что большевики исходили из основного тактического положения: вести за собой массы, не отталкивать от пролетариата и его авангарда—революционной партии—мелкобуржуазные слои лозунгом „долой Учредительное собрание“, если массы еще не изжили иллюзии доверия к Учредительному собранию, не изжили еще веры в его всемогущество, не осознали еще факта, что Учредительное собрание является прикрытием для контрреволюции, что оно абсолютно враждебно пролетарской революции и порожденной ею диктатуре пролетариата. Тактика большевиков преследовала цель подвести трудящиеся массы непосредственно к Учредительному собранию и дать им

[4] Из обращения II съезда „Рабочим, солдатам и крестьянам“.
[5] Из общего числа делегатов в 649 чел. большевикам принадлежало 390 чел.
[6] Ленин, т. XX, с. 88. Разрядка моя—Х. Л.
[7] Ленин, т. XXII, с. 131.

восстания, изменнически выдав военную тайну большевистского ЦК.

Зиновьев и Каменев, бывшие накануне Октября против лозунга „Вся власть советам" и находившие, что единственно правильной государственной формой является сочетание Учредительного собрания с советами, при котором первое опирается на вторые,—с камнем за пазухой примкнули к победоносной пролетарской революции и к рожденной ею диктатуре пролетариата. Уже через несколько дней после переворота и II съезда советов, создавшего большевистское правительство пролетарской диктатуры во главе с Лениным, они стали домогаться вместе с противниками диктатуры пролетариата образования коалиционного правительства из представителей всех мелкобуржуазных партий, выдвигая в качестве кандидатов на пост главы такого правительства Авксентьева и Чернова—вождей правых эсеров, этих махровых вдохновителей контрреволюции, ярых противников революционного пролетариата.

Если ЦК партии большевиков считал возможным пополнить состав советского правительства представителями социалистических партий при условии признания ими всех постановлений II съезда советов, то предложение о создании другого коалиционного правительства с другим руководством и не ответственного перед ЦИК советов, предложение, поддержанное Зиновьевым, Каменевым, Ногиным, Рыковым и др., встретило резкий отпор со стороны Ленина и ЦК РСДРП(б), предложивших прекратить всякие переговоры о пополнении советского правительства, а тем более о создании коалиционного правительства. Несмотря на это, Каменев, Рыков, Милютин, считавшие, что укрепление диктатуры пролетариата невозможно, требовали разделения власти с мелкобуржуазными партиями и не подчинились решению ЦК. В резолюции, написанной Лениным и принятой ЦК в заседании 15 (2) ноября 1917 г., подчеркивалось следующее:

„1) ЦК подтверждает, что, не изменяя лозунгу власти советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, нельзя перейти к мелкому торгашеству за присоединение к советам организаций несоветского типа, т. е. организаций не добровольного объединения революционного авангарда, борющихся за свержение помещиков и капиталистов масс.

2) ЦК подтверждает, что уступки ультиматумам и угрозам меньшинства советов равносильны полному отречению не только от советской власти, но и от демократизма, ибо такие уступки равносильны боязни большинства использовать свое большинство, равносильны подчинению анархии и повторению ультиматумов со стороны любого меньшинства...

6) ЦК подтверждает наконец, что, вопреки всем трудностям, победа социализма и в России и в Европе обеспечивается только неуклоннейшим продолжением политики теперешнего

правительства. ЦК выражает полную уверенность в победе этой социалистической революции и приглашает всех скептиков и колеблющихся бросить все свои колебания и поддержать всей душой и беззаветной энергией деятельность этого правительства[8].

Однако проведение этой резолюции во ВЦИК было сорвано Каменевым, Зиновьевым и др. Тогда ЦК обратился к ним со следующим ультиматумом:

„Политика нашей партии для данного момента определена в резолюции, предложенной т. Лениным, принятой вчера 15(2) ноября, ЦК. Эта резолюция объявляет изменой делу пролетариата всякую попытку навязать нашей партии уклонение от власти, раз Всероссийский съезд советов эту власть именем миллионов рабочих, солдат и крестьян вручил представителям нашей партии, на основе нашей программы. Эта основная линия нашей тактики, вытекающая из всей нашей борьбы против соглашательства и руководившая нами в восстании против правительства Керенского, составляет сейчас революционную сущность большевизма и снова одобряется ЦК,—является безусловно обязательной для всех членов партии и в первую голову для меньшинства ЦК.

Между тем представители меньшинства как до вчерашнего заседания ЦК, так и после заседания, вели и ведут политику, явно направленную против основной линии нашей партии и деморализующую наши собственные ряды, поселяя колебания в тот момент, когда необходима величайшая твердость и неуклонность“[9].

Требуя от меньшинства подчинения партийной дисциплине, ЦК указывал, что в случае отказа и неподчинения меньшинство поставит себя за пределы партийных рядов.

В ответ на это категорическое требование Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин и Милютин обвинили руководящее большинство ЦК в сознательном ведении гибельной политики, могущей якобы привести к разгрому пролетариата, и вышли из состава ЦК, а Ногин, Рыков, Милютин и Теодорович вышли из состава Совнаркома. После вторичного ультимативного требования ЦК подчиниться партийной дисциплине эти люди на короткое время прекратили свою антипартийную деятельность. Но через месяц Центральному комитету партии пришлось снова столкнуться с рецидивами антипартийных взглядов, выраженных Каменевым, Рыковым, Ногиным, Милютиным и др.—членами бюро фракции Учредительного собрания—по вопросу об отношении большевиков к Учредительному собранию,—взглядов, выдвигавших снова на первое место в государстве приоритет Учредительного собрания над советами.

Ленин на заседании ЦК 24/(11) декабря 1917 г. предложил по этому вопросу:

---

[8] Ленин. т. XXII, с. 36—37.
[9] Ленин, т. XXII, с. 38.

„1) сместить бюро фракции Учредительного собрания; 2) изложить фракции наше отношение к Учредительному собранию в виде тезисов; 3) составить обращение к фракции, в котором напомнить устав партии о подчинении всех представительных учреждений ЦК; 4) назначить члена ЦК для руководства фракцией; 5) выработать устав фракции“ [10].

На другой день на заседании фракции Учредительного собрания были заслушаны, обсуждены и утверждены тезисы Ленина об Учредительном собрании, в которых он указал, что состав избранных в Учредительное собрание членов по спискам, составленным до Октябрьского переворота, не отражает воли многомиллионных масс избирателей, поддерживающих завоевания пролетарской революции и власть советов, руководимую партией большевиков, и поэтому Учредительное собрание „неминуемо приходит в столкновение с волей и интересами трудящихся и эксплоатируемых классов, начавших 7 ноября (25 октября) социалистическую революцию против буржуазии“ [11].

„Для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры пролетариата, республика советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов является не только формой более высокого типа демократических учреждений (по сравнению с обычной буржуазной республикой при Учредительном собрании, как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму“ [12].

Указав, при каких условиях Учредительное собрание может получить право на существование, Ленин подчеркнул, что „всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формальной юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны является изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии. Предостеречь всех и каждого от этой ошибки, в которую впадают немногие из верхов большевизма, не умевших оценить октябрьского восстания и задач диктатуры пролетариата, есть безусловный долг революционной социал-демократии“ [13].

В этих тезисах Ленин дал не только характеристику и критику Учредительного собрания и поведения сторонников его в рядах партии, но наметил и путь борьбы с Учредительным собранием в том случае, если оно выступит против диктатуры пролетариата. Эти тезисы, принятые за несколько дней до открытия Учредительного собрания, с исчерпывающей полнотой осветили соотношение классовых сил в стране и задачи совет-

[10] Ленин, т. XXII, стр. 130.
[11] Ленин, т. XXII, с. 133—134.
[12] Там же, с. 131.
[13] Там же, с. 134. Разрядка моя—Х. Л.

ской власти, за укрепление которой большевистская партия во главе с Лениным и Сталиным вела упорную борьбу не только в своих рядах, но и во всей стране, собирая и сплачивая все революционные силы вокруг партии и большевистского советского правительства.

Учредительное собрание, отказавшееся признать власть советов и завоевания Октябрьской революции, было ВЦИК распущено (декрет от 19 января 1918 г.).

Роспуском Учредительного собрания, целиком и полностью одобренным не только III всероссийским съездом советов, открывшимся 23 января 1918 г., но и революционными массами страны, было подчеркнуто, что советская власть на деле бесповоротно порывает с принципами буржуазного парламентаризма и буржуазного демократизма.

III всероссийский съезд советов декларировал также лишение эксплоататоров избирательного права, права участия в каких бы то ни было органах советской власти, подтвердив тем самым, что власть в республике должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству—советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Выступавшие на III всероссийском съезде советов противники советской власти в лице представителей мелкобуржуазных соглашательских партий, ставших на путь контрреволюции, пытались доказать, что советы не могут быть органами власти, что они не могут защищать интересов трудовых масс и что единственным выразителем последних был и есть Учредительное собрание, которое следует обязательно восстановить.

Так Глебов-Авилов, выступивший от фракции объединенных интернационалистов, пытался уверить съезд, что Учредительное собрание состояло из представителей огромного большинства рабочих и крестьян, тогда как в советах якобы явное меньшинство трудового элемента. По его мнению, советы не должны быть органами власти и выполнителями воли народных масс, а должны служить только боевыми организациями, стоящими на страже революции. Учредительное же собрание является верховным выполнителем чаяний народных масс [14].

А получивший слово меньшевик Мартов с негодованием восклицал: „Советская власть последними мерами [15], лишением многих избирательного права разбила зеркало, в котором фактически отражалась „воля народа“ [16]. Он указывал, что Парижская коммуна в самый разгар революции предоставила участие в выборах всем без исключения партиям, вплоть до крайне

[14] Третий Всероссийский съезд советов, изд. „Прибой“, Петербург, 1918, с. 36.
[15] Имеется в виду постановление ВЦИК от 16(3) января, утвердившее „Декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа“, а также декрет о роспуске У. С.
[16] Третий Всероссийский съезд советов, изд. „Прибой“, Петербург 1918, с. 35.

правых политических партий. Ему невдомек было, что в этом, с его точки зрения, положительном якобы действии Парижской коммуны заключалась одна из глубочайших политических ошибок ее, послуживших в значительной мере одной из причин ее гибели. Именно тот факт, что Коммуна не оказалась способной преодолеть иллюзий буржуазной демократии и что она была избрана всем парижским населением (хотя крупная буржуазия бежала в Версаль) путем всеобщего голосования, превратил ее в разнородный по классовому составу и политическим направлениям ее членов орган, что не могло обеспечить единства революционных действий и твердости пролетарского руководства. Этой ошибки Парижской коммуны, роль и значение которой в истории революционного движения пролетариата и борьбы его за захват государственной власти высоко расценивали Ленин и наша партия, этой ошибки в период самой ожесточенной борьбы своей с эксплоататорами за власть не повторил российский пролетариат, руководимый партией большевиков.

Делегаты III всероссийского съезда советов, к которым примкнули и делегаты III всероссийского съезда крестьянских депутатов[17], как представители местных советов, к которым перешла власть на местах, уже на опыте своей практической работы убедились в том, что только власть советов, только диктатура пролетариата является единственной властью рабочих и основных масс крестьянства. Поэтому они не придали никакого значения увещаниям и разглагольствованиям соглашателей и полностью присоединились к постановлениям ВЦИК о роспуске Учредительного собрания. Съезд единогласно принял написанную Лениным „Декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа", которую утвердил ВЦИК и которую отказалось принять Учредительное собрание, и постановление по докладу товарища Сталина „О федеральных учреждениях Российской республики",—эти важнейшие государственные акты, которые оформляли государственный строй республики советов, как государства нового типа, государства пролетарской диктатуры, обеспечивающего широкую, невиданную в мире демократию для огромного большинства ранее угнетенных трудящихся масс. „Советы рабочих и крестьян, это—новый тип государства, новый высший тип демократии, это—форма диктатуры пролетариата, способ управления государством без буржуазии и против буржуазии. Впервые демократия служит здесь для масс, для трудящихся, перестав быть демократией для богатых, каковой остается демократия во всех буржуазных, даже самых демократических, республиках"[18].

Решениями III всероссийского съезда советов был завершен важнейший исторический этап в строительстве советской вла-

[17] Слияние обоих съездов произошло 26(13) января 1918 г.
[18] Ленин т. XXIII, с. 187.

сти, в укреплении диктатуры пролетариата. Закрывая этот съезд, Ленин сказал: „Можно сказать с неоспоримым основанием, что третий съезд советов открыл новую эпоху всемирной истории, и ныне, в условиях мировой революции, все значение этого съезда начинает сознаваться все более и более. Этот съезд, закрепивший организацию новой государственной власти, созданной Октябрьской революцией, наметил вехи грядущего социалистического строительства для всего мира, для трудящихся всех стран“ [19].

III съезд советов поручил ВЦИК заняться разработкой проекта конституции, потребность в которой уже назрела. Конституция должна была оформить и придать законный общеобязательный характер государственному строительству, ввести его в определенное русло строгой централизации и советской дисциплины.

Основы конституции были даны III съездом советов. Они содержались и в „Декларации“ и в постановлении „О федеральных учреждениях Российской республики“. Предлагая этот проект постановления съезду, товарищ Сталин указал, что он намечает лишь общие основы будущей конституции, которые должны быть подробно разработаны. Предполагалось, что проект конституции и будет разработан в ближайшие три месяца, так как на основании этого же постановления очередной всероссийский съезд советов должен был быть созван через три месяца.

Однако ВЦИК III созыва не мог в силу обострившегося международного и внутреннего положения советской республики (прекращение мирных переговоров в Бресте, наступление немцев, внутрипартийная борьба—против „левых“ коммунистов и борьба против левых эсеров по вопросу о заключении мирного договора с Германией и по основным вопросам внутреннего строительства) заняться подготовкой конституции.

Таким образом очередной IV всероссийский съезд советов, созванный как чрезвычайный 14—16 марта 1918 г. (для ратификации мирного договора с Германией), не мог еще рассмотреть и утвердить конституции Советской республики.

* * *

Только 1 апреля 1918 г. на третьем заседании ВЦИК IV созыва была создана комиссия для разработки проекта конституции в составе пяти членов ВЦИК [20]. От фракции большевиков ВЦИК в комиссию вошли И. В. Сталин, Я. М. Свердлов и М. Н. Покровский.

---

[19] Ленин, т. XXII, с. 223.

[20] Кроме того в комиссию были привлечены представители наркоматов и специалисты. Всего в комиссии было 15 человек.

Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов в своем выступлении на этом заседании указал, что еще на II съезде поднимался вопрос о выработке конституции и что первые ее зачатки заложены в постановлении съезда об избрании ЦИК и Совета народных комиссаров. А III съезд советов наметил уже принципиальные основы конституции, которые требовали дальнейшей разработки. Далее он подчеркнул, что при развернувшемся советском строительстве отсутствие конституции, точно регламентирующей взаимоотношения центра и мест, отражается на плодотворности и планомерности работы центральных и местных органов власти, на расстановке и использовании революционных сил и создает своего рода затруднения в работе, особенно в связи с наличием ряда параллельных учреждений, выполняющих зачастую одну и ту же работу. Он также подчеркнул особое значение привлечения трудящихся масс к работе государственного аппарата.

„Все мы великолепно сознаем, что только благодаря самой тесной связи с широкими массами рабочих и крестьян нам удается проводить все те мероприятия, которые мы намечаем... Но, чтобы иметь кадры... подготовленных для деловой работы, для управления страной товарищей, нужно привлечь значительно более широкие слои... к делу управления страной, к общегосударственной работе.

... При разработке конституции необходимо построить советскую власть таким образом, чтобы она не только давала возможность работать, но чтобы она вынуждала значительно более широкие круги трудового народа к непосредственному управлению страной" (Свердлов) [21].

Из этого указания председателя ВЦИК явствовало, что потребность в конституции чрезвычайно назрела и весьма актуальной стала задача фиксации в основном законе советской республики тех важнейших программных и организационных принципов советской власти, которые были уже воплощены в жизнь рабочими и трудящимися массами страны, завоевавшими в Октябре диктатуру пролетариата.

Перед конституционной комиссией ВЦИК стояла задача конкретной разработки конституции Республики, основные положения которой были сформулированы уже III всероссийским съездом советов. Комиссия, начавшая свою работу 5 апреля, на первых порах столкнулась с попытками свернуть ее с пути, намеченного в тех важнейших документах, которые были приняты III съездом советов. Отдельные члены комиссии [22] с самого начала ее работы предложили такие проекты, которые целиком

[21] Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва, стеногр. отчет. Госиздат, 1920, с. 69.

[22] Нужно иметь в виду, что в составе комиссии были левые эсеры: Магеровский и Шрейдер и максималист Бердников, которые отражали мелкобуржуазные идеи и тенденции своих партий.

шли в разрез с принципами диктатуры пролетариата. К ним относятся: 1) проект конституции, составленный сотрудником НКЮ, проф. Ренгартен, содержавший синдикалистские идеи; 2) „проект основ конституции трудовой республики", выработанный комиссией исполнительного бюро союза социалистов-революционеров максималистов (Бердников); 3) проект конституции „Учреждение советов", представленный коллегией НКЮ (Шрейдер), протаскивавший наряду с советами земские учреждения, похороненные пролетарской революцией. Вместе с этим были представлены и проекты, отражавшие в себе основные принципы советской власти, положения, позаимствованные из „Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа" и из постановления „О федеральных учреждениях Российской республики", а также и проекты разделов, систематизировавшие опыт и практику местного советского строительства. Однако все это были отдельные части, не дававшие еще Конституции в целом и не определившие еще как основных принципов, так и конкретных организационных вопросов: о структуре советских органов, избирательном праве и др.

Активное участие и руководящая роль товарища Сталина в комиссии направили ее работу по правильному руслу учета того, что создало на местах революционное творчество трудящихся масс, с одной стороны, а с другой—фиксации тех принципиальных положений, которые являлись программными положениями коммунистической партии и руководимого ею государства пролетарской диктатуры.

Товарищ Сталин представил в комиссию тезисы „О типе федерации Российской советской республики", которые были приняты комиссией и на основе которых им был разработан проект „Общих положений конституции Советской федеративной республики", принятый конституционной комиссией 19 мая.

Разработанные комиссией ВЦИК проекты конституции были рассмотрены в особой комиссии ЦК РКП(б), руководимой В. И. Лениным. Принятый этой комиссией проект был предложен от имени большевистской фракции V всероссийскому съезду советов.

На съезде советов проект конституции не вызвал особых прений и возражений. Выступил только один человек—представитель фракции максималистов — Полянский. Во-первых, он возражал против неравенства представительства от разных групп трудящихся. Во-вторых, он предлагал приблизить представительство на всероссийских съездах к массам, выбирать не от губсъездов, но от уездных съездов. В-третьих, он предлагал, чтобы во ВЦИК были непосредственно представлены кроме представителей съездов еще и разные связанные с массами организации. Потом он возвел в особый идеал принцип коллегиальности, предлагая ставить во главе каждого ведомства и каждого отдела коллегию. Во главе исполнительной власти

тоже ставить советскую коллегию и создать большой совет коллегии и малый совет коллегии. Одним словом, он предвосхитил позднейшие требования „децистов", видевших панацею от всех зол в коллегиальном методе управления государством и хозяйством и считавших, что коллегиальное управление—это школа управления, школа, которую Ленин иронически называл „приготовительным классом", в котором нельзя вечно сидеть.

Но самое интересное в выступлении Полянского заключалось в „сверхреволюционном" требовании отказаться от всех „архаических названий", которые принесены из прошлого, которые до сих пор делят трудящихся на рабочих, крестьян, солдат, матросов и т. д. Поэтому он предлагал съезды советов назвать не по различным категориям, а съездами трудовых советов, а советы на местах—советами трудовых депутатов; собрание же трудящихся называть советами труда на местах. Он предлагал также отказаться от термина „государство" и назваться коммуной—„Всероссийской трудовой коммуной" [23].

Ясно, что в этих предложениях отразилась мелкобуржуазная сущность той партии, которую представлял оратор и которая отрицала принцип диктатуры пролетариата и руководящую роль рабочего класса как авангарда трудящихся масс. В этих же предложениях сказывалось и непонимание того, что нельзя сразу перепрыгнуть к коммунизму и отказаться от государства пролетарской диктатуры, государства переходного периода.

Что касается вопроса о неравенстве в избирательных правах между рабочими и крестьянами, то установление этого неравенства вытекало не из принципиальных программных соображений, которые требовали бы фиксации „навсегда" этого неравенства между рабочими и крестьянами. Ленин на VIII съезде партии указывал, что ограничение это было записано Конституцией после того, „как они были введены в жизнь" [24], что причина этого ограничения, этого неравенства заключается в трудностях социалистического переустройства сельского хозяйства, а также и в слабом культурном уровне крестьянства, в слабой его организации. „Но мы не превращаем этого в идеал, а напротив, по программе партия обязуется систематически работать над уничтожением этого неравенства более организованного пролетариата с крестьянством, неравенства, которое нам придется отвергнуть, как только нам удастся поднять культурный уровень" [25].

И мы видим теперь, семнадцать лет спустя после принятия первой советской конституции, что, когда страна советов стала социалистической, когда крестьянство в основной своей массе стало на путь социализма и вместе с рабочим классом строит

---

[23] Пятый Всероссийский съезд советов. Стеногр. отч., изд. ВЦИК 1918, с. 193.
[24] Ленин, т. XXIV, с. 146. См. об этом ст. т. Алымова.
[25] Ленин, т. XXIV, с. 147.

социалистическое общество, когда значительно вырос политический и культурный уровень колхозного крестьянства, партия и советская власть сочли своевременным устранить неравенство в избирательных правах между рабочими и крестьянами.

Советская конституция имела в виду исключительно интересы трудящихся. „Свободы“ и демократия не для всех, а для трудящихся и эксплоатируемых масс в интересах их освобождения от эксплоатации, беспощадное подавление эксплоататоров“ [26].

Но вместе с тем Ленин считал, что советскую конституцию можно будет распространить „по мере прекращения сопротивления эксплоататоров, на все население“ [27].

Ленин неоднократно указывал, что наша конституция коренным образом отличается от всех буржуазных конституций мира, что она является документом гибким, подвижным, отражающим наше движение вперед, формы и характер нашей борьбы, что с укреплением завоеваний революции и позиций пролетариата будут постепенно отпадать различные ограничения, что все больше и больше будет расширяться пролетарская демократия и тем самым будут вноситься соответствующие изменения в советскую конституцию. Однако, когда в 1919 г. был внесен ряд предложений об изменении советской конституции, Ленин очень резко высказался против какого бы то ни было ее изменения.

* * *

На VII всероссийский съезд советов были допущены на основании постановления президиума ВЦИК от 27 ноября 1919 г. к участию на съезде с совещательным голосом представители центральных учреждений тех мелкобуржуазных партий, которые приняли решение о мобилизации своих членов на защиту Советской республики.

Эти партии, допущенные к участию в работе советов, советскую власть якобы признали, но... они никак не могли примириться с основными принципами советской власти, с пролетарской демократией, с диктатурой пролетариата, с красным террором и органами, его осуществлявшими. Попрежнему добивались они „свободы“ для всех, в том числе и для контрреволюционных и эксплоататорских элементов, и попрежнему они вздыхали „о прелестях“ буржуазного парламентаризма. Представители этих партий, поборники „чистой“ демократии и „всеобщей свободы“ выступили на съезде в „защиту“ основ советской конституции, „попираемой“ якобы большевиками, в „защиту“ советского демократизма. Мартов огласил на съезде декларацию от имени меньшевиков, в которой он изложил „все нарушения“ конституции, якобы допущенные советским правительством, а именно:

[26] Ленин, т. XXII, с. 372—373.
[27] Там же, с. 372.

1) Съезд созван не через 6 месяцев, а через год—это нарушение конституции; 2) не созывался ЦИК, а действовал его президиум; 3) декреты издавались экстренно созданными органами власти[28], не предусмотренными конституцией; 4) перерождение органов власти совершается всюду на местах: уездные и городские советы собираются в самых редких случаях и вся полнота власти сосредоточена в неконтролируемых исполкомах, что способствует расцвету бюрократизма; 5) рядом с вымиранием тех учреждений, на которых покоится конституция, шло вытравливание из них всякого духа свободы; 6) устранение из советов некоммунистических партий лишает пролетариат представителей их интересов; 7) отсутствие наряду с этим печати... убивает в корне всякие признаки самодеятельности и самоуправления широких масс. „РСДРП усматривает величайшую опасность для революции... от фактического упразднения советской конституции“[29], патетически заявляла декларация, а потому меньшевики требовали: „1) восстановления действия советской конституции и дальнейшей ее демократизации...; 2) равенства прав всех трудящихся города и деревни; 3) свободы печати, союзов и собраний; 4) неприкосновенности личности... и т. д.“[30]

Это была старая меньшевистская погудка на новый лад: прикрывшись „защитой“ советской конституции, меньшевики на деле добивались ликвидации завоеваний великой Октябрьской революции. Мартовская декларация повторяла старые меньшевистские антисоветские перепевы 1918 г. (недаром сам Мартов назвал ее декларацией „на веки веков“), получившие еще весною 1918 г. в статье Ленина „Очередные задачи советской власти“ следующую характеристику: „Современным „социал-демократам“, оттенка Шейдемана, или, что почти одно и то же, Мартова, так же претят советы, их так же тянет к благопристойному буржуазному парламенту или к Учредительному собранию, как Тургенева 60 лет тому назад тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции, как ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского“[31].

В таком же антисоветском духе выступили и представители Бунда (Фрумкина) и эсеров (Вольский). Они утверждали, что конституция не соблюдается, что советы не собираются и не работают, что массы не вовлечены в советскую деятельность, что задушена всякая свобода и т. п.

Эти обвинения и утверждения „друзей“ советской власти и „защитников“ советского демократизма и советской конституции были голословны и опровергались фактическими данными.

[28] Имеется в виду Совет обороны во главе с Лениным.
[29] Стеногр. отчет VII всероссийского съезда советов, ГИЗ, 1920, с. 62.
[30] Там же
[31] Ленин. т, XXII, с. 466—467.

развития пролетарской демократии на первом же этапе пролетарской революции. Государство диктатуры пролетариата с первых же дней своей деятельности стало вовлекать через советы в государственное, хозяйственное и культурное строительство сотни и тысячи рабочих и трудящихся крестьян. По неполным данным, на 1 ноября 1918 г. по 32 губерниям Советской России было 30 губернских, 2 областных, 121 городских, 28 районных, 286 уездных и 6083 волостных советов рабочих и крестьянских депутатов [32]. В органы советской власти были вовлечены значительные слои трудящихся, принимавших непосредственное участие в управлении государством. По неполным и приблизительным данным, членов волостных исполкомов в этот период насчитывалась около 40 тысяч, уездных исполкомов—около 9 тысяч. Достаточно сказать, что за период с октября 1917 г. по ноябрь 1918 г. в 28 губерниях РСФСР было проведено 725 уездных с'ездов советов [33], в которых участвовали десятки тысяч выборных представителей, обсуждавших все важнейшие вопросы государственной и местной жизни. 120—130 тысяч членов насчитывали по РСФСР летом 1918 г. примерно 30 тысяч сельских и волостных комитетов бедноты, сыгравших огромнейшую роль во внедрении и укреплении диктатуры пролетариата на селе.

Несмотря на то, что условия ожесточенной классовой борьбы и гражданской войны не давали возможности с достаточной полнотой осуществлять практически все принципы пролетарского демократизма, вовлечение масс в работу советов приняло довольно широкие размеры.

Поэтому Ленин в своем заключительном слове по докладу ВЦИК и СНК на VII всероссийском с'езде советов со всей категоричностью опроверг обвинения меньшевиков, бундовцев, эсеров в „несоблюдении" советской властью советской конституции и в нарушении основ советского демократизма, показав и доказав, что Советская конституция не нуждается в настоящее время ни в каких изменениях и дополнениях. Он тут же подчеркнул, что коммунистическая партия и советское правительство не считают конституцию „на веки веков", что она может и будет подвергнута изменениям, когда этого потребуют политические и организационные соображения, когда это будет соответствовать требованиям времени, интересам пролетариата. Анализируя оглашенную меньшевистскую декларацию, Ленин сказал: „если вы снимете с нее оболочку общих демократических фраз и парламентарных выражений, которые сделали бы честь любому вождю парламентской оппозиции, если вы отбросите в сторону эти речи... и возьмете

[32] Сведения по сельским советам отсутствуют. См. „Власть Советов" № 25 за 1918 г. с. 7.

[33] „Власть Советов", 1919, № 1, с. 11—12.

настоящую суть дела, то вся декларация насквозь говорит: назад, к буржуазной демократии и ничего больше... И вот, когда мы слышим такие декларации от людей, заявлявших о сочувствии нам, мы говорим себе: нет, и террор и ЧК—вещь абсолютно необходимая"[34]. И далее он указал, что „в такое трудное время, как время войны, когда действие европейских конституций, веками установленных, вошедших в привычку западно-европейского человека, почти целиком было приостановлено, в это время Советская конституция в смысле участия народных масс в управлении и самостоятельном разрешении дел управления на съездах и в советах и на перевыборах применялась на месте в таких размерах, как нигде в мире"[35].

И в подтверждение этого Ленин сослался на следующие цифры о количестве состоявшихся с'ездов советов: из 119 губернских и уездных съездов советов, проведенных в 1919 г. на одной трети территории всей Советской России, почти половина их (55 уездных съездов, или 46% и 8 губерн ких, или 50%) собиралась уже в 5-й и 6-й раз. Около $^1/_4$ съездов (22 уездных и 2 губернских) собиралось уже в 7-й и 8-й раз. Некоторые съезды, главным образом уездные, собирались от 9 до 14 раз[36].

Это свидетельствовало о том, что в тех местностях, которые не находились непосредственно в зоне военных действий, советская демократия по линии выборов на губернские и уездные съезды советов (а следовательно и соответствующие волостные съезды советов и выборы на них в низовом советском звене) и участия в них получила широкий размах. Однако, несмотря на это, партия и советское правительство не скрывали того факта, что обстоятельства военного времени вызвали сужение массовой деятельности советов, привели к тому, что они стали реже собираться и что основная советская работа в ту пору сосредоточилась преимущественно в исполкомах. Но это было явление временное и ни в коей степени не изменяло природы советской власти и характера советского демократизма. „Я уверен, —сказал Ленин на VII съезде советов,— что ни один человек, сколько-нибудь практически опытный в управлении, не только не осудит, а одобрит нас за то, что мы максимум сделали для сведения коллегиальных учреждений при исполкомах к минимуму, потому что они сводились в один исполком под гнетом войны, потому, что работники скакали на фронт, как они бросаются теперь сотнями и тысячами на топливную работу"[37].

---

[34] Ленин т. XXIV с. 612—613.

[35] Ленин, т. XXIV с. 615.

[36] Данные позаимствованы из статьи т. Владимирского, напечатанной в журнале „Власть Советов", № 11 за 1919 г., с. 2, на которую ссылался В. И. Ленин в своем выступлении на съезде.

[37] Ленин, т. XXIV, с. 616.

* * *

Решительный отпор со стороны Ленина, Сталина и партии в целом встретила также группа советских работников (оппозиционная Сапроновская группа демократического централизма — „децисты"), домогавшаяся внесения различных изменений в конституцию на том основании, что введенная партией и правительством строжайшая (по-военному) централизация сверху донизу всего государственного и хозяйственного аппарата, вызванная условиями гражданской войны и хозяйственной разрухой, якобы сводила на-нет все достижения советского демократизма. Оппозиция, отражавшая мелкобуржуазную стихию и впоследствии скатившаяся в яму контрреволюции, под видом защиты демократических принципов, выступила против партии и против диктатуры пролетариата по трем основным вопросам: о взаимоотношениях партии и советов, центра и мест и о коллегиальности и единоначалии.

Еще в начале 1919 г. представители этой группы (главным образом некоторые работники Московского губисполкома, председателем которого был Сапронов) выступили на Московской общегородской партконференции (18 января) с резолюцией, в которой предлагали коренное изменение некоторых пунктов конституции, а также ставили вопрос о взаимоотношениях между центром и районами (Моссоветом и райсоветами) и между фракциями советских органов и партийными комитетами. Они вообще возражали против чрезмерного якобы централизма, установившегося во всей советской работе, против привлечения к работе специалистов и требовали расширения демократизма. Кроме того, они требовали ликвидации Совнаркома, мотивируя это параллелизмом, который наблюдается в работе СНК и Президиума ВЦИК. Эти требования оппозиционной группы встретили соответствующий отпор на конференции. Представитель Московского комитета партии, высказавшийся против резолюции, предложенной этой группой, подчеркнул, что нет никаких оснований для изменения советской конституции, что те недостатки, которые есть, могут быть устранены путем улучшения методов советской работы.

„Никаких конкретных причин к изменению советского механизма, как предлагает эта резолюция, не имеется",[38] — сказал Ленин, выступивший на этой конференции.

„Нашим врагом теперь является бюрократизм и спекуляция. Из-за разрухи мы не видим улучшений, но разруху можно уничтожить только централизацией, при отказе от чисто местнических интересов, которые, как видно, и вызывали оппозицию против централизма, являющегося однако единственным исходом из нашего положения...

[38] Ленин, т. XXIII, с. 472.

Нас заедает бюрократизм, который преодолеть очень трудно. С ним надо усиленно бороться, надо ставить в учреждения побольше рабочих. Однако, когда борьба с бюрократизмом направляется не туда, куда надо, то положение становится очень опасным, например по отношению к специалистам. Наше положение плохо не потому, что у нас много специалистов, а потому, что у нас нет строгой централизации" [39].

В этих кратких словах Ленина по нескольким основным вопросам выражена та точка зрения, которой придерживалась партия и которая была сформулирована два месяца спустя в постановлениях VIII съезда РКП(б) по организационному вопросу и в программе партии.

Ленин в данном выступлении выразил в сжатых чертах свои взгляды, взгляды РКП(б) на организационный вопрос, на принцип демократического централизма, являющийся основным принципом партийного и советского строительства и защищавшийся Лениным и партией с первых же дней создания большевистской организации. Значение его для жизни и деятельности коммунистической партии, руководящей революционным движением пролетариата и трудящихся масс всего мира в их борьбе за свержение капиталистического строя и создание социалистического общества, Ленин показал в данной им формуле, составившей одно из условий приема в Коммунистический интернационал.

„Партии, принадлежащие к Коммунистическому интернационалу, должны быть построены по принципу демократического централизма. В нынешнюю эпоху обостренной гражданской войны коммунистическая партия сможет выполнить свой долг лишь в том случае, если она будет организована наиболее централистическим образом, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной, и если ее партийный центр будет являться властным авторитетным органом с широкими полномочиями, пользующимся всеобщим доверием членов партии" [40].

Московская губернская партконференция отвергла предложения оппозиционной группы и приняла по указанным выше вопросам следующую резолюцию:

„...Обсудив вопрос о пересмотре Советской конституции, о взаимоотношениях между центром и районами и о взаимоотношениях между партией и фракциями советов, Московская городская конференция РКП признает:

1. Коренное изменение Советской конституции и, в частности, ликвидация Совнаркома, в настоящее время несвоевременны.

2. Реорганизация Московского совета должна итти в направлении демократического централизма с привлечением к советской работе широких слоев рабочих..." [41].

[39] Ленин, т. XXII, с. 472
[40] Ленин, т. XXV, с. 282—283.
[41] „Правда" № 19 от 28 января 1919 г.

Несмотря на это решение и на указания Ленина, XI Московская окружная партконференция, происходившая 18—19 января и находившаяся под влиянием оппозиционеров, в резолюции по докладу о взаимоотношении центральной и местной советской власти характеризовала систему руководства центральных органов местными органами как систему бюрократического централизма. Тем самым оппозиция выдвинула себя якобы единственной защитницей принципа демократического централизма, облыжно обвиняя партию и советскую власть во внедрении в систему советского управления принципа бюрократического централизма.

Проявления бюрократизма, наблюдавшиеся в той или иной степени во всех звеньях советского государственного и хозяйственного аппарата, несомненно приобретали опасный характер. Но корни этого бюрократизма были совсем не те, которые указывала оппозиция. В то время как последняя считала, что основой его являются система советского управления, партия видела причины „частичного возрождения бюрократизма внутри советского строя" в „недостаточно высоком культурном уровне широких масс", в „отсутствии необходимых навыков в деле управления выдвигаемых массой на ответственные посты работников", в „необходимости спешного привлечения в тяжелых условиях специалистов старой школы и отвлечении самого развитого слоя городских рабочих на военную работу"...

Ведя самую решительную борьбу с бюрократизмом, РКП отстаивает для полного преодоления этого зла следующие меры:

„1) Обязательное привлечение каждого члена совета к выполнению определенной работы по управлению государством...

3) Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством" [42].

Наряду с этими организационно-политическими мероприятиями борьбы с бюрократизмом партия намечала меры борьбы с экономическими корнями бюрократизма, искоренение которых требовало длительной и упорной работы, так как они (корни) упирались в хозяйственную отсталость страны и в некультурность трудящихся масс, особенно крестьянства.

Все мероприятия по борьбе с бюрократизмом могли быть проведены в жизнь на началах неуклонного проведения организационных принципов строительства советского государственного и хозяйственного аппарата, на основе демократического централизма.

„Мы стоим за демократический централизм,—говорил Ленин. И надо ясно понять, как далеко отличается демократический централизм... от централизма бюрократического" [43].

---

[42] „Программа партии „ВКП(б) в резолюциях", ч. , с. 331.
[43] Ленин, т. XXII, с. 415.

Из всего этого следует, что обвинения оппозиции основывались не на фактическом положении дела, а на явном искажении действительности.

На VIII съезде РКП(б) (18—23 марта 1919 г.), на котором были обсуждены организационные вопросы советского строительства, требовавшие на основе опыта и практики работы соответствующего упорядочения и уточнения, оппозиция выступила со своими обвинениями против партии и советского правительства и со своими требованиями изменения конституции. В центре этих требований был вопрос о взаимоотношениях президиума ВЦИК и СНК и наркоматов и исполкомов. Некоторые оппозиционеры требовали упразднения Совета народных комиссаров на том лишь основании, что II всероссийским съездом советов он был избран только как временный правительственный орган (см. выше с. 45). Не останавливаясь здесь на критике этого совершенно несостоятельного и неверно обоснованного предложения, а также и на других выдвинутых оппозицией вопросах, нужно сказать, что ее обвинения и предложения были направлены против интересов советского государства, шли вразрез с задачами укрепления диктатуры пролетариата, так как не считались с конкретной политической и экономической обстановкой страны, которая на том этапе диктовала свои своеобразные формы советского государственного управления. Дав отпор оппозиции, съезд партии в то же время со всей большевистской прямотой вскрыл недостатки советского аппарата в центре и на местах, предложив в постановлении по вопросам советского строительства те мероприятия, которые должны улучшить советскую работу и обеспечить большее развертывание советского демократизма. Эти предложения шли по линии: 1) изменения состава ВЦИК за счет более широкого вовлечения рабочих и крестьян, работающих на местах; 2) регламентации прав и обязанностей президиума ВЦИК и разграничения функций его деятельности с функциями СНК; 3) усиления деятельности работы советов и превращения их в „урегулированный деловой механизм“; 4) привлечения в советы трудящихся путем постепенного расширения избирательного права; 5) создания социалистического контроля. Точно так же были даны исчерпывающие указания о взаимоотношениях между партией и советами (через фракции)[44].

Условия обострившейся гражданской войны летом и осенью 1919 г. и экономическая разруха лишили партию и советское правительство возможности со всей полнотою реализовать указанные решения VIII съезда РКП(б). Но эти вопросы продолжали оставаться актуальными, и поэтому они были поставлены на обсуждение VII всероссийского съезда советов (5—9 декабря 1919 г.), которому предшествовала VIII всероссийская партийная конференция (2—4 декабря), рассмотревшая предва-

[44] См. „ВКП(б) в резолюциях“, ч. 1, с. 355—357.

рительно все основные вопросы порядка дня съезда советов, и в том числе вопросы советского строительства. И снова при обсуждении этого вопроса и на конференции, и на съезде советов выступали сапроновцы со всеми своими старыми обвинениями, повторявшими те обвинения, которые предъявляли коммунистической партии и советской власти меньшевики и другие мелкобуржуазные партии (см. с. 56—57), и снова с требованиями изменения конституции.

На XVI Московской губернской партконференции 24 ноября 1919 г. Сапронов в своем докладе заявил: „Сразу же после издания конституции стали возникать вопросы, неисчерпанные конституцией...

Кроме недочетов и упущений, имеющихся в конституции, за период после ее утверждения жизнь шагнула так далеко, что поставила перед нами бесконечное множество вопросов, которые требуют немедленного разрешения — частью в инструкционном порядке, но значительную часть вопросов необходимо разрешить путем конституции“ [45].

Таким образом эти разговоры возобновились снова, несмотря на то, что VIII съезд РКП(б) отклонил всякие предложения об изменении конституции.

На VIII всероссийской партконференции и на VII всероссийском съезде советов при обсуждении вопросов советского строительства разгорелись страстные прения. Партконференция решительно отвергла все предложения об изменении конституции и приняла проект постановления по вопросам советского строительства, который от имени фракции съезда был внесен на обсуждение съезда. Проект этот обсуждался на двух заседаниях организационной секции съезда. Выступивший на первом заседании секции Ленин высказался против изменений конституции; он указал, что не требуется никаких конституционных изменений, что те исправления, которые нужно внести в практику советского строительства, не носят конституционного характера, что они вытекают из опыта, усвоенного партией и советской властью в период диктатуры пролетариата. „Здесь вопрос об опыте нашего советского строительства, об опыте, по-моему, даже не конституционном“ [46].

Предложение об изменении конституции было отвергнуто. Проект постановления по вопросам советского строительства был принят с соответствующими дополнениями и изменениями.

Партия и советское правительство помимо оппозиции и в борьбе с нею наметили целый ряд конкретных мероприятий по

---

[45] „Пролетарская диктатура“. Орган Московского губкома РКП(б) и Мосгубсовета, № 8 от 30 ноября 1919 г. В своем докладе Сапронов изложил подробный проект изменений конституции и дополнений к ней, который был разработан Московской губернской административной комиссией. Этот проект был сапроновцами внесен на VIII партконференцию.

[46] Ленин, т. XXIV, с. 624.

укреплению советской системы и расширению советского демократизма.

Постановления VIII съезда РКП(б), VIII партконференции, IX съезда РКП(б) и VII, VIII и IX всероссийских съездов советов по вопросам советского строительства [47] сыграли огромную положительную роль в укреплении пролетарской диктатуры и в дальнейшем развитии советской демократии, дополняя и развивая Советскую конституцию на конкретных участках советского строительства, но не внося в нее никаких изменений по существу. Те изменения, которые были внесены в конституцию IX всероссийским съездом советов (в декабре 1921 г.), относились к срокам созыва съездов советов (один раз в год вместо 6 месяцев) и к составу губисполкомов. Расширение же функций всех органов советской власти, их компетенций и взаимоотношений регулировалось постановлениями по вопросам советского строительства, принятыми VII, VIII и IX всероссийскими съездами советов.

Таким образом на протяжении ряда лет (с 1918 г. по 1922 г.) в конституцию РСФСР не вносилось коренных и принципиальных изменений, потому что для таковых изменений „не пришло еще время“ [48].

Первое важнейшее изменение, коснувшееся конституции, было связано с фактором огромного внутри-политического и международного значения—с образованием Союза советских социалистических республик (30 декабря 1922 г.).

Создание союзного государства, состоящего из суверенных республик, по-новому поставило вопрос о центральных органах власти (съезд советов Союза, ЦИК, СНК), о взаимоотношениях между союзными республиками и союзным центром (общесоюзные наркоматы, объединенные наркоматы и республиканские наркоматы), об особом представительстве различных национальностей Союза (Совет национальностей). Декларация и договор об образовании Союза ССР, принятые на 1 съезде советов ССР, и конституция Союза ССР, принятая 2 сессией ЦИК СССР 1 созыва (6 июля 1923 г.) и утвержденная II съездом советов Союза, вызвали неизбежные изменения для первой Советской конституции 1918 г., хотя основа ее оставалась непоколебимой. Она была на XII съезде советов РСФСР в мае 1925 г. подвергнута структурным изменениям [49] и приведена в соответствие с конституцией Союза ССР, основы которой были заложены в октябре 1917 г.

[47] В их числе были постановления по следующим вопросам: а) съезды советов, сроки их созыва, советы, их функции, отчетность советов перед избирателями; б) о сессионных заседаниях ВЦИК (VII съезд советов); в) о регулярном переизбрании советов и исполкомов и о расширении их массовой деятельности (VIII съезд советов).

[48] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, 1932, с. 163.

[49] Таким же изменениям подверглись и конституции других союзных республик.

Г. ШОСТАК

К ВОПРОСУ О НЕРАВНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ

Перечисляя в „Черновом наброске проекта программы“ [1] партии основные особенности советской власти, Ленин совсем не упоминает о неравном избирательном праве. В работах Сталина [2] и в решениях партийных съездов и конференций этот момент также не упоминается в качестве одного из принципов советского государственного устройства. Более того, программа ВКП(б), отмечая, что „советская конституция отразила... некоторые преимущества за промышленным пролетариатом сравнительно с более распыленными мелкобуржуазными массами в деревне“, в то же время подчеркивает „временный характер этих преимуществ“.

Первая Советская конституция (от 10/VII 1918 г.) и ныне действующие конституции союзных республик, устанавливая неравное представительство на съездах советов, также не провозглашают этот момент в качестве одной из основ советского строя.

Мы напоминаем здесь эти всем известные вещи потому, что в нашей теоретической и учебной литературе неоднократно подчеркивалось, будто неравное представительство (так же как непрямые выборы и открытое голосование) является основным признаком советского строя и советской избирательной системы.

Некоторые товарищи сравнительно недавно утверждали, что „советское избирательное право полностью, начисто отметает... равное, прямое и тайное избирательное право... по своей буржуазно-индивидуалистической сущности резко противоположное советскому избирательному праву“ [3].

Обосновывая этот свой тезис и доказывая неизбежность и постоянность неравенства в представительстве рабочих и

---

[1] Ленин, т. XXII, с. 371—372.

[2] См. например определение советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата, „Вопросы ленинизма“, изд. 10, 1934, с. 30—33.

[3] Г. Михайлов, Местное советское управление, 1927, с. 55. Разрядка моя—Г. Ш. См. также Г. Михайлов, „Советское представительство и избирательное право“. Издание редакционно-издательской секции НКВД, 1922, с.с. 4 и 16.

крестьян, некоторые товарищи договаривались до измерения избирательных модусов... производительностью труда.

„Из всей довоенной продукции страны,—писал один из исследователей советского избирательного права,—... на долю промышленной индустрии приходилось 6 с лишком миллиардов рублей и на долю сельскохозяйственной—около 8 миллиардов рублей... С некоторым приближением к соотношению этих продукций строится и должно строиться советское представительство“ [4]. Это писалось, правда, в 1922 г. Но через 5 лет та же мысль повторяется нашим исследователем снова, хотя и в иной формулировке [5].

Ежели предположить, что неравенство представительства между рабочими и крестьянами и теперь выводится нашим автором из неравной производительности труда, то к 1937 г. нормы представительства на съезды советов от рабочих и колхозников должны были бы определяться соотношением 10:1 в пользу рабочих [6]. А в дальнейшем, поскольку рост производительности труда рабочих еще долгое время будет обгонять рост производительности труда колхозников, разрыв между указанными нормами представительства усиливался бы еще более.

Нетрудно догадаться, к каким „изумительным“ выводам приводит подобное обоснование советского неравного представительства.

Другой исследователь советского избирательного права отвергал самую постановку „вопроса о равном или неравном избирательном праве“ и заменял этот вопрос более „общим вопросом о том, какие принципы кладутся данной системой в основу распределения депутатских мест“ [7].

В основу этого „распределения“ советское государство кладет, по мнению нашего исследователя, „не абстрактную демократическую личность, а естественно возникшие объединения и союзы“. Проблема равного голосования заменяется таким образом простым вопросом „распределения депутатских мандатов между производственными объединениями, признанными в качестве избирательных единиц“ [8].

---

[4] Там же, с. 15. Разрядка моя — Г. Ш.

[5] Г. Михайлов. Местное советское управление, с. 66: „Неравенство“ советского представительства имеет и оборотную сторону... каждый фабрично-заводской рабочий производит в среднем в пять раз больше, чем производится одним работником в крестьянском хозяйстве“.

[6] К 1937 г. стоимость валовой продукции: промышленности — 92 712 млн. руб., с.-х. — 26 160 млн. р.; население: городское 49 млн., сельское — 131 млн. В среднем на человека промышленной продукции — 1 910 руб., сельскохозяйственной — 199 руб. Или иначе: выработка в рублях на 1 промышленного рабочего системы НКТП — 11 086 руб; НКЛП — 10 942 руб., а на 1 с.-х. рабочего системы НК совхозов — 1 061 руб. (II пятилетка).

[7] С. Н. Бродович. Советское избирательное право, 1925, с. 74. Разрядка моя — Г. Ш.

[8] Там же, с. 80. Разрядка моя — Г. Ш.

Здесь, как мы видим, смешиваются два различных вопроса: 1) один из основных вопросов советской государственной системы — выборы по производственно-территориальному принципу (см. 7-й тезис из 10 ленинских тезисов о советской власти) и 2) подчиненный вопрос — о „временных избирательных преимуществах" пролетариата. Оба эти вопроса ставятся здесь таким образам, что получается вывод, будто производственный принцип советской избирательной системы неизбежно предполагает неравное представительство, будто неравное представительство является неотъемлемым признаком советской избирательной системы.

* *
*

На самом же деле эти два момента были и остались совершенно независимыми друг от друга. Более того, развитие их происходило в противоположных направлениях: производственный принцип .советских выборов непрерывно укреплялся, а принцип неравного представительства неуклонно свертывался.

Постараемся доказать это положение на конкретном материале.

История и текущая практика нашего государства знают 4 формы неравного представительства: 1) неравное представительство разных групп населения при выборах городских советов; 2) непосредственное представительство городов на вышестоящих съездах советов, при отсутствии такого непосредственного представительства у сельсоветов, волостных и районных съездов советов; 3) дополнительное представительство городов (через профсоюзы и парторганизации) на съездах советов; 4) более высокое представительство горсоветов на всех съездах советов.

Первая из этих четырех форм неравенства проявлялась: а) либо путем установления диференцированных избирательных норм при выборах горсоветов; б) либо путем дополнительного рабочего представительства в горсоветах через профсоюзы. В республиканском масштабе диференцированные избирательные нормы для выборов горсоветов были установлены только в УССР. По закону 1921 г.[9] выборы горсоветов производились по нормам: от рабочих и красноармейцев по одному депутату на 100 избирателей; от советских служащих и др. граждан, обладающих избирательным правом, по одному депутату на 300 избирателей. В 1925 г. этот украинский закон был изменен, и с того времени, до издания общесоюзных „Основных положений" о горсоветах, последние избирались на Украине по нормам: от рабочих и служащих промпредприятий, воинских частей, милиции и „от лиц, занимающихся сельским хозяйством на началах трудового землепользования, проживающих на территории городского или

[9] СУ и Р УССР, 1921, № 13, ст. 355.

поселкового советов" — 1 на 100 избирателей; от служащих госучреждений, торговых предприятий и т. п. — 1 на 200 избирателей [10].

В законодательстве РСФСР и других союзных республик подобная диференциация избирательных норм отсутствовала, но в ряде городов выборы производились все же по диференцированным нормам, установленным местными советами. Степень диференциации этих норм видна из следующей таблицы (см. ст. 71) [11].

Как видно из этой таблицы, избирательные нормы диференцировались главным образом между рабочими, с одной стороны, и служащими и „неорганизованным населением" — с другой, причем разница в нормах представительства колебалась здесь в пределах 1:2—1:4 в пользу рабочих.

В меньшем количестве городов избирательные нормы диференцировались также между членами профсоюзов (или „организованным населением") с одной стороны, и „неорганизованным населением — с другой. Причем здесь неравенство определялось теми же соотношениями и лишь по одному городу (Пенза) доходило до пропорции 1:5.

Но неравенство представительства между различными группами городского населения достигалось и другим способом, а именно дополнительным представительством в советах через профсоюзы.

Так например, Орловский губпрофсовет делегировал в 1920 г. в горсовет 10 депутатов; Самарский губпрофсовет делегировал 4 депутата; кроме того, каждый профсоюз г. Самары делегировал по одному депутату; Одесский губпрофсовет избирал на своем пленарном заседании на каждые 5 тыс. членов профсоюзов по одному депутату в горсовет. В Рязани губпрофсовет избирал в горсовет по одному депутату на каждые 10 тыс. членов союзов [12].

Судя по местным избирательным инструкциям 1922—1923 гг., Московский губпрофсовет делегировал в Моссовет по 1 депутату на 5 тыс. членов профсоюзов и, кроме того, по 2 депутата делегировались от каждого губотдела профсоюзов. В Барнауле общегородское собрание всех фабзавкомов, месткомов и представителей воинских частей избирало дополнительную делегацию в горсовет по расчету 1 депутат на 500 избирателей [13].

Ввиду неразработанности архивных материалов, пока невозможно точно определить: до какого времени применялись

[10] СУ и Р УССР, 1925, № 86, ст 490.

[11] По первым 7 городам составлено по работе Владимирского, Организация советской власти на местах, 1921, с. 34. Данные относятся к 1921 г. По 8—14 городам см. С. Бродович. Советское избирательное право, с. 84. Данные относятся к 1922—1924 гг.

[12] См. Владимирский. Организация советской власти на местах, 1921, с. 36. Данные относятся к 1920 г.

[13] С. Бродович, Советское избирательное право, 1925, с. 85.

на Украине и в отдельных городах РСФСР диференцированные нормы представительства при выборах горсоветов и до каких пор профсоюзы дополнительно избирали в горсоветы депутатов. Можно лишь сказать, что еще в 1928 г. при разработке „Основных положений об организации городских советов в Союзе ССР" подобные случаи отмечались.

Но уже тогда, в 1928 г., было признано нецелесообразным продолжать практику неравных выборов в горсоветы, и в союзных „Основах" было записано, что „избиратели различных слоев трудящегося населения данного города или рабочего поселка участвуют в выборах депутатов в городские советы по одинаковой норме" [14].

Итак, неравное представительство разных групп населения при выборах горсоветов было заменено равным представительством в 1928 г.[15].

Вторая форма неравного представительства имела и имеет более распространенный характер, ибо конституции союзных республик прямо предусматривают непосредственное представительство городов и рабочих поселков на вышестоящих съездах советов.

В РСФСР до районирования города и рабочие поселки, выбирая делегатов на волостные съезды советов, кроме того, непосредственно посылали своих представителей на съезды: уездные (1:200), губернские (1:2000), областные (1:2500). Города посылали своих делегатов непосредственно даже на всероссийские съезды (1:25000). После районирования нормы представительства несколько изменились, но само непосредственное представительство осталось. При этом нужно подчеркнуть, что те города и рабочие поселки, на территории которых не было горсоветов[16], также имели непосредственное представительство на вышестоящих съездах советов.

Ныне по вопросу о непосредственном представительстве городов (горсоветов) на вышестоящих съездах советов действуют формально два закона: согласно неотмененному до сих пор Положению о краевых (областных), окружных и районных съездах советов, делегаты на краевой (областной) и окружной съезды советов избираются „на пленумах городских советов городов, объединяющих количество избирателей, достаточное для избрания хотя бы одного делегата на съезд советов" [17]. Согласно же избирательных инструкций от 20/X 1930 г. и от

[14] СЗ. 1928, № 10, ст. 86.

[15] Выборы сельских советов всегда производились по одинаковым нормам представительства для всех групп населения.

[16] Примечание к п. „А" постановления VII всероссийского съезда советов „О съездах советов" и § 2 Положения о советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа от 26/I-1922 г.

[17] СУ, 1928, № 70, ст. 503, Положение, ст. 47 и 85.

Города	Нормы представительства:				
	От рабочих	От служащих	От красноармейцев	От домашних хозяек	От „неорганизованного населения“
Орел (1920 г.)	1 : 50	1 : 50	—	—	—
Харьков	1 : 50	1 : 200	1 : 50	—	—
Тула	От числа избирателей, состоящих по спискам	От числа избирателей, фактически явившихся на выборы	—	—	—
Симбирск	—	—	—	—	—
Рязань	Предприятия с числом рабочих от 50 до 200 выбирали 1 депутата и сверх того на каждые 200 человек по 1 депутату.	—	Воинские части, имеющие от 100 до 500 чел., выбирали по 1 депутату и сверх того на каждые 500 чел. по 1 депутату.	—	—
Петроград	Предприятия, имеющие от 150 до 400 чел., выбирали по 1 депутату. Сверх этого на каждые 400 чел. выбирался 1 депутат.	1 : 400	1 : 200 Части и команды, имеющие менее 200 чел., выбирали по 1 депутату.	—	—
Полтава	1 : 50	1 : 50	1 : 50	—	1 : 25 явившихся на собрание
Орел (1922 г.)	1 : 50	1 : 200	1 : 100	—	—
Пенза	1 : 200 (для профсоюзов и предприятий)	—	—	—	1 : 1 000
Городище (Нижегор. губ.)	1 : 100 (для профсоюзов)	—	1 : 50	—	1 : 200
Георгиевск (Терского округа)	1 : 50 (для „организованного населения“)	—	—	—	1 : 200
Барнаул	1 : 200	—	1 : 200	—	1 : 200 явившихся на собрание
Нижний Новгород	1 : 100	1 : 200	1 : 100	1 : 200	1 : 200
Череповец	1 : 100	1 : 200	1 : 100	1 : 200	1 : 200

1/X 1934 г.[18], указанный порядок выборов (на пленумах горсоветов) распространяется лишь на те горсоветы, которые непосредственно подчинены краевым (областным) исполкомам. От остальных горсоветов представители на вышестоящий съезд советов выбираются (согласно этим инструкциям) не на пленумах горсоветов, а на районных съездах советов.

Именно по этим инструкциям, начиная с 1930 г., производились выборы от горсоветов на вышестоящие съезды советов.

Поэтому нужно признать, что неравенство представительства между городом и деревней, выражавшееся в том, что горсоветы непосредственно посылали делегатов на все вышестоящие съезды советов, тогда как сельсоветы избирали делегатов только на районные съезды, это неравенство было ликвидировано в РСФСР в 1930 г.

Третья форма неравенства—дополнительное представительство городов через профсоюзы и партийные организации на съездах советов—была ликвидирована в 1923—1925 гг. До этого времени на уездные и губернские съезды советов некоторых губерний допускались делегаты, посланные профсоюзами и партийными организациями. Но такие случаи были довольно редкими: по подсчетам бывшего наркома внутренних дел т. Владимирского, на уездных съездах 43 губерний РСФСР были непосредственно представлены в 1920 г. 205 профорганизаций—862 делегатами и 141 парторганизация—381 делегатом; в 1921 г.—102 профорганизации—290 делегатами и 48 парторганизаций—180 делегатами. Удельный вес этих „дополнительных" делегаций определялся (в % к общему числу делегатов уездных съездов): от профсоюзов—2,2% (1920 г.) и 1,4% (1921 г.), от парторганизаций—0,9% (1920 г. и 1921 г.)[19]. После 1921 г. данные о формах представительства на съездах советов разрабатывались менее детально. Однако и эти, менее подробные, данные заслуживают внимания.

НКВД РСФСР (ведавший до 1925 г. избирательной статистикой) подсчитал, что с 1920 по 1925 гг. непосредственное представительство на съездах советов разных „учреждений и организаций" сокращалось следующим образом[20] (табл. см. на след. стр).

Приводя эти цифры, НКВД указывал, что в число представителей „учреждений и организаций" были зачислены „члены исполкомов и в некоторых случаях представители от

---

[18] СУ, 1930, № 54, ст. 654 и 1934, № 36, ст. 226. См. также ст. 13 и 14 Положения о горсоветах РСФСР от 24/X 1925 г. в измененной редакции, СУ, 1929, № 11, ст. 119.

[19] М. Владимирский. Советы, исполкомы и съезды советов, вып. II, 1921 с. 9—11.

[20] РСФСР НКВД. Выборы в советы РСФСР в 1925—1926 гг., ч. 2, с. 9 и 11.

Годы	На с'ездах советов участвовали представители учреждений и организаций":			
	На уездных:		На губернских:	
	В среднем на один съезд	В % к общему числу делегатов съездов	В среднем на один съезд	В % к общему числу делегатов съездов
В 1920 г.	13	7,6	11	6,3
„ 1921 „	13	7,7	5	2,4
„ 1922 „	9	7,5	3	1,7
„ 1923 „	3	2,7	5	2,6
„ 1924 „	2	1,4	3	1,6
„ 1925 „	1	0,6	2	0,9

профессиональных союзов и партийных организаций"[21]. Сколько было представителей от профорганизаций, НКВД не указывал. Но если иметь в виду, что в 1923 г. в среднем на один уездный съезд было допущено всего 3 делегата от „разных учреждений и организаций", причем в последующие годы эта цифра неуклонно снижалась, то неравенство между городом и деревней по этой линии можно считать ликвидированным в 1923 г. Примерно такая же картина по губернским съездам.

Осталась четвертая, самая существенная и самая „устойчивая" форма неравенства: более высокое по сравнению с сельсоветами, представительство горсоветов на всех съездах советов. Или иначе: более низкие нормы представительства для городов, в сравнении с деревней, при выборах делегатов на съезды советов.

Установим прежде всего конкретные размеры этого неравенства.

Как правило, при выборах на съезды советов всех ступеней горсоветы, фабрики и заводы, расположенные в сельских местностях, пользуются б о л ь ш и м представительством, чем сельсоветы. Соотношен·е здесь между городом и деревней выражается цифрами 1:5 в пользу города. Но поскольку для села нормы представительства исчисляются от числа ж и т е л е й, а для города—от числа и з б и р а т е л е й, указанное соотношение нужно уточнить, исходя из следующих цифр: на 1 января 1931 г. население сельских местностей РСФСР исчислялось в 88 477 тыс. человек, из коих достигли избирательного возраста

[21] РСФСР НКВД. Выборы в советы РСФСР в 1925—1926 гг., ч. 2, с. 9—10 и 11. Разрядка моя—Г. Ш.

и пользовались избирательным правом 42425 тыс. Иначе говоря, на двоих с небольшим деревенских жителей приходится 1 избиратель. Следовательно соотношение в нормах представительства на съезде советов между городом и деревней должно быть выражено как 1:2,7.

Таково общее правило. Но из этого правила имеются некоторые исключения, о которых мы обычно не упоминаем. Например:

1) В Таджикской ССР некоторые горсоветы избирают делегатов на республиканский съезд советов по норме 1:700 избирателей и 1:3000 жителей сельского населения данных городов;

2) В Бурято-Монгольской АССР Верхнеудинский горсовет избирает делегатов на республиканский съезд советов по норме 1:500, а сельсоветы (через райсъезды) по норме 1:4000 жителей;

3) В Якутской АССР города делегируют на республиканский съезд 1 от 500 избирателей, а райсъезды национальных районов 1:1000 жителей и т. д.

Приведенные примеры показывают, что обычная пропорция представительства города и деревни на съездах советов иногда нарушается и в пользу города (Бурято-Монголия, Таджикистан), и в пользу деревни (Якутия).

Но эти исключения настолько редки, что не влияют на общеустановленное неравенство в представительстве города и деревни на съездах советов.

Отмечая это обстоятельство, мы должны одновременно подчеркнуть, что из перечисленных выше четырех форм неравенства в советском избирательном праве три формы были уже ликвидированы на разных этапах советского строительства.

* * *

Если принцип неравного представительства систематически смягчался, то производственный принцип выборов в советах систематически расширялся и усиливался.

Просмотрим, как развивался этот процесс в городе.

На выборах 1923 и 1924—1925 гг. в большинстве городов основную часть избирателей составляли „лица, не состоящие в профсоюзах". Лишь в губернских городах большая половина избирателей была охвачена профсоюзами. Это видно из следующей таблицы[22]. (Табл. см. на след. стр.).

Эти цифры означают, что около половины или больше половины городских избирателей в 1923—1924—1925 гг. были вне профсоюзов и в основном не могли участвовать в выборах по

[22] НКВД РСФСР, Избирательная кампания в советы РСФСР в 1924—1925 г. вып. I, с. 31.

Группы избирателей	В процентах			
	1923		1924—1925 гг.	
	Уездные города	Губернские города	Уездные города	Губернские города
Члены профсоюзов	46,0	57,8	45,7	53,2
Лица, не состоящие в профсоюзах	49,5	35,4	48,2	40,1
Красноармейцы	4,5	6,8	6,1	6,7
Всего	100	100	100	100

производственному принципу. Они „избирают на собраниях, созываемых порайонно, или в одном собрании на весь город“ [23].

В последующие годы соотношение между организованными и неорганизованными избирателями может быть охарактеризовано следующими цифрами [24]:

Годы	Из общего числа избирателей (в %)		
	Членов профсоюзов	Лиц, не состоящих в профсоюзах	Военнослужащих
1924—1925 г.	51,3	44,2	4,5
1927 г.	54,3	41,3	4,4
1931 г.	61,7 (62,8)	38,3 (37,1)	Св. нет
1934 г.	61,0	38,0	Св. нет

Таким образом за последнее десятилетие удельный вес организованных избирателей в городах возрос почти на 10 пунктов, а „неорганизованных“ снизился на 6,2 пункта. В настоящее время почти $^2/_3$ городских избирателей объединены в профсоюзах. Следовательно не менее $^2/_3$ городских избирателей вовлечены в производство и участвуют в выборах по производственному принципу.

---

[23] Там же, с. 32. В 1924—1925 г. в среднем на 1 город созывалось 4 избирательных собрания для „неорганизованного“ населения. См. НКВД РСФСР. Выборы в советы РСФСР в 1925—1926 г., ч. I, с. 46.

[24] Данные по РСФСР, за исключением 1931 г., где в скобках показаны данные по Союзу ССР.

Другим показателем расширения производственного принципа выборов является расширение сети избирательных участков на производстве. Если в 1927 г. по сведениям Центризбиркома РСФСР „большая часть избирательных собраний проходила в крупных городах по каждому профсоюзу отдельно, в более мелких—совместные собрания нескольких или даже всех профсоюзов“ [25], то в 1931 г. и особенно 1934 г. избирательные собрания большей частью устраивались по производственным единицам, а внутри последних—по цехам и сменам.

К сожалению, наша избирательная статистика распределяет избирательные участки лишь на две группы: 1) „производственные“ и 2) „территориальные“, причем в первую группу зачисляются участки, образованные не только на заводах, в цехах, но и в учреждениях, по профсоюзам и т. п. При таком распределении невозможно выделить собственно-производственные участки. Поэтому для характеристики сети избирательных участков 1934 г. мы не можем, к сожалению, привести общесоюзных или РСФСРовских данных и ограничимся сведениями по городам Московской области. Вот эти данные [26]: всего было учтено избирательных участков 569. Из них 120 участков были организованны либо на заводах и т. п. предприятиях, либо в учреждениях и воинских частях, причем каждый из этих 120 участков охватывал весь завод (все учреждение и т. п.), 78 участков были организованы в цехах и 86 участков по сменам. Таким образом половина избирательной сети была построена по строго выдержанному производственному принципу, причем в большинстве случаев этот принцип доводился не только до цеха, но и до смены [27].

Таким образом выборы были максимально приближены к производству, а избираемые депутаты непосредственно связаны не только с огромным коллективом того или иного завода, но

---

[25] Центризбирком РСФСР. Выборы советов 1927 г., с. 23.

[26] Выборки сделаныиз „Календарных расписаний отчетно-выборных собраний по городам Мос. области“ на 14—21/XII 1934 г. В разработку включено 23 горсовета. Из подсчета исключены 153 участка, принцип организации которых не установлен.

[27] Остальные избирательные участки в городах Московской области распределились следующим образом: по профсоюзам и промкооперативным объединениям—86 (15,1%), смешанных (профсоюзы и „неорганизованное население“)—56 (9.7%) и „неорганизованного населения“—143 (25,1%).

Если отнести условно избирательные участки, организованные по профсоюзам, к производственным участкам и присоединить к ним смешанные участки (на которых в большинстве случаев решающую роль играет организованная часть избирателей), то можно будет сказать, что избирательная сеть в городах Мособласти была построена в 1934 г. в основном по производственному принципу.

По данным избирательной отчетности 1934—1935 г. из 13 968 тыс. городских избирателе РСФСР только 2 850 тыс. (20,4%) избирали по территориальным участкам, остальные участвовали в выборах по производственным участкам (по предприятиям и профсоюзам).

и с отдельными частями этого коллектива (цеховое собрание избирателей и т. д.).

Разукрупнение избирательных собраний (участков) по цехам и сменам выражало в данном случае усиление производственного принципа советских выборов.

В деревне, до выборов 1929 г. включительно, можно было говорить об усилении территориального принципа советской избирательной системы.

В период военного коммунизма, по свидетельству б. Наркомвнудела т. Владимирского, выборы сельсоветов производились „или на общем избирательном собрании всех... селений (входящих в состав совета—Г. Ш.)... или на отдельных собраниях в каждом селении, если они отделены друг от друга большим расстоянием“ [28].

При переходе к нэпу такой порядок выборов в основном сохранился и продолжал существовать до 1925—1926 гг.

Достаточно упомянуть об избирательной инструкции ВУЦИКа от 18 ноября 1925 г., в которой было записано, что, как правило, территория сельского совета представляет собой единый избирательный участок и лишь „в случае неудобств, сопряженных с организацией одного избирательного собрания, сельские избирательные комиссии могут разбить территорию сельского совета на несколько избирательных участков“ [29].

Разукрупнение сельских избирательных участков началось в 1927 г. Процесс разукрупнения может быть охарактеризован следующими цифрами: [30]

	Число избирательных участков в среднем на один сельсовет		
	1927 г.	1929 г.	1931 г.
РСФСР	3,9	5,7	Св. нет
В том числе:			
Ленинградская обл.	4,4	8,4	„
Нижне-Волжский край	2,4	5,2	„
Ср.-Волжский „	2,9	5,3	„
УССР	3	4	3,7
БССР	5	7	9,9
ЗСФСР	2	4	Св. нет
Турк. ССР	2	4	„

[28] М. Владимирский. Организация советской власти на местах, 1921, с. 16—17.

[29] СУиР УССР, 1925, № 97, ст. 530, п. 34.

[30] Центральная избирательная комиссия при ЦИК СССР, Выборы в советы и состав органов власти в СССР в 1929 г., с. 13. То же издание по 1931 г., с. 9.

Эта таблица показывает, что по сравнению с 1927 г. в БССР, ЗСФСР и Турк. ССР сеть деревенских избирательных участков удвоилась, в УССР эта сеть расширилась незначительно, в РСФСР возросла почти на половину, а по отдельным краям РСФСР в два раза.

Но если учесть при этом, что в РСФСР на один сельсовет приходилось в среднем более 9 населенных пунктов, в УССР—5, а в БССР—26 [31], то нужно будет признать, что, несмотря на значительное расширение сети деревенских избирательных участков, эта сеть далеко не совпадала с сетью населенных пунктов.

Впрочем такое совпадение вообще невозможно, поскольку в Союзе ССР имеется 382 тыс. населенных пунктов с числом жителей менее 100 [32] человек и поскольку выборы в сельсоветы производятся по норме 1 : 100.

Следовательно в условиях единоличного крестьянского хозяйства территориальный принцип выборов в деревне невозможно было развить до конца, построив избирательную сеть поселенно. О производственном же принципе выборов до коллективизации не могло быть и речи.

Лишь с завершением коллективизации производственный принцип выборов был распространен на деревню в широком масштабе. В 1934 г. в большинстве краев и областей избирательные участки формировались по колхозам и даже по колхозным бригадам. Вновь избранные депутаты сельсоветов получали полномочия не от случайно собранного участкового коллектива граждан, а от крепкого производственного объединения.

Таким образом к настоящему времени производственный принцип выборов является господствующим не только в городе, но и в деревне.

Территориальная организация выборов очень быстро сворачивается и к концу 2-й пятилетки будет применяться очевидно лишь для так называемого „неорганизованного“ населения в поселениях городского типа.

* * *

Установив, что принцип неравного представительства в советских выборах непрерывно ослаблялся, а производственный принцип выборов усиливался, выясним, как эти моменты отразились на социальном составе советов и съездов советов. Возьмем для сравнения три периода: а) 1922 г.—первый год, когда были собраны и обработаны более или менее полные данные о составе советов, б) 1924—1925 гг.—переход к политике оживления советов и в) 1934—1935 гг.—последняя избирательная

[31] Данные 1931 г.
[32] ЦСУ СССР, Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. XVII, с. 6.

кампания, организованная на началах не вполне равного, непрямого и открытого голосования и проходившая через 10 лет после провозглашения лозунга оживления советов.

Состав сельских советов этих трех периодов характеризуется следующими цифрами [33]:

Годы	Было избрано депутатов (в %)		
	Крестьян	Рабочих	Служащих
1922 г.	94,3	3,4	2,3
1924/25 г.	92,1	2,9	5,0
1934/35 г. Колхозников	76,4	6,0	8,3
Единоличников	8,7	—	—

Эти цифры показывают, что прослойка рабочих в сельсоветах за последнее 12 лет увеличилась почти в 2 раза, а прослойка служащих— в $3^1/_2$ раза. Соответственно сократилась прослойка депутатов крестьян, причем удельный вес единоличников в сельсоветах сократился в 11 раз. Эти изменения происходили несмотря на то, что выборы в сельские советы всегда осуществлялись и осуществляются по одинаковым для всех групп населения нормам. Следовательно причину этих изменений нужно искать не в правовой области. Очевидно, что систематическое увеличение прослойки рабочих и служащих в сельсоветах и систематическое снижение прослойки крестьян обусловливалось: а) индустриализацией сельского хозяйства, б) командированием рабочих в деревню на политическую и организационную работу [34], в) ростом социально-культурной сети в деревне и соответственным усилением кадров этой сети (служащие) и г) непрерывным укреплением авторитета рабочих и авторитета самого рабочего государства в глазах крестьянства.

Еще более значительные сдвиги произошли в составе волостных и районных съездов советов:

[33] Данные по РСФСР. По Союзу ССР опубликованы сводные материалы, только начиная с 1926 г. Эти и последующие цифры взяты из следующих источников: РСФСР НКВД. Выборы в советы РСФСР в 1925–1926 г., ч. 1 и ч. 2; НКВД РСФСР. Советы, съезды советов и исполкомы, М. 1924; Центризбирком РСФСР. Выборы в советы и состав органов власти в 1927 г., в 1929 г. и в 1931 г. Центроизбирком РСФСР, Предварительные итоги выборов в советы, 1934--1935 г. М. Владимирский. Советы, исполкомы и съезды советов, вып. II.

[34] Интересно отметить, что после выбыров 1930—1931 г., т. е. после посылки в деревню „25 000", рабочая прослойка в составе председательсоветов выросла в 2 раза (с 7,6% до 14,1%). Значительно увеличился удельный вес рабочих среди членов и председателей риков (см. Центризбирком РСФСР. Итоги выборов в советы РСФСР в 1930—1931 г., с. 83).

Годы	Было избрано делегатов на волостные и районные съезды советов (в %)		
	Крестьян	Рабочих	Служащих
1922 г.	93,1	3,0	3,9
1924/25 г.	82,5	5,1	12,4
1934/35 г. Колхозников	51,0	19,6	24,6
Единоличников	1,6	—	—

Как видно из этой таблицы, прослойка рабочих возросла на волостных и районных съездах советов в $6^1/_2$ раз, а прослойка служащих в 6 раз. Одновременно сокращалась прослойка делегатов-крестьян, причем делегаты-единоличники стали попадаться в 1934 г. на районных съездах советах как редкое исключение. Здесь следует подчеркнуть, что вплоть до 1928 г. выборы на волостные и районные съезды советов производились тоже по одинаковым для города и деревни нормам. Тем не менее с 1922 г. по 1927 г. (включительно) удельный вес рабочих в составе указанных съездов повысился с 3% до 7,4%; удельный вес служащих повысился с 3,9% до 14,8%. Соответственно уменьшилась прослойка крестьян (с 93% до 76,8%).

После введения диференцированных норм представительства на районные съезды (Положение о съездах советов и исполкомах от 6/IV 1928 г.) сокращение крестьянской прослойки этих съездов не ускорилось, по сравнению с предыдущими годами: в течение пяти избирательных кампаний 1922—1927 гг. удельный вес крестьян на волостных съездах сокращался в таком темпе: 1922 г.—100, 1923 г.—94, 1924—1925 гг.—88,6, 1925—1926 гг. —85,2, 1927 г.—82,4, т. е. в среднем на 4,4 пункта в год, а в 1929 г. он сократился на 5,4 пункта.

Зато в первые же годы массовой коллективизации, когда в деревню были брошены значительные массы пролетариев, произошло заметное повышение рабочей прослойки в составе районных съездов и соответственно уменьшилась прослойка крестьян на этих съездах (на 7,8 пунктов в 1931 г. и на 13,8 пунктов в 1934 г.) Это обстоятельство заслуживает особого внимания.

Наименьшие изменения произошли в составе губернских съездов (см. табл. на с. 81)[35].

---

[35] О составе губернских съездов имеются сводные данные не только за 1922 г., но и за предшествовавшие 2 года. См. Владимирский. Советы, исполкомы и съезды советов, вып. II с. 26 и 30.

Годы	Было избрано делегатов на губернские, областные и краевые съезды советов (в %)		
	Крестьян	Рабочих	Служащих
1920 г.	36,7	33,3	17,7
1921 г.	35,9	31,2	23,0
1922 г.	37,4	34,0	31,3
1925—1926 г.	33,1	28,4	39,7[36]
1927 г.	37,9	33,5	23,7
1929 г.	31,6	41,8	23,4
1931 г. Колхозников	26,1	42,0	19,2[36]
Единоличников	10,4	—	—

Здесь удельный вес крестьян в составе делегатов на протяжении одиннадцати лет оставался в общем стабильным, хотя в самой крестьянской прослойке делегатов произошли радикальные перемены, обусловленные коллективизацией. Рабочая прослойка, заметно снизившаяся в 1925—1926 гг., возросла снова в 1929 г., когда рабочие имели на губернских съездах более 2/5 делегатских мандатов. Прослойка служащих проявила наименьшую устойчивость, хотя после многочисленных колебаний осталась в 1931 г. почти такой же, какой была в 1920 г.

Анализируя состав губернских съездов РСФСР за одиннадцать лет, необходимо различать 2 периода: 1) период 1920—1924 гг., когда в ряде губерний допускалось дополнительное (через профсоюзы и парторганизации) представительство городов на губернских съездах (см. с. 47 и 48) и 2) период 1925—1934 гг., когда это дополнительное представительство уже нигде не практиковалось.

В течение 1920, 1921 и 1923 гг. от 2,4% до 6,3% мандатов на губернские съезды выдавалось по „дополнительному" представительству. Носителями этих мандатов были рабочие и служащие. Следовательно без „дополнительного" представительства городов удельный вес рабочих и служащих на губернских съездах снизился бы на 3—6%, с соответственным увеличением

[36] За 1924—1925 г. опубликованы очень разноречивые цифры о составе губ. съездов. Поэтому, не решаясь их приводить, я заменяю в этой таблице 1924 г. 1925/26 г. Данные о составе областных, краевых съездов за 1934 г. еще не опубликованы.

прослойки крестьян. В таком случае в 1920 г. крестьяне располагали бы на губернских съездах 43% всех мандатов, а рабочие—30%.

Поэтому для 1920—1923 гг. „дополнительное" представительство городов на губернских съездах следует признать вполне правильной политической мерой, хотя мера эта не была прямо предусмотрена конституцией.

Но уже с 1924 г. надобность в этой мере начинает отпадать. Восстанавливается промышленность, возвращаются к станкам рабочие, быстро идет консолидация пролетариата, быстро растет его авторитет в глазах крестьянства. И, несмотря на отмену „дополнительного" представительства городов, рабочий класс завоевывает на съездах советов все большее и большее количество мест.

Просмотренный материал позволяет сделать следующие выводы.

Колебание удельного веса разных социальных групп в составе советов и их съездов обусловливается главным образом не правовыми, а политико-организационными моментами. Правовые нормы, устанавливающие неравное представительство городов и сел на съездах советов, имели особое значение в период военного коммунизма и в начале нэпа. К концу восстановительного периода значение этих норм стало ослабляться, а в период второй пятилетки действие этих норм уже полностью перекрывалось политическим весом и авторитетом рабочего класса. Крестьянин выбирал рабочего на съезд советов не потому, что рабочим „причиталось" столько-то мандатов, а потому, что в лице рабочего крестьянин видел своего доподлинного руководителя.

Во второй пятилетке, когда политический авторитет рабочего класса возрос неизмеримо, когда кулачество разгромлено, когда завершается коллективизация деревни и оба основных класса нашей страны — рабочие и колхозники — делают одно дело — строят социализм, теперь существование неравных норм представительства утрачивает всякое значение и по решению ЦК ВКП(б) и VII съезда советов, принятому по инициативе товарища Сталина, отменяется.

Н. КУМЫКИН

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Успехи, которых достиг рабочий класс Советского союза под руководством коммунистической партии в борьбе за укрепление своей диктатуры и построение социализма, позволяют сделать новый шаг вперед в деле развертывания советской демократии. Принятое VII всесоюзным съездом решение о внесении некоторых изменений в конституцию Союза ССР предусматривает, в частности, как указал т. Молотов, „дальнейшее развитие советской системы в виде соединения непосредственно выбранных местных советов с непосредственными же выборами своего рода советских парламентов в республиках и общесоюзного советского парламента“ [1].

Претворяя в жизнь все лучшее в парламентаризме на основе советского строя, рабочий класс, осуществляя свою диктатуру, вместе с этим окончательно и бесповоротно порывает с буржуазным парламентаризмом как системой государственного управления, находящейся в противоречии с принципами советского строя и основным из них—вовлечением всех трудящихся в управление государством.

Одной из основных сторон буржуазного парламентаризма является отделение законодательства от управления.

В самой развитой буржуазной парламентской системе парламент как представительное учреждение стоит в стороне от прямого непосредственного осуществления задач государственного управления.

Даже апологеты парламентаризма, рисующие его как самую совершенную из всех возможных систему государственного устройства, не шли дальше того, чтобы предоставить представительному собранию-парламенту лишь законодательные полномочия и в лучшем случае — контроль за правительством. При этом основным в деятельности парламента они считают не осуществление задач управления, а „обсуждение“, „обмен мнений“, „беседы“ и т. д.

---

[1] Молотов. Об изменениях в советской конституции, Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, с. 34.

„Парламент,—говорит Ориу,—следует себе представлять как дискуссионный орган, предназначенный вырабатывать, под влиянием выраженных избирательным корпусом желаний, новые идеи, которые жизнь обязывает мало по малу применять к комплексу общепринятых идей“ [2].

При парламентаризме даже в период его наивысшего расцвета все функции государственного управления, в том числе и законодательные, осуществляются специальным, обособленным от масс аппаратом. „Посмотрите, — говорил Ленин, — на любую парламентскую страну, от Америки до Швейцарии, от Франции до Англии, Норвегии и проч.: настоящую „государственную“ работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. В парламентах только болтают со специальной целью надувать „простонародье“ [3].

Конечно в сопоставлении с фашизмом—открытой террористической диктатурой наиболее реакционных элементов финансового капитала—буржуазная демократия с ее парламентаризмом тем отлична, что она дает известную возможность для рабочего класса и трудящихся масс организовать свои силы для борьбы против эксплоататоров.

Вот почему сейчас, когда фашизм стремится полностью уничтожить буржуазную демократию и парламентаризм, авангард международного пролетариата выдвинул лозунг борьбы „в защиту завоеваний и прав трудящихся, против ликвидации буржуазно-демократических свобод“ [4].

Но вместе с этим буржуазный парламентаризм остается определенной формой господства буржуазии. Поэтому победивший пролетариат, ломая буржуазную государственную машину, отбрасывает в сторону и буржуазный парламентаризм, заменяя его государственной организацией новой формы—советской системой управления.

„Старая, т. е. буржуазная, демократия и парламентаризм,— говорил Ленин, — были организованы так, что именно массы трудящихся всего более были отчуждены от аппарата управления. Советская власть, т. е. диктатура пролетариата, напротив, построена так, чтобы сблизить трудящихся с аппаратом управления. Той же цели служит соединение законодательной и исполнительной власти при советской организации государства и замена территориальных избирательных округов производственными единицами, каковы: завод, фабрика“ [5].

„Советская конституция,—указывал в другом месте Ленин,— ...уничтожает выясненные уже со времени Парижской коммуны

---

[2] Ориу, Основы публичного права, 1929, с. 658—659.
[3] Ленин, т. XXI, с. 401.
[4] Г. Димитров. Наступление фашизма и задачи Коминтерна в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, 1935, с. 36.
[5] Ленин, XXIV, с 14.

отрицательные стороны парламентаризма, особенно отделение законодательной и исполнительной властей, оторванность парламента от масс и пр.“ [6].

Таковы положения, которые выдвигает Ленин, противопоставляя новую советскую пролетарскую систему управления буржуазной парламентской системе.

Некоторые из наших советских теоретиков соединение законодательной и исполнительной работы видят в том, что якобы все органы советской системы снизу доверху, от Центрального исполнительного комитета Союза ССР до сельского совета включительно, занимаются в определенных пределах законодательствованием.

Сторонники этой точки зрения вводят в употребление термин „местный закон“, именуя местными законами в частности обязательные постановления сельсоветов и районных исполнительных комитетов.

Однако эту точку зрения следует признать ошибочной. Она находится прежде всего в противоречии с марксо-ленинским учением о законе и законности.

В своем историческом письме к тов. Сталину о двойном подчинении и законности Ленин дал предельно ясное определение законности. „Законность—говорит Ленин—должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности являются попустительство и конно-русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской“ [7].

Законность, указывает Ленин в этом письме, должна быть единой для всего государства, для всей нашей советской федерации.

В своей речи на объединенном заседании ВЦИК 17 января 1919 г. Ленин, давая разъяснение по проекту положения о продовольственной политике и указывая на необходимость принуждения к исполнению декрета, говорил: „Мы должны теперь добиться, чтобы все местные органы не позволяли себе отсебятины, чтобы не смели ссылаться на то, что они вспомнили декрет вчерашнего дня и позабыли декрет нынешнего дня...“.

И дальше: „Пусть это станет общим достоянием, пусть те, кто сейчас разъезжаются, несут это на места, пусть делают то, что возлагает на них их официальное положение, пусть захватят с собой соответствующие декреты, которые будут разработаны, чтобы на местах они неуклонно исполнялись и проводились, чтобы постановления центра действительно проводились, чтобы нерешительности, которая была прежде, больше не было“ [8].

---

[6] Там же, с. 95.
[7] Ленин, т. XXVII, с. 299.
[8] Ленин, т. XXIII, с. 468.

Приведенные слова Ленина, так же как и ряд других его высказываний, не оставляют сомнения в том, что, по его учению, декрет или закон—это общегосударственный акт.

Если Ленин в ряде случаев, в частности и в приведенном, декретам—законам давал такие довольно широкие определения, как „постановление центра", „постановление центральных органов власти", то это ни в какой мере не означает, что он здесь имел в виду все центральные органы власти, в том числе и народные комиссариаты, а не только правительство. По нашей практике закон или декрет — это акт высшего органа власти— съезда советов, ЦИК, Совнаркома. Поэтому не случайно Ленин никогда, говоря о постановлениях и распоряжениях народных комиссариатов, не называл их законами.

Слияние законодательства с управлением—один из основных организационных принципов советской системы—таким образом означает не то, что каждый совет, от высшего до низшего, до первичного звена советской системы, законодательствует, издает свои законы. Этот принцип нельзя истолковывать и в том смысле, что все центральные органы власти, осуществляющие руководство отдельными отраслями государственного управления, народного хозяйства или социально-культурного строительства, законодательствуют.

Слияние законодательства с управлением означает прежде всего, что высшие органы нашего советского государства, органы, образованные на началах пролетарской советской демократии, и только они сосредоточивают у себя всю полноту власти, осуществляют и законодательные функции, и функции непосредственного управления.

Однако мы крайне упростили бы вопрос и в то же самое время не вскрыли бы всего многогранного содержания принципа слияния законодательства с управлением, если бы свели его только к осуществлению высшими органами советской системы законодательной и исполнительной функций.

Более широкое содержание этого тезиса вскрывает сам Ленин в ряде своих выступлений.

Противопоставляя советскую власть буржуазному парламенту, Ленин говорит: „Советская власть идет от самих трудящихся масс, она дает не парламент, а собрание трудовых представителей, которое издает законы, исполняющиеся непосредственно, проходящие в жизнь и ставящие своей задачей борьбу с „эксплоататорами" [9].

Следовательно слияние законодательства с управлением выражается также и в том, что непосредственно от масс, через их представителей, идет осуществление законодательных функций, издание законов, через массы, через них непосредственно

[9] Ленин, т. XXII, с. 239.

проходит осуществление и претворение в жизнь этих законов.

Наиболее развернутое определение всех сторон принципа соединения законодательной работы с управлением Ленин дает в своем наброске „Очередные задачи советской власти". „Демократический принцип организации, — говорит он, — в той высшей форме, из которой с проведением советами предположений и требований активного участия масс не только в обсуждении общих правил, постановлений и законов, не только в контроле за их выполнением, но и непосредственно в их выполнении, — это значит, что каждый представитель массы, каждый гражданин должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог участвовать и в обсуждении законов государства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь" [10].

Таким образом слияние законодательства с управлением на советской основе выражается: во-первых, в участии масс в обсуждении законов, а следовательно и во внесении предложений о дополнении и изменении законов, во-вторых, в участии масс в выборе своих представителей в отдельные звенья государственной системы, в том числе и в высшие органы, непосредственно осуществляющие законодательные функции, т. е. издающие законы, в-третьих, в контроле масс за исполнением этих законов повсеместно и, в-четвертых, в непосредственном выполнении массами этих законов.

Такова даваемая Лениным конкретная расшифровка принципа соединения законодательства с управлением.

Остановимся прежде всего на первом из этих предложений — на участии масс в обсуждении законов.

Практика нашего советского строительства показывает, что инициатива масс в деле внесения законодательных предложений и участие масс в обсуждении законов проявляются в самых разнообразных формах.

Широкие трудящиеся массы вносят предложения об изменении действующих законов и о принятии новых законов на общих собраниях, на съездах, конференциях, на заседаниях низовых органов советской власти, в частности на пленумах сельских советов, районных исполнительных комитетов и т. д.

Предложения трудящихся об издании того или иного закона вносятся через наши местные и центральные газеты. Многие предложения рабочих и колхозников, так же как и низовых органов власти, внесенные через печать, после их обсуждения в законодательных органах вошли составным элементом в наше советское законодательство. Имеются очень яркие показатели огромной роли газеты и в деле привлечения широких масс рабочих и колхозников к законодательной работе.

---

[10] Ленин, т. XXII, с. 419—420.

В конце прошлого года например „Крестьянская газета" провела всестороннее обсуждение на своих страницах законодательства о трудовом участии населения в дорожном строительстве, одновременно проведя сбор предложений о необходимых изменениях этого законодательства путем рассылки колхозам и сельским советам опросных анкет. В результате этого в Совнарком СССР был представлен богатый материал с конкретными предложениями о необходимых изменениях ныне действующего, но в значительной части уже устаревшего закона 1929 г. по этому вопросу. СНК Союза ССР дано поручение Цудортрансу разработать проект нового закона с учетом всех внесенных предложений.

Законодательная инициатива рабочих и колхозников проявляется все больше и больше в жалобах и заявлениях, подаваемых ими на имя председателей ЦИК и Совнаркома Союза ССР, председателей ЦИКов и Совнаркомов союзных республик. Раньше эти жалобы и заявления носили чисто личный характер—в них указывалось на неправильное обложение налогом, лишение избирательных прав, наложение штрафа и т. п. и ставился вопрос об устранении этих конкретных нарушений. По мере роста социалистического сознания масс в жалобах и заявлениях все чаще и чаще ставятся общие вопросы о недостатках работы аппарата, о недостатках или неполноте законодательства со внесением конкретных предложений об его изменении и дополнении.

Иллюстрацией этого положения являются, например, поданные через секретариат по приему заявлений и жалоб на имя председателя СНК СССР письма рабочих с предложениями о дополнении законов об обязательных поставках по молоку и мясу и утвержденных правительством инструкций о порядке проведения этих поставок, в которых в первоначальной их редакции было недостаточно ясно сказано об обложении рабочих и служащих, проживающих в сельских местностях, но не имеющих заданий по посевам и не облагаемых сельскохозяйственным налогом.

Эти письма сыграли значительную роль в разрешении этого, вопроса в законодательных органах и внесении соответствующих изменений и уточнений в инструкции о порядке проведения мясо- и молокопоставок.

Обсуждение проектов законов проводится на широких рабочих собраниях, съездах, конференциях. Ярким показателем того, как широкие массы в лице своих лучших представителей принимают участие в обсуждении законов, является обсуждение недавно прошедшим всесоюзным съездом колхозников-ударников проекта нового примерного устава сельскохозяйственной артели, ставшего одним из ведущих советских законов второй пятилетки.

Практикуется и в дальнейшем безусловно будет практиковаться еще более широко посылка центральными органами проектов законов на заключение низовых органов, а также для широкого обсуждения на рабочих и крестьянских собраниях. В качестве конкретного примера можно указать на широкое обсуждение на пленумах риков, на заседаниях сельских советов и на сельских собраниях проекта „Основных положений об организации сельских советов в Союзе ССР".

Все шире и шире начинает применяться, как одна из конкретных форм привлечения представителей низовых органов власти и широких рабочих и колхозных масс к законодательной работе, созыв центральными органами специальных совещаний для выявления практики проведения того или иного закона и обсуждения проектов изменений и дополнений законов. В качестве конкретных примеров можно указать на проведение Совнаркомом Союза ССР в июне 1934 г. широкого совещания с участием председателей риков и сельских советов и отдельных колхозников по вопросу проведения в жизнь законов об обязательных поставках и по обсуждению проекта закона об отчетности риков и сельских советов; в июле 1935 г.—совещания с участием председателей и секретарей сельских советов и председателей колхозов по вопросам финансовой работы сельских советов.

Дальнейшее развертывание советской демократии безусловно повлечет за собой еще более широкое использование всех разнообразных форм вовлечения широких масс в законодательную работу.

Представляло бы значительный интерес проследить практическое осуществление принципа слияния управления с законодательством и в других его моментах, указанных Лениным, в частности: участие масс в контроле за исполнением законов и в непосредственном исполнении этих законов. Однако, не ставя перед собой такой широкой задачи, мы хотим после сделанных замечаний об участии масс в законодательной работе в узком смысле этого слова перейти к разбору отдельных вопросов, характеризующих наше советское законодательство как законодательство высшего типа, так же как советское государство является государством высшего типа.

Обращаясь к конкретному советскому законодательству, мы не можем не заметить, что по мере укрепления позиций социализма в нашей стране, по мере укрепления отношений общественной собственности, в советском законодательстве все более непосредственно выражается его социалистический характер. Конечно ошибочно было бы думать, что законодательство предшествующих этапов, в частности первого периода нэпа, не было социалистическим по своей природе; что законность этого периода, как думают некоторые, хотя и была революционной, но не была социалистической. Но вместе с этим

совершенно очевидно, что в условиях победы социалистических элементов над капиталистическими, с ростом и укреплением общественной собственности — основы строительства социализма—советские законы более непосредственно выражают свою социалистическую природу. Если взять советское законодательство в целом, то нельзя также не обнаружить и роста его оперативности. Конечно законодательствование в советском государстве проводится и впредь будет проводиться в порядке издания как общих норм, общих правил и положений, так и актов, содержащих конкретные оперативные задания, поручения отдельным ведомствам и организациям с указанием точных сроков их выполнения и т. д.

Но вместе с этим, беря всю массу издаваемых за определенные отрезки времени законов, мы, как уже сказано, не можем не заметить роста их оперативности и конкретности.

В связи с происходящими в стране грандиозными сдвигами существенно меняется и законодательство, содержащее общенормативные положения.

Возьмем законы по борьбе с хищениями и воровством первого периода нэпа и периода развернутого социалистического наступления по всему фронту. Ст. 180 уголовного кодекса РСФСР в редакции 1922 г. дает определение понятия кражи: „кража, т. е. тайное похищение имущества, находящегося в обладании, пользовании или ведении другого лица или учреждения", и определяет ответственность за нее.

О краже общественного имущества говорится в пяти специальных пунктах, но все они сформулированы в виде в достаточной мере отвлеченной нормы. „Простая кража,—говорится в п. „г" этой статьи,—из государственных или общественных складов и учреждений карается лишением свободы на срок до одного года или принудительными работами на тот же срок". В таком же духе изложены пункты „д", „е", „ж", „з" о краже лицами, имеющими доступ к общественному имуществу в силу служебного положения, лицами, которым поручена охрана, и т. д.

Совершенно иначе сконструирован написанный тов. Сталиным исторический закон об охране социалистической собственности от 7 августа 1932 г.—основа революционной законности нашего времени.

В этом законе прежде всего отмечается, что участились жалобы рабочих и колхозников на хищение общественного имущества; далее общественная собственность объявляется основой советского строя, священной и неприкосновенной, и провозглашается решительная борьба с расхитителями общественного имущества как первейшая обязанность органов советской власти. Затем грузы на железнодорожном и водном транспорте, так же как и колхозное и кооперативное имущество, приравниваются к имуществу государственному, и выставляется требование всемерно усилить охрану этих грузов и колхозного и

кооперативного имущества от расхищения. Наконец дается определение меры судебной репрессии за расхищение общественной собственности.

Ту же картину мы получаем при сопоставлении статьи кодекса 1922 г. о спекуляции с законом от 22 августа 1932 г. о борьбе со спекуляцией.

В уголовном кодексе 1922 г. дается определение спекуляции как классово-опасного деяния (диспозиция) и определение меры наказания за это деяние.

В законе о борьбе со спекуляцией 22 августа 1932 г. 1) констатируется факт роста спекуляции, 2) дается директива органам ГПУ, прокуратуре и местным органам „принять меры к искоренению спекуляции" и 3) устанавливается санкция — применять „к спекулянтам и перекупщикам заключение в концентрационный лагерь сроком от 5 до 10 лет без права применения амнистии" [11].

Отмеченное изменение советского законодательства—рост его конкретности и оперативности не исключает возможности проведения его систематизации, как это могло бы показаться на первый взгляд. Больше того, проведение такой работы становится крайне актуальным, так как в противном случае законодательство будет полно противоречий и неувязок. Равным образом не исключается возможность и целесообразность использования и в дальнейшей нашей законодательной работе такой формы закона, как кодекс, формы, получившей наиболее широкое применение в буржуазном обществе, но могущей служить пролетариату в его законодательной работе. Бесспорно советский кодекс коренным образом отличается от буржуазного кодекса по своему содержанию. Он, имея иное содержание, имеет и не может не иметь отличия от буржуазного кодекса и по своим конструктивным признакам. Исключительно благодарной задачей, стоящей перед советскими юристами-марксистами, является отыскание такой конкретной формы советского кодекса, которая наиболее совершенно выражала бы присущие советскому праву и закону качественные особенности. Нам представляется, что закон об охране социалистической собственности, написанный тов. Сталиным, является ценнейшим источником, откуда можно почерпнуть многое при решении и этой задачи. В этом законе, с точки зрения его конструкции, дается диалектическое сочетание момента нормализации и революционной, подлинно-большевистской целеустремленности и оперативности.

Одной из практических мер по проведению систематизации нашего законодательства может явиться сокращение „сезонных" законов, т. е. законов, рассчитанных на определенную кампанию (число таких законов в настоящее время достаточно

[11] СЗ, 1932, ст. 375.

велико) и переход в ряде областей к более устойчивому законодательству, действующему в течение более длительного периода. Предпосылки к этому имеются.

В области правового регулирования договорных отношений мы можем например уже сейчас перейти от ежегодно издаваемых законов о заключении договоров к общему закону о договорных отношениях. Доказательством возможности такого перехода является хотя бы тот факт, что законом от 14 декабря 1934 г. „о заключении договоров на 1935 г." подтверждены все основные положения закона от 19 декабря 1933 г. „о заключении договоров на 1934 г.". Следовательно оказалось возможным выработать в 1933 г. положения, которые могут быть применяемы не только в течение одного года.

Приобретая все большую оперативность, советские законы прямо и непосредственно выражают момент проверки исполнения, играющей решающую роль в организационной работе [12].

Возьмем в качестве примера закон о заключении договоров на 1934 г. В этом законе прежде всего подводится краткий итог проведения заключения договоров в истекшем году; отмечаются как положительные, так и отрицательные стороны кампании по заключению договоров. Дальше дается регламентация порядка заключения договоров, определяется ответственность сторон и т. д. Вместе с этим дается ряд поручений хозорганам и органам госарбитража в целях обеспечения наиболее полного и правильного проведения договорной кампании. По ходу развертывания договорной кампании СНК СССР принял специальное постановление „о ходе заключения договоров". В этом постановлении было указано на несоблюдение наркоматами и хозорганизациями установленных законом сроков заключения договоров и ряд других недостатков и принят ряд новых положений (об отчетности, ответственности за правильное и своевременное заключение договоров и т. д.).

7 марта 1933 г. было издано специальное постановление об организации контроля исполнения договоров между хозяйственными органами, которым предусмотрено выделение заказчиками своих представителей на предприятия, выполняющие заказы.

В постановлении ЦИК и СНК Союза от 27 мая 1932 г. о развитии и сохранении конского поголовья прежде всего дается констатация невыполнения ряда решений правительства о решительной борьбе с недооценкой лошади в народном хозяйстве. Дальше указывается на особенно неудовлетворительное

---

[12] „Хорошо поставленная проверка исполнения, — говорит тов. Сталин в отчетном докладе на XVII съезде партии,—это тот прожектор, который помогает освещать состояние работы аппарата в любое время и выводить на свет божий бюрократов и канцеляристов. Можно с уверенностью сказать, что девять десятых наших прорех и прорывов объясняется отсутствием правильно поставленной проверки исполнения". (Сталин, Отчетный доклад XVII партсъезду. Стеногр. отчет, 1934, с. 35).

положение этого дела на Украине, в Белоруссии, на Урале; дается поручение НК РКИ организовать систематический контроль за выполнением всеми организациями этого постановления.

В постановлении СНК Союза от 29 мая 1932 г. о проведении хозрасчета на ж.-д. транспорте отмечается невыполнение директивы о проведении хозрасчета на транспорте, дается практическая программа по внедрению хозрасчета на дороге, в эксплоатационном районе, в депо, на станции и т. д., и вместе с этим фиксируется необходимость не позднее 1 октября заслушать дрклад НКПС, НКФина и Госбанка о ходе выполнения этого постановления. Подобного рода примеров можно было бы привести очень много и в отношении более поздних законов.

В дальнейшем момент проверки исполнения безусловно будет находить все больше и больше прямое выражение в наших законодательных актах.

Третий момент, который следует отметить, как одну из отличительных черт советского законодательства, это выражение в нем начала соревнования. Ленин, останавливаясь на анализе социалистической организации, указывал, что одним из важнейших признаков ее является соревнование.

„К числу бессмыслиц,—говорит Ленин,—которые буржуазия охотно распространяет про социализм, принадлежит та, будто социалисты отрицают значение соревнования. На самом же деле только социализм, уничтожая классы и следовательно порабощение масс, впервые открывает дорогу для соревнования действительно в массовом масштабе. И именно советская организация, переходя от формального демократизма буржуазной республики к действительному участию трудящихся масс в управлении, впервые ставит широко соревнование“ [13].

Ленин дал наглядный показ тех конкретных форм, в какие должно выливаться соревнование,—это, с одной стороны, показ образцовых организаций для того, чтобы на их примере воспитывались, учились и подтягивались отстающие, с другой — постановка на черную доску тех, которые упорно хранят традиции капитализма, допуская невыполнение поставленных перед ними задач. Наши советские законы все шире и шире начинают выражать это начало. Все чаще и чаще встречаются законы, в которых, с одной стороны, указываются области и республики и отдельные организации, успешно выполняющие задания партии и правительства, с другой стороны, отмечаются отстающие, не выполняющие этих заданий, с указанием конкретных виновников этого.

Начало соревнования выражается в законодательстве и в несколько иной форме. В законе об обязательных поставках например устанавливается правило, что торговля хлебом будет

[13] Ленин, т. XXII, с. 455.

разрешаться только после выполнения установленного плана хлебозаготовок по республике, краю, области и полной засыпки, после выполнения плана хлебозаготовок, семенных фондов. Отдельным республикам, краям и областям, выполнившим план заготовок и произведшим засыпку семенных фондов, дается специальным законом разрешение на производство торговли.

Советские законы, являясь актами центральных органов власти, в то же самое время представляют широкую возможность местным органам власти проявить свою инициативу в наиболее целесообразном проведении предусматриваемых в них мероприятий.

„Каждая фабрика, каждая деревня—говорит Ленин—является производительно-потребительской коммуной, имеющей право и обязанной по-своему применять общие советские узаконения („по-своему" не в смысле нарушения их, а в смысле разнообразия форм проведения их в жизнь), по-своему решать проблему учета производства и распределения продуктов" [14].

„Подобно тому,—говорит Ленин,—как демократический централизм отнюдь не исключает автономии и федерации, так он нисколько не исключает, а напротив продполагает полнейшую свободу различных местностей и даже различных общин государства в выработке разнообразных форм и государственной и общественной и экономической жизни. Нет ничего ошибочней, как смешение демократического централизма с бюрократизмом и с шаблонизацией... Централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели" [15]. Сказанное Лениным о демократическом централизме как организационном принципе советской системы прямо выражается в нашей законодательной работе, в законодательстве Союза и союзных республик [15]. Устанавливая единство в основном, в коренном, в существенном, закон предоставляет полную возможность местным органам советской системы его развивать, дополнять в отдельных моментах, исходя из местных особенностей [16]. Законы Союза ССР в ряде случаев отдельные вопросы полностью передают на решение правительств союзных республик, краевых и областных исполкомов и т. д. Возьмем постановление ЦИК и СНК от 27 мая 1932 г. о развитии и

[14] Там же, с. 455—456.

[15] Ленин, т. XXII, с. 416.

[16] „С демократическим и социалистическим централизмом ни шаблонизирование, ни установление единообразия сверху не имеет ничего общего. Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах подхода к делу, в способах осуществления контроля, в путях истребления и обезвреживания паразитов (богатых и жуликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции и т. д. и т. п.)". (Ленин, т. XXII, с. 166).

сохранении конского поголовья. В этом законе дается поручение совнаркомам союзных республик, краевым и областным исполкомам об установлении порайонных норм зернофуража, необходимых для сохранения лошадей в рабочем теле, об издании правил использования лошадей, привлекаемых к трудгужповинности. Местным земельным отделам поручается установить нормы выработки для лошадей по основным видам работы с учетом местных особенностей.

Постановление ЦИК и СНК Союза от 17 января 1934 г. о сборе на нужды жилищного и культурно-бытового строительства в сельских местностях в 1935 г., определяя порядок и условия проведения этого сбора, вместе с этим предусматривает издание совнаркомами союзных республик, краевыми и областными исполкомами, исходя из местных особенностей, постановлений об освобождении от обложения сборами рабочих и служащих, у которых доход от сдачи строений в наем превысил необлагаемый минимум по подоходному налогу (ст. 7), постановлений об освобождении от обложения сборами населения отдельных местностей (ст. 10), об установлении диференцированных отчислений в государственный и местный бюджеты в указанных союзным законом пределах (ст. 11), об установлении средних ставок сбора для районов, селений и т. д.

Следует здесь же заметить, что не во всех законах, исходящих от союзного правительства, предусматриваются те или другие поручения союзным правительствам и местным органам власти об издании актов, развивающих и дополняющих союзный закон. Значительно число союзных законов, которые дают полную и исчерпывающую регламентацию всех вопросов, не оставляя тем самым места для издания по этим вопросам законодательных актов союзными республиками.

Отдельные вопросы, которые мы затронули в этой статье, составляют лишь незначительную часть конкретных вопросов законодательства и законодательной работы советского государства, которые ждут своего изучения как важнейшие вопросы практики советского строительства и марксо-ленинской теории государства, права и советского строительства.

Г. ШОСТАК

ОБ ОТЗЫВЕ ДЕПУТАТОВ ИЗБИРАТЕЛЯМИ

I

В „Проекте декрета о праве отзыва", внесенном большевиками на заседание ВЦИК 4 декабря 1917 г., Ленин писал: „Какое бы то ни было выборное учреждение или собрание представителей может считаться истинно демократическим и действительно представляющим волю народа только при условии признания и применения права отзыва избирателями своих выборных" [1]. Этим правом, подчеркивал Ленин, не пользуются избиратели буржуазно-демократических государств, за исключением некоторых кантонов Швейцарии и некоторых штатов Америки [2]. Но и здесь право отзыва, как право влиять на управление, предоставлено массам лишь формально. Фактически же „капиталисты тысячами проделок, тем более искусных и верно действующих, чем развитее „чистая" демократия, о т т а л к и в а ю т массу от участия в управлении" [3].

Это ленинское положение можно было бы иллюстрировать сотнями примеров, относящихся к разным буржуазно-демократическим государствам Старого и Нового света. Но мы ограничимся здесь лишь одним примером, относящимся к штату Калифорния,—к тому самому штату, где голосовавшийся недавно кандидат в губернаторы Эптон Синклер обещал навсегда уничтожить нищету.

По свидетельству одного из знатоков местного американского управления—Бирда (Bird) [4], в Калифорнии действует более 50 различных статутов об отзыве муниципальных чиновников и более 40 различных статутов об отзыве чиновников самоуправлений в сельских местностях.

Эти статуты, никогда не отличавшиеся простотой, стали особенно усложняться после попыток широкого использования права отзыва. Мотивы такого усложнения с большой откровен-

---

[1] Ленин, т. XXII, с. 92.
[2] Там же, с. 96.
[3] Ленин, т. XXIII, с. 349.
[4] Bird F. S. The Recall of public officers,

ностью были изложены одним из столпов провинциальной калифорнийской „общественности" — председателем совета землевладельцев г. Селайнаса (Salinas) мистером Аухерти (Augherty): „Многие из наших членов чувствовали, — признается достопочтенный мистер,—что с отзывом обращались слишком легко..., неразумно и что пользование отзывом ложится тяжелым бременем на налогоплательщиков. Пришлось обсудить, как избегнуть этого зла..." И вот в результате „обсуждения" появляются статуты, обставляющие отзыв такими сложными и многочисленными формальностями, которые фактически ликвидируют право отзыва.

Приведем для характеристики один из этих статутов, принятый в г. Аламеда (Alameda) в 1917 г. Для возбуждения и решения вопроса об отзыве выборных должностных лиц этого города требуется точное соблюдение следующих правил.

Лицо (или лица), желающее возбудить вопрос об отзыве, подает в муниципалитет в 2-х экземплярах заявление, содержащее не более 200 слов. Подлинность мотивов отзыва и подлинность подписей заявителей удостоверяется под присягой. Одновременно заявители вносят 25 долларов для покрытия расходов по организации сбора подписей. Копия поданного заявления препровождается городским секретарем тому лицу, против которого заявили отзыв. Отзываемому дается 5 дней для составления возражений против отзыва и для изложения своих достоинств и заслуг. Объяснение не должно превышать 200 слов.

После получения объяснения отзываемого городской секретарь в течение 10 дней обязан напечатать бланки петиции об отзыве. Статут определяет не только содержание этих бланков, но и типографский шрифт, которым они должны быть напечатаны. Отступления от установленного стандарта не допускаются.

Бланки петиций раздаются избирателям по 1 центу за штуку. В течение 60 дней со дня раздачи бланков заполненные, подписанные и засвидетельствованные бланки должны быть представлены городскому секретарю, который представляет их с своим заключением на очередное заседание муниципалитета.

С момента скрепления городским секретарем петиций отзываемому дается 5 дней для „добровольной отставки". Если он воспользуется этим (весьма деликатным) правом, то петиции не рассматриваются муниципалитетом, и отзыв таким образом заменяется „увольнением по собственному желанию". Если же отзываемый не подаст в отставку, тогда муниципалитет рассматривает петиции по существу. При этом может быть вынесено два решения: 1) если подписи „за отзыв" на определенное число единиц превышают количество подписей, поданных „против отзыва", то муниципалитет назначает всеобщее по городу голосование на предмет отзыва. Однако не всякое превы-

шение числа подписей влечет такое решение. Необходимо, чтобы число подписей „за отзыв" превышало число подписей „против" на 10% от количества голосов, поданных на последних выборах за одного из членов муниципалитета, получившего максимальное количество голосов. Только в таком случае муниципалитет назначает в течение 40—60 дней всеобщее голосование. 2) При отсутствии описанных условий голосование об отзыве не назначается, петиция остается без последствий и чиновник продолжает работать на старом месте.

Резюмируя законодательство и практику отзыва в Калифорнии, буржуазный исследователь меланхолически признает, что „при наличии таких законов не было ни одной удовлетворительной попытки отзыва какого-либо из должностных лиц Аламеды" [5].

В других городах и графствах Калифорнии законодательство об отзыве отличается большим или меньшим количеством всяких деталей и формальностей, стесняющих (или на деле исключающих) право отзыва. Поэтому-то в период 1911—1919 гг., т. е. за 19 лет, из 194 городов штата Калифорния лишь 64 города использовали право отзыва. В этих 64 городах было зарегистрировано 134 петиции об отзыве 322 должностных лиц. Но не по всем поданным петициям происходило голосование: 38 петиций (28,3%) не были допущены к голосованию по различным формальным моментам. По остальным 96 петициям голосование состоялось и дало следующие результаты: 50 петиций, в которых предъявлялось требование об отзыве 138 должностных лиц, не собрали нужного числа голосов за отзыв и потому остались безрезультатными. По остальным 46 петициям было отозвано 98 должностных лиц [6].

По графствам (сельским самоуправляющимся единицам) того же штата данные об отзыве еще более скромны; в течение 15 лет (1913—1928 гг.) из 58 графств правом отзыва воспользовались только 12. В этих 12 графствах было зарегистрировано 26 петиций, из коих 3 вовсе не были допущены к голосованию и 15 не собрали для отзыва нужного числа голосов. По остальным 8 петициям было отозвано 8 должностных лиц.

Не лучше обстоит дело и в кантонах Швейцарии. По свидетельству видного буржуазного государствоведа Ориу, „швейцарские граждане уже давно не применяют права отзыва" [7]. Другой знаток государственного права, сотрудник берлинского института иностранно-публичного права и международного права,

---

[5] Там же, с. 89.

[6] Эти цифры показывают, что каждый калифорнийский город, вернее—его граждане, имеющие право отзыва, фактически пользуются этим правом примерно один раз в пятьдесят лет и отзывают в течение указанного срока одного выборного функционера. Избиратели графств еще реже пользуются правом отзыва

[7] Hanrion, André, Le Droit de Revocation populaire, p. 64.

утверждает, что в швейцерских кантонах „право отзыва потеряло свое значение“ [8]. Наконец такой солидный орган, как Британская энциклопедия, вынужден признать, что „к отзыву прибегают на практике чрезвычайно редко“ [9].

Итак „демократическое правительство существует и признано везде, где есть парламентский строй, но это право представительства ограничено тем, что народ имеет право раз в два года голосовать, но часто оказывается, что его голосами прошли те, кто помогает его же подавлять, а демократического права сместить, принять действенные меры пресечения—не имеет“ [10].

II

За месяц до Октябрьской революции, 7 октября 1917 г., на совещании ЦК и ПК большевиков, было признано необходимым „изменение организационного аппарата советов“ в смысле устранения „препятствий для перевыборов“ и „сменяемости членов ЦИК и исполнительных комитетов на местах“ [11]. Это официальное решение центрального большевистского руководства оформляло линию, фактически проводившуюся большевиками еще с весны 1917 г. [12]. После июльских дней и корниловского выступления большевики особенно энергично пропагандировали право отзыва и организовали массы для фактического использования этого права против контрреволюционных и соглашательских депутатов советов.

В конституции РСФСР, принятой 10 июля 1918 г., право избирателей на отзыв „во всякое время“ избранного ими депутата было записано в качестве одного из основных положений об устройстве советской власти, в дальнейшем это право было отражено и в программе РКП(б), принятой VIII съездом партии 18—23 марта 1919 г., и в целом ряде других важнейших партийных и советских документов.

Однако вплоть до 1928 г. право отзыва использовалось советскими избирателями очень слабо, а в ряде мест совсем не использовалось.

На III съезде советов Союза ССР М. И. Калинин говорил, обращаясь к депутатам съезда: „Если спросить у вас, сколько было случаев, когда рабочие отозвали бы во время работы советов кого-нибудь из членов совета или исполкома или потребовали бы его отзыва, то мы увидим, что таких случаев почти не было“ [13].

---

[8] Dr. Karl Braunias Das parlamentarishe Wahlrecht. Berlin u. Leipzig, 1932.
[9] Encyclopedia Britannica, volume XIX, p. 10.
[10] Ленин, т. XXII, с. 96.
[11] „ВКП(б) в резолюциях“, ч. I, с. 314.
[12] См. Ленин, т. XX, с. 139: „Необходима не только выборность, но и сменяемость в любое время... всяких депутатов“ (июль 1917 г.).
[13] Стеногр. отчет III съезда советов Союза ССР, с. 304. Разрядка моя—Г. Ш

Тогда же по докладу М. И. Калинина съезд принял постановление „по вопросам советского строительства", где (в III разделе) специально напоминалось „как избирателям, так и членам советов" о праве досрочного отзыва депутатов. Однако и после этого положение не изменилось: через 2 года в материалах, изданных ЦК ВКП(б) к XV партийному съезду, снова можно было прочесть, что „право отзыва из советов депутатов, не принимающих участие в работе совета и отрывающихся от своих избирателей, осуществлялось лишь в единичных случаях" [14].

Незначительное использование права отзыва в 1917—1918 гг. объяснялось очевидно тем, что в эти годы выборы советов производились каждые 3 месяца и негодные депутаты лишались мандата на очередных выборах.

Во время военного коммунизма, когда „общеполитическая и хозяйственная работа советов значительно сжалась" [15], когда советы играли „главным образом роль агитационных и мобилизационных центров" [16], действуя по системе „боевых приказов" [17],—в этот период отзыв депутатов также не мог получить широкого распространения. То же самое нужно сказать о первых годах нэпа, когда, приступив к перестройке всех рычагов системы пролетарской диктатуры, партия ломала политические препятствия, мешавшие этой перестройке (разгром оживающих антисоветских группировок, преодоление инерции некоторых местных парторганизаций, считавших, что отказ от управления методами военного коммунизма, „это— дипломатия для заграницы" [18] и т. д.

К концу восстановительного периода, когда началось и широко развернулось оживление советов, закон об отзыве депутатов начал применяться, но практика отзыва не получила широкого распространения потому, что советы не сумели развернуть среди избирателей широкой разъяснительной и организационной работы по отзыву.

После известного постановления XV съезда ВКП(б) о проверке осуществления права отзыва [19] и специальной директивы ЦИК СССР об организации работы по отзыву депутатов, в некоторых союзных республиках была проведена проверка деятельности советов в данной области. Эта проверка показала, что не только сельсоветы и рики, но и вышестоящие исполкомы не занимались организацией отзыва депутатов; население ряда уездов не было осведомлено о праве отзыва. Более того,

[14] К XV съезду ВКП(б), Материалы ЦК, Гиз... 1927, с. 30.
[15] Постановление Президиума ЦИК СССР от 5/XII—24 г. „Об образовании совещания при Президиуме ЦИКС по вопросам советского строительства". Протокол През. ЦИК № 36, п. 7.
[16] „ВКП(б) в резолюциях...", ч. I, с. 492.
[17] Там же, с. 420.
[18] См. Сталин, Крестьянский вопрос (статьи и речи), Гиз, 1926, с. 43
[19] См. „ВКП(б) и резолюциях..." ч. II, с. 409.

об этом праве ничего не знали работники многих советов и уездных исполкомов.

Та же проверка показала, что в ряде уездов сельские советы самостоятельно исключали и „довыбирали" (т. е. кооптировали) своих членов. В Азербайджане, например, из каждого сельсовета было исключено от 3 до 8 депутатов (10—20% состава); в Грузии сельсоветы „отозвали" (в начале 1928 г.) 2674 депутата (10% от общего состава советов) [20]. „На Украине за 1927—1928 гг. выбыло из состава советов по 34 округам 1175 депутатов, или 0,5% ко всему составу советов этих округов, но отозвано избирателями из числа этих 1175 только 30 человек..., а остальные сняты постановлением сельсоветов и риков" [21].

На фоне этих фактов вполне правдоподобно звучит заявление одного из работников Орготдела ВЦИК о том, что в 1927 г. „впервые (наблюдался—Г. Ш.) ряд случаев использования избирателями своего права досрочного лишения полномочий своих депутатов, причем „отмеченные случаи отзыва имели место только в горсоветах, в деревнях же избиратели этим своим правом не пользуются" [21].

О том, что в 1928 г. советы впервые организовали отзыв негодных депутатов, говорится и в „информационном материале ко 2-му Сибирскому совещанию горсоветов" (с. 9, VI разд., март 1928 г.). Результаты этого отзыва, изложенные в отчете „о работе городских и поселковых советов Сибирского края за второе полугодие 1927/28 г." [23], таковы: из 17 горсоветов было отозвано 332 депутата (14,8% к общем числу депутатов), из которых 214 (64,4%) за пассивность и 118 (35,6%) по другим причинам.

В другом сибирском документе фиксируется, что проведенная в 1928 г. первая кампания отзыва „показала незнание горсоветами своего депутатского состава и отсутствие контроля за их повседневной работой со стороны горсоветов. Так из Ленинск-Кузнецкого горсовета было отозвано 14 депутатов—рабочих, причем горсовет до самого последнего времени не только не изучал их (депутатов), но даже не знал, где большинство из них работает и живет. В Щегловске из 17 отозванных 6 не состояли ни в одной из секций.... Механический подход к отзыву депутатов присущ почти всем советам. Лишь в Ново-Омске была проявлена известная осторожность к отзыву: собрание рабочих кожзавода, заслушав предложение об отзыве шести своих депутатов за плохую посещаемость секций, постановило объявить им выговор, но из совета не отзывать [24].

[20] См. „Власть Советов", 1928, № 49, с. 13.
[21] „Власть Советов", 1929, № 43, с. 2.
[23] „Власть Советов", 1928, № 1, с. 14. Разрядка моя—Г. Ш.
[23] Отчет не опубликован.
[24] Информационный материал ко 2-му краевому совещанию горсоветов. Орготдел Сибкрайисполкома, 1928 г., разд. VI, с. 9 и 10. Приводим с незначительными редакционными изменениями.

Президиум Сибирского крайисполкома, утверждая решения второго краевого совещания работников городских и поселковых советов, признал, что „кампания отзыва депутатов иногда проводилась механически, неорганизованно, и самый отзыв носил случайный характер. Отмечались случаи отзыва депутатов рабочих с производства без существенных оснований к тому“ [25].

К сожалению, мы не располагаем соответствующими авторитетными оценками практики отзыва по другим краям, областям и губерниям. Но отрывочные сведения по этому вопросу, опубликованные в печати [26], дают основание считать, что первая широкая кампания отзыва депутатов, организованная в 1928 г. (а в некоторых местах в 1929 г.), почти везде сопровождалась недостатками, отмеченными в постановлении Сибирского крайисполкома.

Кроме того, следует отметить, что в 1928 г. далеко не во всех краях и губерниях был организован отзыв депутатов. Мы просмотрели полтора десятка печатных отчетов губисполкомов и облисполкомов за 1926-1928 гг. (в том числе Нижегородского, Московского, Комстромского, Владимирского, Дальневосточного, Сибирского и др.), и лишь в трех из них нашли упоминание об организованной советами кампании по отзыву депутатов. При этом отчет Костромского гика сообщает об отзыве только по Костромскому горсовету [27], а отчет Владимирского гика признает, что „не по всем уездам проводилась практика отзыва неработоспособных депутатов“.

В последнем отчете проводятся следующие выборочные сведения об отзыве: „По Переславскому уезду отозвано из состава 119 членов сельсоветов, или 13,2%, Вязниковскому—41 член сельсовета, Александровскому—5.

Председателей сельсоветов по Переславскому уезду отозвано 44 чел. или 49,4%, из них: 7 за искривление классовой линии в работе, а по Ковровскому уезду отозвано до 50% всех председателей сельсоветов. Причины отзыва были: за халатное отношение к работе, пьянство, за искривление классовой линии, за дебоширство. Отзыв депутатов также проходил и по горсоветам городов и рабочих поселков“ [28].

В 1929 г. партия и советы продолжали организовывать избирателей для отзыва негодных депутатов. Нам не удалось еще собрать и разработать архивные материалы по этому вопросу. Опубликованные же материалы (как за 1928 г., так и за после-

---

[25] Постановление президиума Сибкрайисполкома от 26/IV 1928 г. № 20—153

[26] См. „Власть Советов“, 1928, № 1, с. 14; № 28/29, с. 35; № 32, с. 17 и 20 № 34 с. 20: № 49, с. 13; 1929, № 43, с. 1.

[27] Отчет о деятельности Костромского гика XVII созыва за время с 1926—1927 гг. и 1927—1928 гг., с. 5.

[28] Тезисы доклада о работе Владимирского губисполкома за период с 1 окт. 1927 г. по 1 окт. 1928 г., с. 12—13.

дующие годы вплоть до 1931 г.) не позволяют делать окончательные выводы относительно широты и организованности отзыва в 1929 г. сравнительно с 1928 г. Однако, судя по отрывочным данным, можно сказать, что в 1929 г. отзыв практиковался по крайней мере с такой же широтой, как и в 1928 г. По Украине, например, были опубликованы данные об отзыве, охватывающие более половины сельсоветов. Из этих советов в 1929 г. было отозвано 2570 депутатов, что составляет около 2% ко всему составу этих советов [29]. В Рязанской губернии было отозвано 1491 член сельсовета, т. е. около 6% к общему числу депутатов [30]. В Великолуцком округе (Западная область) процент отозванных в 1929 г. депутатов достиг 7,8% (663 человека). Наряду с этим в Чувашской АССР из сельсоветов было отозвано лишь 0,4% депутатов (162 чел.).

Данные об отзыве по горсоветам более отрывочны. Лишь по Сибирскому краю эти данные приводятся по 23 горсоветам (из которых было отозвано 262 депутата). Остальные опубликованные данные относятся к отдельным горсоветам: из Астраханского горсовета было отозвано 13 депутатов, из Бакинского—118, из Грозненского—90, из Новороссийского—25 [31].

„По рабочим поселкам Московской губернии постановка перед избирателями вопроса об отзыве депутатов за пассивность практиковалась лишь некоторыми советами (Балашинским, Ликинским, Сталинским, Реутовским, Терновским, Красноармейским). Отозвано депутатов сравнительно немного, всего 27 человек, или 8% общего числа членов советов. Среди отозванных депутатов рабочих от станка 18, или 66,7%, рабочих, занимающих административно-хозяйственные должности,—I, служащих—2, прочих—6. Из общего числа отозванных—женщин 11, или 40%. Не всегда взамен выбывших членов совета вводились на их место кандидаты".

„В общем нужно признать,—пишет Моссовет в своем отчете, изданном в 1929 г.,—что практика отзыва депутатов поселковых советов развита еще недостаточно, и своим правом отзыва неработающих депутатов избиратели пользуются далеко не полностью" [32].

Итак право отзыва, установленное с первых дней существования советского государства, оставалось нерушимым и являлось одним из важнейших элементов советской демократии. Но широта осуществления этого права зависела на каждом

---

[29] Статья Минчева во „Власти Советов", 1929, № 43, с. 2.

[30] Та же статья. Процент исчислен нами по данным о составе сельсоветов в Рязанской губ., опубликованным в сборнике: „Итоги выборов в советы РСФСР в 1929 г.", вып. 1, с. 120.

[31] Та же статья. См. также „Выборы в советы и состав органов власти в СССР в 1929 г.", с. 15.

[32] Та же статья, с. 1—2, 2.

этапе развития советского государства: 1) от конкретной хозяйственно-политической обстановки в стране и 2) от организаторской работы советов.

В годы военного коммунизма и в начале восстановительного периода осуществление права отзыва не могло получить широкого распространения, главным образом по причинам политическим. Со второй половины восстановительного периода институт отзыва слабо использовался потому, что право отзыва рассматривалось советами только как право избирателей, а не как обязанность самих советов организовать избирателей для осуществления этого права.

Перелом наступил в 1928 г., когда по директиве партии и правительства сами советы стали выявлять негодных депутатов, собирать избирателей и ставить перед ними вопрос об отзыве этих негодных депутатов. Однако и в период 1928—1930 гг. отзыв депутатов не получил еще всеобщего распространения и сопровождался рядом существенных организационных недостатков. Из числа последних необходимо отметить: 1) замену отзыва избирателями—„отводом" из депутатов по постановлению самих советов; 2) представление советами к отзыву „за бездеятельность" таких депутатов, которых совет не пытался или не сумел втянуть в практическую работу; 3) отсутствие со стороны вышестоящих исполкомов систематического наблюдения за организацией отзыва депутатов; отсутствие учета по отзыву.

III

Право отзыва приобрело огромное значение в период развернутого социалистического наступления по всему фронту. В процессе этого наступления понадобилось „организовать перестройку всей практической работы... советских и всяких иных массовых организаций применительно к потребностям реконструктивного периода; создать в них ядро из наиболее активных и революционных работников, оттеснив и изолировав оппортунистические, трэдюнионистские, бюрократические элементы; изгнать вон из них чуждые и переродившиеся элементы и выдвинуть новых работников снизу" [33].

Важнейшим этапом перестройки советов в этом направлении явились выборы 1930—1931 г., но и после этих выборов в составе советов оказалось немало депутатов, неспособных итти в авангарде ударных колонн, выполняющих гигантский план первой пятилетки. Поэтому-то уже в 1 полугодии 1931 г., т. е. почти непосредственно после выборов, из сельсоветов РСФСР (без автономий) было отозвано около 23 тысяч и из горсоветов—более 1 тысячи депутатов, что составляло в среднем по 0,6

[33] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, 1932, с. 532

депутатов на каждый сельсовет и по 1,5 депутата на каждый горсовет [34].

В дальнейшем отзыв депутатов распространялся следующим темпом [35].

	Отзывалось в среднем из одного совета в течение года депутатов				Всего отозвано за 3½ года
	1931 г.	1932 г.	1933 г.	I полугодие 1934 г.	
Из сельских советов . .	1,3	2,9	3,7	2,2 (4,4)	10,1
Из городских советов .	4,5	11,7	11,4	4,1 (8,2)	31,7

Итак в течение 3½ лет из одного сельсовета было отозвано в среднем 10 депутатов и из одного горсовета—32 депутата. Сопоставив эти цифры со средним числом членов и кандидатов в одном сельсовете (27 чел.) и в одном горсовете (178 чел.), мы установим, что депутатский состав сельсоветов был затронут отзывом на 37%, а депутатский состав горсоветов—на 17,8%. В последних двух цифрах находит своеобразное отражение разница, существующая между составом сельских и городских советов: если депутаты горсоветов на 56,5% состоят из рабочих и на 56,5% из партийцев и комсомольцев, то депутаты сельсоветов на 86,7% являются крестьянами (колхозниками и единоличниками) и на 78,8%—беспартийными [36].

Но, устанавливая, что депутаты сельсоветов отзываются в два раза интенсивнее, чем депутаты горсоветов, вышеприведенная таблица обнаруживает еще один весьма важный момент: оказывается, что темпы отзыва депутатов (возросшие в 1932 г. более чем в 2 раза как по сельским, так и по городским советам) с 1933 г. по горсоветам начинают снижаться, а по сельсоветам продолжают возрастать. Эти тенденции отражают ту же разницу в составе городских и сельских советов.

Переходя к рассмотрению мотивов, по которым отзываются депутаты, мы вынуждены сделать следующую оговорку.

---

[34] Среднее число членов и кандидатов горсовета (178) в 6 раз превышает среднее число членов и кандидатов сельсовета (27).

[35] Подсчеты сделаны: в отношении 1931—1932 гг.—на основании материалов, опубликованных в статистическом сборнике „Массовая работа советов в 3 и 4 годах первой пятилетки"; в отношении 1933—1934 гг. по материалам Учетно-информационного отдела ВЦИК. О причинах расхождения этих цифр с цифрами, приведенными в наших „статистических заметках о массовой работе советов к началу второй пятилетки" („СГ" № 5, 1933)—см. ниже. В скобках показано (ориентировочно) количество депутатов, отозванных за весь 1934 г.

[36] Данные по Союзу ССР см. „Выборы в советы и состав органов власти в СССР в 1931 г." с. 10 и 18. (Совпадение цифр 56,5% и 56,5%—не опечатка).

В 1931—1932 гг. статистические отчеты об оргмассовой работе сельсоветов подразделяли отзыв депутатов на пять категорий: 1) „за бездеятельность“ 2) „за искривление классовой линии“, 3) „за злоупотребление властью“, 4) „за неработоспособность“ и 5) „по другим причинам“. Выбытие депутатов (смерть, перевод в другую местность и т. д.), строго говоря, не предусматривалось формой статистических отчетов. Тем не менее в большинстве случаев выбывшие депутаты показывались в отчетах в графе „прочих причин отзыва“.

С 1931 г., при упрощении форм статотчетности указанный дефект не был исправлен. Более того, вновь введенная форма объединяла отозванных и выбывших депутатов в одной графе, выделяя из нее лишь тех депутатов, которые отзывались за искривление классовой линии.

Поэтому при определении числа отозванных депутатов мы вынуждены были включить в разработку лишь те категории отозванных, среди которых не могло быть механически выбывших депутатов. Таким образом приведенные выше цифры об отзыве относятся лишь к депутатам, отозванным: за бездеятельность, неработоспособность, искривление классовой линии и злоупотребление властью. Если бы мы прибавили к ним группу депутатов, помеченных в графе „отозванных и выбывших по другим причинам“, т. е. если бы мы смешали отозванных с выбывшими, то вышеприведенные цифры значительно возросли бы, особенно по горсоветам.

Избегая такой неправильности при определении общего количества отозванных, мы не можем однако совсем исключить из анализа данные о выбывших и отозванных „по прочим причинам“. Имея в виду и эту категорию, получим следующую таблицу, характеризующую распределение отозванных и выбывших из сельсоветов по мотивам[37].

	На 100 отозванных и выбывших приходится				
	За бездеятельность	За неработоспособность	За злоупотребление властью	За искривление классовой линии	Выбывших и отозванных по прочим причинам
В I полугодии 1931 г.	36,8	12,4	0,9	11,1	38,5
В II полугодии 1931 г. . . .	33,3	10,6	0,5	7,3	48,3
В I полугодии 1932 г.	38,3	25,7	5,5	8,2	22,3
В II полугодии 1932 г. . . .	39,0	29,6	6,7	9,1	15,6
В среднем за 2 года . .	37,3	21,5	4,1	8,8	28,3

[37] По 14 краям и областям РСФСР (без автономий).

Из таблицы видно, что в 1931—1932 гг. основными мотивами отзыва являлись: бездеятельность и неработоспособность депутатов, причем удельный вес последней причины возрос в 1932 г. почти втрое по сравнению с 1931 г. „Прочие" причины, занимавшие в 1 полугодии 1931 г. первое место, к концу 1932 г. в $2^1/_2$ раза сократили свое влияние и заняли третье место.

Искривление классовой линии, как мотив отзыва, несколько снизило свой удельный вес в ряду других причин отзыва и к концу 1932 г. занимало среди этих причин четвертое место. Пятое место среди тех же причин заняло злоупотребление властью.

Эта картина отзыва депутатов в 1931—1932 гг. выведенная на основании статистических данных, в основном подтверждается и информационными материалами.

Мы не имеем к сожалению сводных данных о причинах отзыва депутатов в 1933 и 1934 гг. и потому вынуждены ограничиться выборочными материалами. Согласно сообщению орготдела Ленинградского облисполкома, в отчетную кампанию 1933 г. было отозвано из 1 886 сельсоветов 9 395 депутатов, что составляет в среднем около 5 депутатов на каждый сельсовет. Материал о причинах отзыва удалось разработать в отношении 8 895 человек. В результате получилась следующая таблица:

Причины отзыва	Отозвано членов сельсоветов	В % к итогу
Всего отозвано	8 895	100
Из них:		
За бездеятельность	6 880	77,4
Вследствие неуменья справиться с порученной работой	31	0,2
За искривление классовой линии	541	6,1
За пьянство и дискредитацию власти	568	6,4
За другие должностные преступления	244	2,8
Как классово-чуждый элемент	290	3,3
Освобождены:		
Из-за выбытия с места работы	158	1,8
По болезни	18	0,2
По личной просьбе	2	0,0
Отозваны и освобождены по проч. причинам	163	1,8

Эта таблица показывает: 1) чрезвычайно большое количество отозванных за бездеятельность (более $^3/_5$ из числа всех отозванных); 2) сравнительно высокий процент отозванных из советов классово-чуждых элементов (3,3%), за искривление классовой линии (6,1%), за пьянство и дискредитирование власти (6,4%); 3) сравнительно ничтожный процент отозванных за другие должностные преступления (2,8%); 4) совершенно ничтожный процент отзыва и выбытия из состава сельсоветов по болезни, личному желанию, неумению справиться с работой и вследствие отъезда в другую местность (2,2% по этим четырем группам) [38].

Такую же в основном картину отзыва дает информация орготдела Сталинградского крайисполкома. В феврале—марте 1934 г. по сельсоветам этого края была проведена отчетно-довыборная кампания, в процессе которой было отозвано 2 326 депутатов—20,2% к общему составу советов. Отозванные распределялись так: за неработоспособность и халатность 1 731 чел. (74,2%); за искривление классовой линии и связь с кулачеством 254 чел. (10,9%); за растраты и злоупотребления властью 192 чел. (8,5%) и как чуждый элемент 149 чел. (6,4%) [39].

Перейдем к причинам отзыва из горсоветов. Не повторяя здесь оговорок относительно категории „выбывших и отозванных по прочим причинам", приведем следующую таблицу:

	На 100 отозванных и выбывших приходится:				
	За бездеятельность	За неработоспособность	За злоупотребление властью	За искривление классовой линии	Выбывших и отозванных по прочим причинам
В I полугодии 1931 г.	10,6	4,2	1,7	2,1	81,4
В II полугодии 1931 г	12,8	1,4	1,1	2,1	82,0
В I полугодии 1932 г.	24,0	4,5	0,8	1,8	69,9
В II полугодии 1932 г.	16,1	5,9	1,7	1,8	74,5
В среднем за 2 года . . .	17,7	4,2	1,2	1,9	75,0

[38] Учетно-информационный отдел Президиума ВЦИК, Частичные перевыборы сельсоветов в 1933 г., с. 12.

[39] Материалы об отчетно-довыборной кампании советов Сталинградского края (предварительные итоги), февраль—март 1934 г.

Как видно из этой таблицы, в горсоветах, в отличие от сельсоветов, $^3/_4$ случаев отзыва и выбытия падает на так называемые „прочие причины", т. е.—в основном—на переезд в другую местность, болезнь, смерть и т. д.

Таким образом можно признать, что из общего числа выбывших депутатов горсоветов лишь $^1/_4$ выбыла по отзыву. На протяжении 2 лет среди мотивов отзыва первое место занимает „бездеятельность", второе — „неработоспособность", третье—„искривление классовой линии" и четвертое—„злоупотребление властью". При этом первые два мотива обнаруживают тенденцию на усиление; роль третьего мотива несколько ослабляется, а четвертый мотив показывает стабильность.

Не останавливаясь на отдельных примерах отзыва, подтверждающих выводы статистики, и не имея возможности рассмотреть сведения об отзыве за 1933 г. [40], перейдем к рассмотрению материалов отзыва депутатов за 1 полугодие 1934 г.

За этот период удалось собрать сведения по наибольшему числу горсоветов (в 1931—1932 гг. в сводку попадало 300—400 горсоветов, а на 1/VII 1934 г. попало 500). Из 500 городских (и поселковых) советов РСФСР (по 14 краям, областям и по 7 автономиям) было отозвано и выбыло за $^1/_2$ г. 9 295 депутатов. Из них за искривление классовой линии 191 чел. (2,1%), за систематическое невыполнение депутатских обязанностей—1 734 чел. (18,6%) и по прочим причинам 7 370 чел. (79,3%) [41]. Иначе говоря, данные 1934 г. обнаруживают те же тенденции, которые были отмечены выше по материалам 1931—1932 гг.

IV

Подведем итоги.

Право советских избирателей „во всякое время" отозвать своих депутатов особенно широко стало осуществляться в период развернутого социалистического наступления по всему фронту. За 1931—1933 гг. и первое полугодие 1934 г. советские избиратели отозвали из горсоветов около 18% депутатского состава и из сельсоветов—более 37%. Если учесть при этом, что наряду с отзывом происходило механическое выбытие депутатов (по болезни, вследствие переезда в другую местность и т. д.), и если принять во внимание, что на место выбывших и отозванных в большинстве случаев довыбирались новые депутаты [42], то нужно будет признать, что в течение 1931—1934 гг.

[40] В отчетах за 1 полугодие 1933 г. был показан отзыв депутатов за предшествовавшие 2 года и за отчетное полугодие вместе. Выделить из этих общих цифр число отозванных в 1 полугодии 1933 г. оказалось невозможным.

[41] Учетно-инф. отдел ВЦИК. Статистический бюллетень № 11, 1934 г.

[42] По данным статистической отчетности за 1 полугодие 1934 г., относящимся к 25,5 тыс. сельсоветов, на 72 тыс. отозванных депутатов было доизбрано 70 тыс. новых депутатов. По тем же данным, относящимся к 500 горсоветам, вместо 9 295 отозванных было доизбрано 8 077 чел.

депутатский состав сельсоветов обновился не менее чем на половину, а депутатский состав горсоветов почти на $^3/_4$.

Рядом с этими цифрами просто смешными кажутся утверждения закордонных „специалистов“ по современному государственному устройству о том, что „право отзыва из советов имеет только декларативный характер“ [43] и „никакого практического применения не имеет“ [44].

Пользуясь на деле и „во всякое время“ правом отзыва, советские избиратели, руководимые коммунистической партией, изгнали из советов не одну тысячу классово-чуждых элементов, обманным путем получивших мандат, и несколько сот тысяч „депутатов“, не желавших нести „своей доли тягот по управлению государством“ [45]. Пользуясь тем же правом, советские избиратели систематически пополняли советы лучшими активистами, ударниками из рабочих и колхозников.

Право отзыва являлось и является на деле могучим средством для непрерывного улучшения состава советов, для усиления их работоспособности, для поднятия их роли как проводников генеральной линии партии.

---

[43] Mirkine-Guetzevitch B., La théorie générale de l'Etat soviétique p. 53.
[44] Dr. Karl Braunias, Das parlamentarishe Wahlrecht.
[45] Ленин, т. XXII, с. 373. Сравни там же, с. 465.

Я. КАУФМАН

ЗАРУБЕЖНЫЕ ОТКЛИКИ НА РЕШЕНИЯ VII СЪЕЗДА СОВЕТОВ СССР

I

Постановления февральского пленума ЦК партии и VII съезда советов Союза ССР о внесении некоторых изменений в советскую конституцию открывают новый этап в развитии пролетарского советского демократизма. Неудивительно поэтому, что эти решения нашли большой отклик не только у нас в СССР, но и за рубежом нашего Советского союза.

Заграничная пресса, газеты различных стран и различных политических направлений посвятили этому вопросу ряд телеграмм, сообщений, заметок и статей. Ознакомление с этим материалом, обзор, освещение и анализ его представляют для нас известный интерес.

Тов. Молотов в своем докладе на VII съезде советов Союза ССР об изменениях в советской конституции, сопоставляя пути развития буржуазных стран и Советского союза, говорил, что из этих изменений в нашей конституции будут сделаны выводы как нашими врагами, так и нашими друзьями, что в стане буржуазии раздадутся не только злобные пророчества, но и голоса удивления перед смелостью нашей партии, развертывающей знамя пролетарского демократизма до конца, что в лагере наших друзей мы увидим прилив новой энергии и веры в дело коммунизма. Далее т. Молотов в том же докладе сказал: „Что бы ни говорили про Советский союз его классовые враги,—и в малом и в большом, и в отдельных государственных реформах, и в предполагаемом сейчас изменении избирательной системы виден рост сил пролетарского государства и его уверенность в победе“ [1].

Отклики зарубежной печати на постановление VII съезда советов полностью подтверждают правильность заявления т. Молотова. На страницах зарубежных газет, при освещении ими вопроса об изменении советской конституции, мы встречаем и голоса удивления, и злобные пророчества, и вынужденную констатацию непобедимости советского строя, с одной стороны; в лагере трудящихся мы видим прилив новой энергии и веры в дело коммунизма—с другой стороны.

[1] Молотов, Об изменениях в советской конституции, 1935, с. 28.

Такие разнохарактерные оценки смысла и значения намеченных изменений советской конституции вполне естественны. Иначе и не может быть, ибо мир, лежащий за рубежом СССР и находящийся под господством капитализма, включает в себя два непримиримых лагеря: капиталистов-эксплоататоров и многомиллионные массы трудящихся, эксплоатируемых. Если для первых СССР является государством чужим и чуждым, но с которым приходится чем дальше тем больше считаться как с непреложным фактом и важным фактором в международных отношениях, то для другого лагеря—для трудящихся капиталистических стран—Советский союз—не чужое государство, а страна, где реализуются их стремления и конечные цели их борьбы, которая указывает им путь к победе.

Существование СССР, успехи в деле социалистического строительства, победы Советского союза являются решающим фактором в борьбе международного пролетариата, и поэтому всякое мероприятие партии и советского правительства, направленное к укреплению пролетарского государства и к развертыванию социалистического строительства, находит горячий сочувственный отклик среди трудящихся всего мира.

Но и в лагере капиталистов мы не находим единодушия в оценке политики советского государства и отдельных его мероприятий. Это находит свое отражение в откликах буржуазной прессы на постановления VII съезда советов.

Как бы буржуазная печать ни относилась к факту изменения избирательной системы и советской конституции, она вынуждена констатировать один упрямый факт, а именно, что изменения советской конституции являются выражением силы, крепости и роста пролетарского государства. В буржуазных странах в послевоенный период, в период всеобщего кризиса капитализма, вопрос об изменениях конституции не сходит с повестки дня. В ряде государств старые конституции, выражавшие то соотношение классовых сил, при котором буржуазия чувствовала себя более крепкой и уверенной, заменяются новыми конституциями—фашистского или полуфашистского типа.

В большинстве стран господствующий класс осуществляет свое господство и организованное насилие над трудящимися массами, формально опираясь на действующие неизмененные конституции. Буржуазии при смене методов своего господства незачем прибегать к радикальному изменению своих писанных конституций, хотя бы потому, что все буржуазные конституции, когда и где бы они ни составлялись, имеют одну общую неизменную основу: господство, охрану и защиту частной собственности, сохранение и охрану капиталистической эксплоатации; буржуазия имеет возможность поэтому осуществлять свою политику в рамках местами устаревшей конституции, обходя или нарушая отдельные ее положения, но оставляя в неизменности ее сущность.

Германские фашисты, как известно, своей конституции, выраженной в едином законодательном акте, еще не составили.

Веймарская конституция фактически уничтожена, хотя фашистские законы иногда содержат формальные отсылки к этой конституции. Но было бы ошибочно утверждать, что вся идеология национал-социализма находится в непримиримом противоречии с принципами Веймарской конституции. Фашизм не появляется случайно, неожиданно. Он вырастает из буржуазной демократии, подготовляется ею и приходит к власти, если рабочий класс своими революционными действиями, своей классово-последовательной революционной борьбой не предотвращает и не пресекает процесса фашизации; эта борьба включает, как обязательное условие, необходимость создания единого фронта трудящихся и организации борьбы за сохранение и расширение завоеванных пролетариатом буржуазно-демократических свобод.

Веймарская конституция, созданная в результате преданной вождями социал-демократии пролетарской революции 1918 г., с самого начала содержала такие положения, которые фашисты в настоящее время используют в своей социальной демагогии и кладут в основу своих „теорий".

Вспомним ст. 153 Веймарской конституции о том, что „собственность обязывает", что пользование ею должно быть „служением общему благу". Это демагогическое положение, которое с.-д. вожди превозносили как высшее выражение демократии, когда право собственности якобы перестает быть абсолютным, неограниченным правом и орудием эксплоатации и угнетения, когда оно становится социальной функцией и служит на благо и пользу общества, всего народа,—разве это положение не воспринято фашистами и не возведено ими в „принцип", в орудие бесшабашной демагогии и небывалого обмана масс?

В Польше недавно введена в действие новая конституция, которая юридически оформляет господствующий в ней фашистский режим. Если раньше буржуазия формально провозглашала в своих конституциях ответственность органов власти перед народом, то теперь в конституции устанавливается, что в „особе президента сосредоточивается единая и неделимая государственная власть" (§ 2), что „председатель совета министров и министры политически ответственны перед президентом республики" (§ 28). А перед кем ответственен президент? На это дается ответ в § 2 конституции: он ответственен „перед богом и историей".

Правительство США, выполняя волю и задание финансового капитала, проводит ряд мер, направленных к угнетению трудящихся масс и к их эксплоатации. Эти меры иногда на первый взгляд могут казаться формально противоречащими американской конституции. Не исключена возможность, что эти меры будут объявлены неконституционными, будут отменены или за-

менены другими мерами, которые будут признаны „конституционными“ и более соответствующими букве конституции, но от этого суть дела не изменится. Президент США Рузвельт, говоря о проводимых им мероприятиях, заявляет: „Мы создали новый порядок, но идем к нашей цели в рамках и в духе конституции“.

Характерно, что наиболее реакционные круги американского финансового капитала, которые недовольны политикой Рузвельта и по существу стремятся к тому, чтобы еще сильнее зажать трудящихся в тиски капитала, демагогически кричат о необходимости защиты демократических прав граждан и „республиканских традиций“ американской конституции, призывают к соблюдению конституции и к ее охране от „посягательств“ Рузвельта, выступая в роли блюстителей „буквы и духа“ конституции.

Во всякой буржуазной конституции заложены и скрываются всякие формальные и фактические поводы, дающие основание для ее нарушения, обхода и попирания без видимого противоречия духу конституции. „Каждый параграф конституции,— говорил Маркс о буржуазных конституциях,—содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу—в общей фразе, упразднение свободы—в оговорке“[1]. В буржуазных странах конституции могут меняться, в них вносятся изменения и дополнения, или они остаются без изменений, но явно попираются и нарушаются, и всегда в одном направлении, в направлении все большего и большего отстранения масс населения от управления, в направлении усиления гнета и эксплоатации. Но все эти „конституционные“ и „неконституционные“ акты свидетельствуют отнюдь не об укреплении буржуазии и ее политического строя, наоборот, они являются выражением ее слабости, заставляющей ее бешено метаться и мобилизовать все силы и средства для удержания своего господства.

II

В свете этих явлений изменения советской конституции приобретают огромное международное значение. Они прежде всего свидетельствуют о росте, усилении и крепости Советского союза. Это вынуждена констатировать и буржуазная печать.

Даже „Таймс“, как известно, не отличающийся особым советофильством, писал в сообщении о принятых VII съездом советов решениях, что изменения в советскую конституцию вносятся в результате укрепления позиции СССР как внутри страны, так и в области внешней политики.

„Лидове новины“ (4/IV), орган клерикальной партии в Чехословакии, пишет: „Русский великан стоит на стальных ногах. Советский союз стал теперь сильнее, чем раньше“.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, т. VIII, с. 335.

„Ческе слово" (7/II) указывает, что решения съезда имеют чрезвычайно важное значение как доказательство абсолютной устойчивости советского строя. Газета „Репюблик" пишет, что изменения в советской конституции „стали возможны благодаря тому, что в Советском союзе все больше исчезают с общественной сцены остатки старых привилегированных классов".

Американский либеральный журнал „Нейшен" пишет: „Потрясающие успехи советской с.-х. программы сделали возможным изменение конституции. Отмена неравных выборов и другие изменения означают, что противодействие коммунистическому режиму стало совершенно ничтожным. Это означает, что успехи коллективизации превратили крестьян из мелкобуржуазных индивидуалистов в активных членов нового общества".

В буржуазной печати отмечаются два момента, обусловливающие изменения советской конституции: во-первых, что эти изменения являются свидетельством и результатом укрепления пролетарского государства и, во-вторых, что они направлены к дальнейшему укреплению союза рабочего класса и крестьянства на базе социалистической индустрии и коллективизированного сельского хозяйства.

Говоря об отмене не вполне равных выборов, „Кессингс архив фюр гегенварт" видит обоснование отмены этого неравенства в том, что „переделка деревни зашла так далеко, что политический перевес города, находивший свое выражение в особой норме выборов для городского населения, больше не оправдывается".

„Линцер фольксблат" в передовой статье, посвященной VII съезду советов, пишет: „Можно сказать, что в рабоче-крестьянской стране крестьяне благодаря коллективизации уравнены с рабочими".

Швейцарская „Националь цейтунг" отмечает, что „внимание к живому человеку, особенно к крестьянину, в результате изменения конституции, а также к Красной армии наряду с огромными успехами военной техники значительно укрепит обороноспособность Советского союза".

Наряду с такими отзывами мы встречаем и отъявленные глупости, которые преподносятся часто буржуазной печатью, в особенности фашистской, когда она освещает социально-экономические процессы в нашем Советском союзе. Так например, фашистские газеты коллективизацию сельского хозяйства рассматривают как процесс пролетаризации, как политику лишения крестьян собственности. „Берлинер тагеблат" (7/II) свое сообщение о съезде советов так и озаглавил: „Нет больше частной собственности".

Фашистская „национал-социалистская" печать предпочитает и вовсе обходить во многих случаях постановление VII съезда советов молчанием. Это молчание однако само по себе красноречиво и многоговоряще. Сообщать о том, что в СССР изменяется конституция в сторону еще большего развертывания

демократизма, пролетарского советского демократизма, в то время как в Германии уничтожены остатки элементарных прав и свобод,—сообщать об этом означало бы объективно допустить разоблачение фашизма, допустить антифашистскую пропаганду. Поэтому фашистская печать в тех случаях, когда она сообщает о постановлениях VII съезда, пытается прикрыть свое бешенство иронией, ставя после слов о демократизации вопросительные и восклицательные знаки.

„Кельнише цейтунг", „разоблачая" советский демократизм, обращает внимание своих читателей на то, что предложение об изменении советской конституции было внесено Молотовым не от своего имени, не от имени правительства, а от имени и по поручению пленума ЦК партии. „Этот факт,—говорит газета,—характеризует отношения власти и приказа в СССР. Компартия приказала изменить конституцию, Молотов внес предложение, и съезд советов приказ выполняет".

Если, оставив в стороне эти бессмысленные и бессильные проявления фашистского бешенства и тупоумия, мы обратимся к подавляющему большинству буржуазных газет, то мы увидим, что буржуазная печать вынуждена отметить всю важность решений VII съезда советов. Упомянутая выше газета „Лидове новины" пишет: „Решения съезда советов имеют поистине историческое значение. Следует особенно подчеркнуть, что успехи Советского союза и эти изменения происходят в то время, когда в Западной Европе проявляются фашистские стремления".

Газета „Роботник" (10/II) пишет: „Авторы новой конституции (в Польше) оправдывают ее тем, что Польша и на востоке и на западе окружена диктатурами и что поэтому ей самой нужна диктатура. Теперь они попадают в довольно комическое положение: в России диктатура имеет опору в более широких массах, чем это было до сих пор. У нас же (т. е. в Польше) она все дальше отодвигается от этих масс и все больше отстраняет их от участия в общественной жизни".

Газета „Прагер прессе" (19/II) пишет: „Пример одной шестой части земного шара окажет такое влияние, которое выйдет за пределы Советского союза".

В результате изменения конституции, пишет эта газета, „различие между индустриальным рабочим и крестьянином еще больше стирается", и в отношении устранения неравенства между городом и деревней, рабочим и крестьянином „будет сделан дальнейший шаг вперед".

„Манчестер гардиен" (6/II) также подчеркивает международное значение изменения советской конституции, указывая, что они являются „источником надежд для всего мира".

Значительные круги населения капиталистических стран не могут не оценить надлежащим образом тот факт, что расширение советской демократии провозглашается и неуклонно проводится

в то время, как в ряде стран свирепствует бешеная реакция, передовая капиталистическая страна—Германия уже третий год находится под пятой оголтелой банды террористов, ввергших страну в состояние средневекового варварства, одичания и бесправия.

Знамя советского пролетарского демократизма в настоящее время особенно выделяется и возвышается во всем мире как знамя подлинной народной свободы, народной демократии, привлекая внимание и симпатии широких масс капиталистических стран.

III

Но из вынужденного в лагере буржуазии признания всех этих фактов—крепости, силы Советского союза и неуклонного движения вперед—отнюдь не следует конечно делать вывод, что буржуазия с этим хочет и может мириться. Часть буржуазной печати пытается давать прогнозы, отыскивать в развертывании советской демократии непримиримые противоречия, непреодолимые трудности, тешит себя надеждами на возврат СССР к капитализму и т. д.

Журнал „Нейшен" по этому поводу пишет, что „пересмотр советской конституции в сторону ее большей демократизации будет приветствоваться врагами советской системы как лишнее доказательство сдвига Советской России вправо", что „десятки авторов передовиц прервут на время свои клеветнические выдумки о советском терроризме и коммунистической опасности в нашей стране (т. е. в США), чтобы торжественно указать на наличие в советской политике тенденции к скорому возврату к капитализму". Но, добавляет газета, враги советской системы, приводя это соображение, упускают из виду одно чрезвычайно важное обстоятельство, а именно, что „изменения конституции стали возможны благодаря необычайно успешному осуществлению советской программы, что устранение неравенства в представительстве от города и деревни, замена косвенных выборов прямыми и введение открытого голосования означают превращение крестьянства (составляющего 75% всего населения СССР) в результате процесса коллективизации из мелкобуржуазных индивидуалистов в активных участников социалистического строительства".

Тов. Молотов в своем отчетном докладе на VII съезде советов о работе правительства говорил, что „противники советской власти из буржуазной и меньшевистской социалистической печати нередко еще говорят: „Нет, Советский союз не страна социализма, а нечто совсем другое", и что „в утешение себе они повторяют... выдумки, в которые они не верят сами". Тов. Молотов высказал предположение, что „должно быть господа капиталисты скоро погонят прочь из своей печати всех этих болтунов, как слишком глупых клеветников на социализм" [4].

[4] Молотов, Отчетный доклад о работе правительства VII съезду СССР, 1935, с. 56.

Эта порода глупых клеветников и пророков еще не вывелась. Они выступают на страницах некоторых газет. „Газета Польска“ (13/II) например пишет: „Избирательная реформа отражает не только успехи на фронте индустриализации, коллективизации и уничтожения кулачества, но представляет собой ярчайшее проявление эмансипации крестьянских масс“. Эта эмансипация, благосклонно замечает газета, составляет исключительную заслугу советского строя, но, добавляет она, здесь-то и скрывается опасность для советской системы, ибо, видите ли, „повышение политического и культурного уровня крестьянства может оказаться обоюдоострым оружием, так как сознательная и грамотная деревня имеет возможность все с большим успехом защищать свои классовые интересы, которые до сих пор находились в коллизии с интересами диктатуры пролетариата“.

Однако,—может сказать читатель,—допустим, что раньше, выражаясь стилем газеты, классовые интересы индивидуального крестьянства находились в коллизии с интересами диктатуры пролетариата, но теперь ведь положение крестьянства иное? Может быть, опасность уже миновала? Нет, отвечает газета, „проведение новых реформ в избирательной системе натолкнется на многочисленные психологические препятствия, вытекающие впрочем не из духа советского строя, а из мрачных традиций русского государства, традиций, насчитывающих почти тысячелетнюю давность“.

Полемизировать с этой газетой явно бесполезно и бесцельно ибо она, как видите, заговорила глубокомысленным и прямотаки наводящим ужас языком оракула [5].

Несколько слов надо сказать о с.-д. прессе. Вожди с.-д., эти трубадуры „чистой“ демократии, прибегают к жульническому маневру, пытаясь спекульнуть на решениях съезда советов, чтобы поднять свои сильно упавшие акции и внести смятение в ту часть рабочего класса, которая пока еще находится под влиянием с.-д. идеологии. Эти обанкротившиеся вожди с.-д. стараются представить дело таким образом, что они, дескать, в борьбе за демократию были правы и что эту правоту признают русские большевики, принимая сейчас решение об изменениях конституции. „Принципы формальной демократии,—пишет небезызвестный Дан в „Ле пёпль“ (19)II),—столько раз заклейменные большевиками как дьявольское измышление социал-предателей, отныне реабилитированы. Теперь их провозглашают даже как высшее завершение советской системы“.

---

[5] Автором этой статьи является бывший московский корреспондент газеты Ян Берсон (Отмар), который специализировался последнее время на распространении хулиганских „острот“ и идиотских злостно клеветнических сообщений о СССР. За политическое хулиганство, выразившееся в допущении беспримерной по своей наглости оскорбительной выходки по адресу Советского союза, Отмар выслан из пределов СССР.

„Нейер Форвертс" (24/II) пишет: „Решения съезда означают огромную победу идеологии демократического социализма, против которой ожесточенно боролись коммунисты всех стран". Они означают, что теперь в вопросе о демократии разногласия между с.-д. и коммунистами в значительной мере сняты и что „споры между демократическим и диктаторским социализмом могут вестись на другой основе".

Пытаясь сохранить „веселую мину в плохой игре", лидеры с.-д. сами не верят в то, что они говорят и пишут: ибо, если бы дело обстояло так, как они говорят, то им следовало бы только радоваться. А между тем орган ППС „Роботник" уныло заявляет: „Реформа избирательной системы в СССР сводится к известной демократизации советского строя,—но в пределах большевистской диктатуры. Но в то же время эта реформа ни с какой стороны не нарушает и не уничтожает этой диктатуры".

Именно так. Изменения советской конституции, дальнейшее развертывание советской пролетарской демократии проводятся и будут проводиться на основе диктатуры пролетариата, советского строя.

Более прямодушно и бесхитростно ставит в данном случае вопрос польская буржуазная газета „Газета польска", которая заявляет, что „реформа, судя по коммунистической печати, ни в коей мере не означает ослабления диктатуры пролетариата, а наоборот ее укрепление. Премьер Молотов заявил кроме того совершенно определенно,—напоминает газета,—что рабочий класс должен сохранить руководящую роль в социалистическом государстве".

Яркий образчик цинизма дает известная своим „свободолюбием" газета „Пестер Ллойд" (официозный орган прославленной своим демократизмом... современной Венгрии!), которая выступает в качестве эксперта по вопросу о... демократии и разъяснет, что „всеобщее избирательное право не означает еще демократии, что к демократии относится не только свобода голосования, но также свобода политической борьбы". Что значит свобода политической борьбы в понимании этой газеты—объяснять не приходится. Достаточно указать, что эта газета, так же как и ряд с.-д. газет, выражает свое сочувствие контрреволюционным террористам, восхваляет убийцу т. Кирова, вдохновителей и организаторов террористических актов, Зиновьева и Каменева, которых, видите ли, не подвергли бы преследованиям, если бы в СССР существовала „свобода политической борьбы".

IV

Французские писатели Жан-Ришар Блок и Поль Низан, высказываясь о советской конституции, хорошо отметили и оттенили всемирно-историческое значение постановлений VII съезда советов. Их мнение заслуживает особенного внимания, как выраже-

ние мнений и настроений широких кругов интеллигенции, стоящей и становящейся на сторону революционного пролетариата.

„Народы Запада и Дальнего Востока,— говорит Ж. Р. Блок,— ведут трагическую борьбу, обороняя последние остатки уцелевших у них демократических свобод. От пышных зданий парламентаризма, созданых европейскими революциями прошлого века, остались только небольшие обломки. Мы защищаем эти обломки не потому, что они нам принципиально и романтически дороги, мы вынуждены за них цепляться и защищать их потому, что при нынешнем положении вещей они составляют единственную преграду против наступающего на нас фашизма.

В это самое время народы Советского Союза развертывают блестящие образцы все новых и новых форм социалистической демократии. Мы приветствуем с энтузиазмом и надеждой построение советской демократии, мы предвидим ее дальнейший расцвет на основе речей товарищей Сталина и Молотова, а также подготовляемых изменений советской конституции.

Это непрерывное развертывание советской демократии дает нам новые силы для нашей борьбы. Мы, революционеры Запада, побеждаем одновременно успехами и своими собственными и вашими. Каждая из ваших побед подготовляет и нашу победу [6].

Поль Низан говорит: „Мы приветствуем каждый шаг вперед, который делает советская демократия. Речь товарища Молотова на VII съезде советов и последняя речь товарища Сталина отозвались громким и широким эхом среди всех революционных антифашистских масс Запада.

В тот момент, когда в большинстве стран Европы фашизм похищает у трудящихся последние демократические свободы и права, в этот момент прообраз советской демократии остается единственной их надеждой. Мы уверены, что близок тот день, когда трудящиеся массы всех стран смогут на практике перенять образцы советской демократии и противопоставить их фашистскому разгулу бесправия [7].

„Кемпфер“ (орган швейцарской компартии) свое первое сообщение (16/II) о постановлении VII съезда советов озаглавил: „удар в сердце фашизма“, правильно указывая и разъясняя, что в постановлении VII съезда советов компартии получили острое оружие в своей агитационно-пропагандистской работе.

Постановление VII съезда советов сыграет значительную роль в революционной борьбе международного пролетариата против фашизма, в его борьбе за диктатуру пролетариата, являющуюся высшим типом демократии — демократией советской, социалистической, подлинно народной.

---

[6] „Правда“ от 6/IV 1935 г. № 184.
[7] „Правда“ № 184—1935 г.

Н. ЧЕЛЯПОВ

БУРЖУАЗНАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ

В своей работе „Пролетарская революция и ренегат Каутский" Ленин писал: „Буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению с средневековьем, всегда остается—и при капитализме не может не оставаться—узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплоатируемых, для бедных" [1].

Теоретическая платформа буржуазной демократии вырабатывалась идеологами революционного „третьего сословия" в XVIII столетии. Эта идеология выковывалась в борьбе с остатками феодализма, крепостническим сословным обществом и его политическим выражением—абсолютной монархией. Революционные идеологи крупной и мелкой буржуазии XVIII столетия (Ж. Ж. Руссо и другие представители школы естественного права) провозглашали, что источником и носителем власти в государстве является только сам народ (учение о народном суверенитете), что все люди должны быть равными по своему положению, что власть в государстве должна принадлежать народному представительству, что все люди обладают прирожденными правами, которых государство не может у них отнять. Они объявляли, что все существовавшие ранее законы и учреждения были неразумны и несправедливы. По их словам, только после победы буржуазии установится царство разума и справедливости.

Эти положения легли в основу целого ряда революционных деклараций XVIII столетия. Так например, „Декларация независимости", принятая Соединенными Штатами Северной Америки на конгрессе 1776 г., провозглашала: „Мы считаем самоочевидными следующие истины: что все люди сотворены равными, что они наделены своим творцом некоторыми неотъемлемыми правами, в числе которых жизнь, свобода и стремление к счастью" [2]. Но наиболее яркую формулировку эти лозунги

---

[1] Ленин, т. XXIII, с. 346.

[2] В. Н. Дурденевский, Иностранное конституционное право в избранных образцах, 1925, с. 164.

получили во французской „Декларации прав человека и гражданина 1789 г.“ Эта декларация утверждала, что люди рождаются и остаются свободными и равноправными, что основа всякого в. рховенства по самому своему существу покоится в народе, что закон есть выражение общей воли, что все граждане имеют право участвовать в образовании закона, что общество вправе требовать от всякого должностного лица отчета в его управлении, что никто не должен терпеть притеснения из-за своих убеждений и т. д.

Но действительность беспощадно опровергла все эти пышные декларации. По ядовитому замечанию Энгельса: „Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализов нным царством буржуазии; что вечная справедливость осуществилась в виде буржуазной юстиции; что естестве ное равенство ограничилось равенством граждан перед законом, а существеннейшим из прав человека было объявлено право буржуазной собственности. Разумное государство и „общественный договор“ Руссо оказались и могли оказаться на практике только буржуазной демократической республикой“ [3].

По мере того, как буржуазия, сделавшись господствующим классом, начала строить свои политические учреждения, действительность показала, что практика этих учреждений чрезвычайно далека от тех громко звучащих лозунгов, под знаменем которых буржуазия вела в бой со старым режимом пролетариат, крестьянство и мелкую городскую буржуазию.

Достаточно сказать, что авторы конституции США, заявлявшие о „самоочевидности“ той истины, что все люди сотворены равными, лишили избирательных прав „цветное“ население, т. е. негров и краснокожих. И пон добилось целое столетие для того, чтобы в порядке поправки к конституции была принята отмена этого положения и то лишь по существу формально. На деле же целый ряд других условий (так например цензграмотности и оседлости) и сейч с лишает избирательных прав это население. Точно также первая французская конституция 1791 г., принятая всего лишь через два года после знаменитой „Декларац и прав“, установила, как условия для обладания пассивным избирательным правом (право быть избранным в парламент), владение недвижимым имуществом или ква тирой довольно высокой цены. Права участия в выборах также лишались все лица, находящиеся в услужении. Эти постановления лишили избирательных прав почти все трудящееся население страны.

Недаром же бабувисты, эти подлинные представители революционных низов населения Парижа, объявили непримиримую и беспощадную борьбу „заговорщикам“. Именем „заговорщиков“ Бабеф, вождь этой плебейской революции, и его последо-

[3] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1934, с. 12.

ватели называли те классы, которые узурпировали у бедных все завоевания 1789—1793 гг., т. е. буржуазию.

Очень скоро после победы буржуазии над остатками феодализма начала линять и идеология буржуазной демократии. Выступивший на политическую арену пролетариат вкладывал свое содержание в лозунги свободы и равенства. Под именем свободы он понимал освобождение трудящихся от всякого политического и экономического гнета, под именем равенства—упразднение фактических, классовых неравенств, т. е. уничтожение классов. Эти идеи нашли свое гениальное, основанное на глубочайшем научном изучении общества, оформление в великой теории пролетариата—марксизме-ленинизме.

Борясь со своим классовым врагом, который оказался гораздо более грозным и опасным, чем свергнутые феодалы, буржуазия начала перестраивать и свою идеологию старательно вытравляя из старых лозунгов все то, что хотя бы в малой степени могло напоминать революцию. Если раньше буржуазия заявляла, что всякая власть исходит только от народа и что все граждане имеют право участвовать в выработке закона, то уже в первой четверти XIX столетия один из теоретических вождей буржуазии, глава либеральной школы—Б. Констан—писал, что никогда и нигде все индивидуумы, проживающие на известной территории, не считались членами государства. Членом государства может быть только тот, кто обладает известной степенью просвещения и досугом для его приобретения. Досуг же обеспечивается только одной собственностью. Следовательно, делал вывод Констан, „только собственность делает людей способными осуществлять политические права“ [4].

Но все же лозунг народного верховенства, власти народа, выдвинутый буржуазными и мелкобуржуазными революционерами XVIII столетия как один из принципов нового политического строя, звучит для буржуазии теперь слишком революционно. В своем развитии и правильном истолковании он включает в себя гораздо больше того, что буржуазия может и хочет дать угнетенным классам. Те попытки ограничительного его толкования, которые мы видим в сочинениях Констана и других буржуазных теоретиков, не могут конечно звучать убедительно для пролетариата и идущего за ним крестьянства. Поэтому буржуазные теоретики стремятся заменить принцип народного суверенитета другими понятиями, которые бы лучше выполняли свое назначение обоснования власти буржуазии. С одной стороны, эти теоретики выдвигают понятие суверенитета государства. И так как они как буржуазные идеологи изображают по сути дела единственно правильной формой государства—государство буржуазии, то понятие государствен-

[4] „Principes de politique“ т. 1, с. 54.

ного суверенитета у них не может быть не чем иным, как только утверждением верховенства буржуазии.

С другой стороны, народному суверенитету они противопоставляют „национальный суверенитет", придавая этому последнему специфическое истолкование. Так например один из виднейших буржуазных государствоведов, откровенный защитник империалистического государства—М. Ориу— утверждает, что нацию не следует смешивать с народом. Народ, по утверждению Ориу, есть неорганическое понятие. Понятие народа есть возврат к орде, стаду, толпе. Нация же есть социальная группа в корпоративном смысле, т. е. организованный коллектив. Понятие нации, по Ориу, включает в себя социальную и политическую организацию, которая нераздельна от понятий правительства, правящих классов и „народного класса". Поэтому народный суверенитет есть господство неорганического целого, суверенитет толпы, который инстинктивно враждебен представительному правлению. Национальный же суверенитет есть господство организованного целого, т. е. понятие государственное. „Конечно,—пишет Ориу,—необходимо, чтобы демократия осуществилась, но необходимо также, чтобы она организовалась, т. е. чтобы она сочеталась с корпоративной организацией наций". Но „страна может хорошо управляться лишь избранным слоем, т. е. меньшинством" [5]. Для того же, чтобы можно было обеспечить правление этого избранного слоя, необходимо так организовать избирательное право, чтобы при помощи хорошо построенного аппарата отсортировывать надлежащих правителей. И Ориу довольно цинично заявляет, что „хороший аппарат всегда можно построить, всегда можно изобрести прибор для сортировки политических деятелей, так же как и для сортировки семян для посева" [6].

Фашизм многое заимствовал из этого учения для обоснования своих националистических теорий, теорий о господстве „элиты" (избранного меньшинства) и пр. Собственно говоря, Ориу вовсе не оригинален в своем противопоставлении нации, как органического понятия, народу, как понятию неорганическому. Корни этой теории восходят еще ко временам Фихте и исторической школы права. Но характерно то, что, стремясь освободиться от всех остатков давно прошедшей революционности, хотя бы даже только словесной, буржуазия в лице своих идеологов возвращается к тем позициям, которые когда-то выставлялись противниками ее теоретических взглядов, характерных для периода ее роста. Ревизия и опровержение взглядов школы естественного права, этой единственной школы, которую можно назвать революционной среди других течений буржуазной философии права, совершаются с большой настойчи-

[5] Ориу, Основы публичного права, 1929, с. 593—594, 591.
[6] Там же, с 592.

востью уже с середины XIX столетия. В XX же столетии буржуазные юристы и государствоведы стремятся разрушить идеологию этой школы до самого основания. Неприкосновенным конечно остается только одно положение этой школы, а именно—учение о частной собственности как основе общества и государства. Правда, вовсе не все представители школы естественного права считали неприкосновенность частной собственности краеугольным камнем всего общественного здания (например, Морелли и др.), но этих представителей школы буржуазные теоретики XIX и XX столетий просто обходят молчанием.

Если в период своей революционности буржуазия провозглашала естественные и неотчуждаемые права человека и гражданина, то в середине XIX столетия О. Конт, родоначальник буржуазной науки социологии, писал, что слово „право" как безнравственное и анархичное должно быть устранено из настоящего политического языка. „Каждый,—писал Конт,—имеет обязанности перед всеми, но никто не имеет прав как таковых... Иными словами, никто не обладает другим правом, кроме права всегда исполнять свой долг" [7].

Эту же мысль уже в XX столетии, незадолго до империалистической войны, обосновывает крупнейший французский юрист—проф. Дюги. По учению Дюги, ни человек, ни коллектив не имеют никаких прав, но всякий индивид должен выполнять в обществе известную функцию. И Дюги выдвигает так называемую теорию социальных функций, по которой собственность также является одной из социальных функций, а ее обладатель—простым выполнителем своей функции. Буржуазии уже нельзя ссылаться в ее борьбе с пролетариатом на „священное и неотъемлемое право частной собственности". И теоретики буржуазии создают теории, доказывающие, что буржуа владеет своею собственностью в интересах всего общества, выполняя некий общественный долг. Тот же Дюги выдвигает идею корпоративной организации государства, которую у него заимствует фашизм. Понятно, почему Муссолини относит Дюги к числу идейных отцов фашизма.

Подобным образом „теория" приходит на помощь классовой политике буржуазии, „научно" обосновывая политику угнетения и поставляя новые принципы для идеологической маскировки господства эксплоататоров. Эта работа идеологов буржуазии еще до империалистической войны подготовляла материал для теоретических положений фашизма. Фашизм, как в его итальянской, так и в германской формах, решительно отбрасывает и отрицает все те элементы буржуазно-демократической идеологии, которые ведут свое начало от периода направленных против феодализма и абсолютной монархии разрушительных тен-

[7] „Systeme de politique positive", т. 1, 1890, с. 361.

денций буржуазных теоретиков, но извлекает из этой идеологии все то, что носит противоположный, контрреволюционный характер.

Прослеживая далее практику строительства буржуазно-демократического государства и развитие его институтов, мы наблюдаем следующее, на первый взгляд парадоксальное, явление.

Чем дальше идет поступательное движение буржуазно-демократических форм, чем шире формально развертывается „демократизация" (например избирательного права), тем меньше демократизма оказывается в этих учреждениях, тем концентрированнее оказывается власть капитала. „Марксисты всегда говорили, что чем развитее, чем „чище" демократия, тем обнаженнее, резче, беспощаднее становится классовая борьба, тем „чище" выступает гнет капитала и диктатура буржуазии" [8].

Одним из наиболее ярких требований буржуазной демократии является требование всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Не следует думать, что под именем всеобщности буржуазные политики и теоретики понимают действительное распространение избирательных прав на все взрослое население государства. Дело обстоит значительно скромнее. Под этим именем понимается только отмена имущественного ценза. Конечно, отмена имущественного ценза очень расширяет круг лиц, наделяемых избирательным правом. Но, как показывает практика „всеобщего" избирательного права в буржуазных странах, со „всеобщностью" прекрасно мирится лишение избирательных прав женщин (Франция), туземных жителей колоний (та же Франция, отчасти Англия). На помощь отменяемому имущественному цензу приходят: ценз оседлости, лишающий избирательных прав тех, кто в поисках заработка вынужден более или менее часто менять места своего жительства (сезонные рабочие и т. п.); ценз грамотности, лишающий например в США значительную часть негров права участвовать в выборах; ценз гражданства, не допускающий до выборов иностранцев и „цветное" население колоний.

Что касается прямоты выборов, то в той же Франции в первой из европейских стран, где были провозглашены начала всеобщего избирательного права, верхняя палата парламента—сенат—до сих пор избирается при помощи косвенных выборов, двухстепенным и даже трехстепенным голосованием.

Под равенством избирательного права разумеется, во-первых, требование, чтобы ни один избиратель не обладал более чем одним избирательным голосом и, во-вторых, чтобы избирательные единицы были равны. Что касается первого требования, то неравенство избирательных прав, в виде обладания одним изби-

[8] Ленин, т. XXIV, с. 10.

рателем только одним голосом, осуществляется более или менее полно (за небольшими исключениями) в буржуазных государствах лишь после империалистической войны под напором пролетариата и крестьянства.

Неравенство же, заключающееся в системе неравных по количеству населения избирателей единиц, в настоящее время очень частое явление в буржуазных странах. Например, во Франции при ее системе территориальных избирательных округов, из которых каждый должен избрать одного депутата, „избирательная география" расчленяет территорию государства на такие единицы, где в одних случаях депутат приходится на несколько тысяч избирателей, а в других—на несколько десятков тысяч. При помощи таких ухищрений избранный парламент является представительством не только ничтожного меньшинства населения, но и меньшинства самого избирательного корпуса, как об этом говорят даже многие буржуазные исследователи. Французский государствовед Лашапель высчитал, что например во Франции, начиная с 1880 г., парламент всегда представлял не более 43—45% избирателей.

Еще в 1888 г. П. Лафарг писал: „Парламентаризм есть такая правительственная система, при которой у народа является иллюзия, будто он сам управляет делами страны, тогда как в действительности фактическая власть сосредоточивается при этом в руках буржуазии, и даже не всей буржуазии, а лишь некоторых слоев этого класса... В буржуазном обществе чем значительнее становится масса общественного богатства, тем меньшим и меньшим числом личностей она присваивается; то же происходит и с властью: по мере того, как растет масса граждан, обладающих политическими правами, и увеличивается число избираемых правителей, действительная власть сосредоточивается и становится монополией все меньшей и меньшей группы личностей. В капиталистических странах, достигших высокой степени развития, каковы Англия, Франция и Соединенные Штаты, государственная власть находится в руках финансистов, хотя избирательные права очень широки, а в двух из названных стран существует даже всеобщая подача голосов" [9].

Это „народное представительство" к тому же целым рядом постановлений отгорожено от масс, от своих избирателей.

Еще французское Национальное собрание заявило, что каждый депутат является представителем всей нации в целом и что поэтому он не может нести никакой ответственности перед своими избирателями. И до настоящего времени буржуазные конституции старательно оговаривают, что депутат не может быть связан никаким наказом или инструкцией со стороны своих избирателей, что избиратели не могут требовать

[9] П. Лафарг, т. 1, 1925, с. 88—89.

от своего депутата никакого отчета и контролировать его. Чувствуя себя совершенно свободными от контроля своих избирателей, эти „народные представители" целиком погружаются в сферу парламентских интриг, закулисных влияний могущественных банков и биржи, воздействий министерств, карьерных замыслов и пр.

Но если депутат парламента не подлежит по закону политическому контролю со стороны своих избирателей, то это не значит, что он фактически не зависит от них и что избиратели ничего не могут требовать от своего депутата. Но эта зависимость, которая например во Франции очень отчетливо дает себя знать, проявляется в том, что депутат часто превращается в комиссионера по личным и семейным делам своих избирателей. Буржуазный наблюдатель парламентских нравов во Франции—Э. Шерер, сам политический деятель, пишет: „Избиратели требуют от своих депутатов не только должностей сидельцев в табачных лавочках или доставки кормилиц, они превращают их решительно в комиссионеров, они загружают их своими покупками" [10].

Это было написано в 1884 г., но по свидетельствам новейших наблюдателей во Франции дело обстоит все так же. При этом совершенно ясно, что подобного рода зависимость существует и может существовать только лишь по отношению к богатым и влиятельным избирателям, т. е. только к представителям крупной буржуазии.

В эпоху империализма парламент попадает в зависимость от монополистических объединений (трестов, банковских концернов, синдикатов). Эти гигантские хищники во время избирательных кампаний тратят огромные деньги на подкупы избирателей для того, чтобы провести своих кандидатов. Они содержат на жаловании целые группы парламентариев. В виду того, что уже до империалистической войны установился такой порядок прохождения законопроектов через парламент, при котором фактическое значение в деле обсуждения и принятия закона имеет не пленарное заседание палаты, а особые комиссии и комитеты этих палат, создаваемые по отдельным отраслям управления, тресты и банки естественно проявляют особенный интерес к составу и работе именно этих комиссий и комитетов. В этих же последних особенное значение приобретает роль члена-докладчика. Член-докладчик комитета является по сути дела именно той инстанцией, от которой зависит принятие или отклонение интересующего капиталистическое объединение законопроекта. Поэтому, как пишет Ф. Делези: „...всякая крупная компания имеет в парламенте одного или многих своих представителей. Все ее усилия направлены к тому, чтобы провести одного из них в члены-докладчики комиссии по инте-

[10] „La democratie et la France".

ресующему ее законопроекту... Хороший докладчик стоит золотых россыпей" [11].

Интересы монополистического капитала требуют от государственного аппарата согласованных, быстрых и решительных действий. К такого рода действиям неспособны многолюдные, разношерстные по своему социальному составу и слишком говорливые парламенты. Усиление борьбы с угнетенными классами и подавление этих последних требует сосредоточения власти в руках сравнительно немногочисленного, могущего действовать быстро и пользующегося доверием монополистических организаций кабинета министров.

Уже давно парламент потерял всякое фактическое значение в деле законодательства и управления. Он отчасти является машиной для голосования законопроектов, вносимых министерствами, а в значительно большей степени—способом для совершения депутатами карьеры—политической, адвокатской и всякой иной.

Законодательная работа главным образом идет внепарламентским путем, посредством постановлений и указов кабинета министров.

Буржуазная теория здесь, как и всегда, приходит на помощь буржуазной практике. Уже в середине XIX столетия Д. С. Милль, представитель и теоретик буржуазного либерализма в политической экономии, философии и политике, рассматривая вопрос о функциях парламента, писал, что парламент не призван, строго говоря, ни к законодательной, ни к административной деятельности. В своем сочинении „Представительное правление" он писал: „...многочисленные собрания так же мало способны к непосредственной законодательной деятельности, как и к административной" [12].

Особенно настойчиво он подчеркивает ту мысль, что парламент не способен управлять государством: „Настоящая задача законодательного собрания заключается не в управлении, к каковому оно совершенно не способно, но в наблюдении и контроле над правительством" [13].

Но и эта контрольная функция, которую подчеркивает Милль, несомненно чрезвычайно важная по своему политическому значению, в буржуазном государстве давно перестала быть функцией парламента. Если в XVIII столетии Делольм, говоря о всемогуществе английского парламента, заявлял, что он может все, кроме превращения женщины в мужчину и обратно, то в XX столетии едва ли какому-либо буржуазному государствоведу придет в голову утверждать что-либо подобное.

Парламент не является органом контроля над политикой кабинета министров, диктуемой трестами, банками и биржей. На

[11] Ф. Делези, Демократия и финансовая олигархия во Франции, 1921, с. 53
[12] Д. С. Милль, Представительное правление, 1907, с. 95.
[13] Там же, с 100.

этом фоне безмерно вырастает могущество кабинета министров, военных штабов, всякого рода канцелярий и чиновничества, являющихся верным орудием угнетения масс в руках империалистической буржуазии. Парламент также выполняет эту роль одурачивания широких трудящихся масс путем создания иллюзий их участия в законодательстве. „Настоящую „государственную" работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. В парламентах только болтают со специальной целью надувать „простонародье" [14].

Эти иллюзии уже исчезли у пролетариата и начинают исчезать и у мелкой буржуазии. Поэтому империалистические властители капиталистического мира все более вынуждены в период общего кризиса капитализма прибегать к методам оголенной диктатуры капитала.

Буржуазия всегда и во всех странах использовала две системы управления, два метода борьбы за свои интересы: „...во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ. Такова сущность консервативной политики, которая все больше перестает быть в Западной Европе политикой землевладельческих классов, все больше становится одной из разновидностей общебуржуазной политики. Второй метод—метод „либерализма", шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д." [15].

Эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются в различных сочетаниях. Период империализма, т. е. гниющего, умирающего капитализма, характеризуется в политической области именно поворотом в сторону реакции, насилия, отказа от либерального метода управления, со всякими „демократиями" и свободами. Наиболее полное выражение этот поворот от демократии к насилию мы имеем в фашизме, вырастающем из буржуазной демократии и являющемся только другой формой диктатуры буржуазии.

„Победу фашизма... нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и результат измен социал-демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму. Ее надо рассматривать так же, как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления" [16].

Правда, фашизм, будучи открытой террористической формой буржуазной диктатуры, все же нуждается в некоторых фиго-

---

[14] Ленин, т. XXI, с. 401.
[15] Ленин, т. XV, с. 7.
[16] Сталин. Отчетный доклад XVII партсъезду. Стеногр. отчет, 1934, с. 11.

вых листках, чтобы уже не слишком оголять своего лица. Поэтому, например, и фашистская Италия и национал-социалистская Германия сохраняют формально парламенты. Но, во-первых, эти парламенты собираются фашистским правительством лишь тогда, когда это ему угодно, а, во-вторых, эти парламенты организуются таким образом, чтобы они были только лишь послушным орудием в руках правительства, не могущим ни противоречить, ни даже вообще рассуждать. Ни о какой всеобщности избирательного права даже на словах не может быть и речи. И немецкие и итальянские фашисты отрицают за женщинами право участия в политической жизни. Национал - социалисты в Германии усиленно проповедуют теорию неравноправности рас и наций и лишают права участия в политической жизни все нации, которых они объявляют низшими (например, евреев).

Комплектование состава этих фашистских парламентов происходит фактически не путем выбора, а путем своего рода назначения.

Что касается верхних палат, то и по новой конституции фашистской Австрии и по недавно принятому закону в Польше верхние палаты в обоих этих государствах в части назначаются указом главы государства. По итальянскому закону 1928 г. о реформе политического представительства выборы представителей производятся таким образом, что их никак нельзя назвать выборами, а тем более применить к ним понятие всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. По этому закону дело происходит следующим образом. Прежде всего кандидатов могут предлагать различного рода учреждения, как например конфедерация синдикатов (т. е. фашистские профсоюзы). При этом предлагают кандидатов даже не все члены синдикатов (профсоюзов), а их генеральные или национальные советы. Право предложения кандидатов принадлежит также и другим учреждениям и ассоциациям, если только они признаны законом. Списки предлагаемых таким образом кандидатов представляются в Большой совет фашистской партии. Большой совет составляет список назначенных депутатов, как говорит закон, „выбирая их по своему усмотрению из общего числа кандидатов, а также вне его, если это требуется необходимостью". Следовательно Большой совет, строго говоря, не связан никакими списками и может назначать депутатов по своему усмотрению. Затем этот список назначенных депутатов предлагается на „одобрение избирательного корпуса". Голосование производится путем подачи билета с надписью: „утверждаете ли вы список депутатов, намеченных Большим советом фашизма?" Голосующий обязан только на этом билете сделать приписку—„да" или „нет". Никакого проявления инициативы и свободы в выборе кандидатов, в отводе одних и выставлении на их место других нет. При таких условиях его даже нельзя назвать избирателем, а самую процедуру комплектования парламента—выборами.

„Все усилия буржуазных правительств направлены на то, чтобы использовать аппарат государства для защиты этой собственности... Все „реформы" буржуазного государства, которыми так богат последний период, сводятся в конце концов к одному: к окончательному отстранению населения от влияния на государственный аппарат и к полному сращиванию государства с могущественными организациями монополистического капитала" [17].

Но, как правильно указывает тов. Молотов в том же докладе, по другому пути идет развитие нашего государства, государства диктатуры пролетариата. „Непобедимая сила принципов советского государства заключается в том, что оно развивается на основе все большего и все более всестороннего вовлечения масс в советское, социалистическое строительство" [18].

И постановление февральского пленума ЦК ВКП(б) и VII съезда советов о дальнейшем развертывании советской демократии представляет собой новый гигантский шаг в деле укрепления диктатуры пролетариата и развертывания советской демократии до конца.

---

[17] Молотов, Об изменениях в советской конституции, Партиздат ЦК ВКП(б) 1935, с. 36—37.

[18] Там же, с. 40.

Р. ВОЛЬСКИЙ

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И МЕХАНИЗМ ВЫБОРОВ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Одним из главнейших политических лозунгов буржуазной демократии, который выдвигался еще в XVII веке левеллерами в Англии, в конце XVIII в. во Франции и остро ставился в революциях 1848 г. во Франции, в Германии, в Австрии и т. д., было требование всеобщего избирательного права для всех граждан. Под этим лозунгом сражались на стороне буржуазии и рабочие, которые на своей спине перенесли всю тяжесть буржуазных революций. Однако, овладев государственной машиной, буржуазия отказывала рабочим в избирательном праве, предоставляя таковое лишь на основании имущественного ценза и в зависимости от высокого подоходного налога. Буржуазия была и по существу осталась до настоящего времени врагом всеобщего и равного избирательного права для рабочих и трудящихся деревни. Потребовались долгие годы тяжелой и упорной борьбы трудящихся масс против буржуазных правительств, сопровождаемой кровавыми столкновениями, генеральными стачками и политическими кампаниями, для того, чтобы сломить сопротивление правящих классов. Однако и обострение противоречий между отдельными фракциями буржуазии и между буржуазией отдельных стран способствовало нередко, на отдельных этапах, введению всеобщего избирательного права со стороны главенствующей на данном этапе буржуазной группировки, которая пыталась этим путем привлечь на свою сторону широкие массы, „весь народ". Это имело место во Франции в 1851 г. при перевороте Луи-Бонапарта, в Северо-германском союзе в 1869 г., т. е. накануне германско-французской войны, это имело отчасти место и в Австрии в 1907 г. под влиянием революции в России 1905 г. в напряженной предвоенной обстановке и т. д. В эпоху империализма, т. е. в период сильнейшего обострения классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, в моменты обострения громаднейших противоречий между отдельными империалистическими странами, в частности во время войны и после пролетарской революции в России в

1917 г., буржуазия всех стран все чаще и чаще уступала натиску рабочих и распространяла формальные избирательные права на широкие массы трудящихся для того, чтобы вовлечь таковые в русло своей захватнической политики и отвлечь их от революционной борьбы против капитализма. „Без выборов в наш век нельзя; без масс не обойтись, а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма нельзя вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещаниями направо и налево любых реформ и любых благ рабочим—лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии“ [1]. Однако, предоставляя формально равное и всеобщее избирательное право, монополистические акулы империализма, благодаря своей эко омической и политической силе, превращают в то же время выборы в чистейший фарс выявления воли народа, а парламенты—в собрания говорунов, исполняющих приказы и пожелания господствующих трестов.

Классовый характер избирательной системы. Избирательный закон является неотъемлемой частью основных законов государства и носит такой же классовый характер, как само государство и все его законодательство. Однако буржуазия, ее профессора и политики, с помощью социал-демократических лидеров, пытаются изобразить всеобщее избирательное право как особый, основной и решающий признак и мерило чистой демократии—демократии для всех граждан без различия классов, пола, наций, расы и т. д. Создана особая наука избирательного права как одного из средств образования органов государственной власти, и даже особая дисциплина техники проведения выборов, охватывающая массу приемов по определению лучшего помещения для выборов, лучшего образца бюллетеня, лучшего учета избирателей и подсчета голосов, использования счетных машин и т. д. Совершенно ясно, что и „техника“ выборов является неразрывной частью данной системы избирательного права, дополняющей, искажающей, а когда необходимо, то и отменяющей основные принципы такового для достижения цели главенствующей группы или фракции господствующего класса буржуазии. Об избирательном законе, который обычно является неотъемлемой частью конституции, можно сказать то, что Маркс говорил о самой конституции: „Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу—в общей фразе, упразднение свободы—в оговорке“ [2].

Рамки нашей статьи однако не позволяют нам даже в самом сжатом виде описать основные принципы и различия избира-

[1] Ленин, т. XIX, с. 311.
[2] Маркс, Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта, Партиздат, 1932, с. 21.

тельных систем капиталистических государств. Мы ограничимся поэтому изложением некоторых, главнейших вопросов „учения" и систем буржуазного избирательного права.

Теория избирательного права отражает, как и теория буржуазного государства, интересы буржуазии на каждом отдельном этапе ее развития и изменяется в соответствии с ее интересами и требованиями. До завоевания власти буржуазией, как и в первый период после победы, теория избирательного права носит почти исключительно индивидуалистический характер. Исходя из концепции естественного права (Локк, Руссо), что все люди рождаются свободными и равными, индивидуалистическая теория требовала предоставления всем гражданам избирательного права для выборов своих депутатов как представителей их воли и их интересов. На базе этой теории построены два основных направления, по которым шло дальнейшее развитие индивидуалистических концепций избирательного права: а) избирательное право является частным правом гражданина, так же святым и неприкосновенным, как и право частной собственности; б) избирательное право граждан имеет чисто публичный характер. Эта последняя концепция стала впоследствии исходным пунктом для создания тотальных теорий избирательного права, развитых особо широко в последнее время некоторыми фашистскими политиками и профессорами. Избирательное право перестало быть правом гражданина, оно становится функцией, выполняемой в интересах общества. „Выборы, как и ведение войны, являются коллективным действием: действие отдельного гражданина является публичной функцией" [3]. Эта концепция встречается в различных вариантах, особенно в учениях немецких государствоведов (Моль, Шефле, Еллинек, Мейер и др.); согласно этой теории (особенно Штир-Сомло, Шмидт) выборы являются лишь методом создания органа государства (парламента, ландтага, коммунального совета) в интересах государства. Поэтому выбирать—значит осуществлять право, полученное от государства. Эклектические теории французских государствоведов (Дюги, Ориу, Жиро) объединяют обе концепции, называя избирательное право одновременно индивидуальным правом и общественной функцией.

Таким образом с развитием капитализма до его высшей, монополистической стадии, с созданием крупных концернов, требующих подчинения всего государства своим монопольным интересам, с превращением либерального государства буржуазии в империалистическое государство идет, более или менее одновременно, и создание новых концепций избирательного права. Абстрагируясь от классовой сущности современного государства, все эти теории (как индивидуалистические, так и целостные) создают концепции всеобщего, равного избирательного

[3] Braunias, K. Das parlamentarische Wahlrecht, 2 Band., S. 6.

права для всех граждан, пытаясь скрыть фактическое экономическое неравенство, достигшее крупнейших размеров именно в современной стадии капитализма. Но, независимо от смены теорий избирательного права, практика избирательных кампаний в период империализма все более решительно идет по пути применения самых грубых средств давления на волю избирателя. Буржуазные правительства и буржуазные партии, наряду с обманом, все чаще и чаще прибегают к насилию, к угрозам, к грубой подтасовке и фальсификации. Фразы о народных, национальных или государственных правах должны скрывать от широких масс трудящихся тот факт, что понятие индивидуальных прав гражданина или избирателя стало чистейшей фикцией и что „выборы" являются фактически лишь утверждением кандидатов, предложенных им крупными трестами, банками и т. д. Преследуя жесточайшими мерами судебного, административного, полицейского и „частного" (отряды фашистов, гангстеров и т. д.) орядка оппозиционных кандидатов и избирателей революционных пролетарских партий или открыто аннулируя в фашистских странах мандаты (в Германии, Австрии, Латвии, Эстонии и т. д.) оппозиционных партий, буржуазное государство невольно вскрывает сущность избирательного „права" в капиталистическом государстве как средства подавления и обмана трудящихся масс.

Активное и пассивное избирательное право. Буржуазное всеобщее и равное избирательное право с тайной подачей голосов полно лазеек, оговорок, добавлений и ограничений, обеспечивающих буржуазии решительный перевес и на выборах и в парламенте. Всеобщее избирательное право, допускающее на одинаковых началах фабрикантов и рабочих, помещиков и батраков, кулаков и бедняков к голосованию, никогда не может быть равным, так как нет и не может быть равенства между эксплоатируемыми и эксплоататорами, в руках которых имеется и экономическое превосходство над трудящимися и гигантский аппарат лжи и обмана, массового надувательства и отупения рабочих и крестьян.

Использование избирательного права зависит во всех странах от внесения данного гражданина в списки избирателей, составляемые государственными органами. „Выборные мастера" некоторых стран заносят в списки десятки тысяч мертвых, несуществующих или давно уехавших для того, чтобы избирательное удостоверение этих „лиц" предоставлять для использования шайкам продажных лиц, голосующих за буржуазные партии; одновременно исключаются десятки тысяч „ненадежных" избирателей, от которых требуется добавочное представление всевозможных справок и удостоверений, получение которых связано с большой затратой денег и времени. Почти половина штатов США делает внесение в избирательный список зависимым от оплаты сбора в 2 доллара, после чего может конечно

последовать исключение из списка по другим „законным" причинам. Неудивительно, что громадная масса избирателей отказывается от оплаты сбора за избирательное право или же голосует за партию (конечно за партию крупного капитала), которая внесла за них эту сумму. В некоторых странах имеются и другие более „честные" методы нарушения принципа равенства избирательного права: в Англии примерно 500 тысяч избирателей буржуазного класса пользуются двумя голосами, так как они снимают квартиру в одном избирательном округе и владеют участком земли или предприятием (промышленным, банковским, торговым)—в другом, в котором они получают на этом основании второй голос, или же имеют ученую степень, за что также предоставляется право второго голоса. Избирательное право в английские коммуны более ограничено, чем в парламент, так как им могут пользоваться лишь лица, снимающие за плату собственную немеблированную квартиру (хотя бы одну комнату), вследствие чего квартиранты, домашние работницы и вообще прислуга лишены избирательных прав. Во Франции избирательное право предоставляется только мужчинам, проживающим в данной местности не менее 6 месяцев или имеющим юридическое местожительство в данной коммуне, т. е. обладающим там разного рода предприятиями и т. д. Таким образом от состоятельных слоев не требуется совершенно срока оседлости, между тем как остальные, т. е. в первую очередь сезонники и сельскохозяйственные рабочие, переезжающие часто с места на место, устраняются от выборов.

К этому необходимо добавить, что тайная подача голосов не гарантирует избирателей от нажима и проделок правительственных органов, так как „в деревенских коммунах мэр обычно в состоянии видеть, как голосует крестьянин, и последний в общем убежден, что священнику, школьному учителю и землевладельцу известно, за кого он голосовал" [4].

Помимо непосредственных ограничений и нарушений активного избирательного права в некоторых государствах существуют особые повышенные требования для лиц, могущих быть избранными. Эти требования касаются возраста, имущественного ценза, срока жительства и т. д. Благодаря этим ограничениям в депутаты попадают в подавляющем количестве лица, принадлежащие к классу буржуазии, или их служащие, адвокаты и т. п. К числу рогаток, преграждающих доступ в парламент представителям революционных рабочих, относится например английский закон, по которому кандидаты в парламент обязаны внести залог в 150 фунтов. Этот залог поступает в доход казны, если данный кандидат не был избран в парламент и не получил $^1/_8$ количества голосующих.

---

[4] Bryce, J. Modern Democracies 1923, Vol. I, p. 270.

В коммунальные советы Англии могут быть избраны лишь лица, обладающие недвижимым имуществом в данной местности.

„Справедливость" требует признать, что в некоторых странах, как например во Франции и др., имеются положения, лишающие пассивного избирательного права лиц, являющихся адвокатами, директорами или поверенными предприятий, получающих субвенции или заказы от государства и т. п. Однако ряд вскрытых крупных скандалов самого последнего времени (Устрик, Ставиский) доказывает, что эти статьи закона не имеют никакого практического значения, так как подавляющее количество депутатов связано прямо или косвенно с всевозможными предприятиями, не состоя официально на службе в этих акционерных обществах, компаниях и т. п.

Распространение избирательного права на широкие массы рабочих и вообще жителей индустриальных центров, более активных и политически развитых, чем население аграрных районов, заставляет буржуазию принимать всевозможные меры для мобилизации отсталых слоев избирателей в аграрных районах, в деревнях и мелких поселках. Поэтому реакционные, в первую очередь клерикальные партии в ряде стран добиваются установления обязательного (под угрозой штрафа) участия всех избирателей на выборах; буржуазные правительства вводят в ряде стран законы об обязательном участии в выборах, превращая таковые в государственную повинность на подобие военной повинности. В довоенное время такие законы были введены в Швейцарии, Бельгии, Австрии и Испании; после 1918 г. они установлены в Болгарии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, в некоторых районах (до прихода к власти фашистов) Германии и Австрии и т. д. Поэтому и участие в выборах в этих странах (или в соответствующих районах) в среднем выше, чем в странах, не имеющих подобных законов [5].

Фашистская буржуазия обходится конечно и без соответствующего закона, так как она путем запугивания и применения самых жестоких средств насилия и террора заставляет избирателей участвовать в выборах и голосовать за фашистские партии. Этим и объясняется высокий процент участия в выборах в Германии после прихода к власти Гитлера.

Избирательные округа. Крупнейшим средством ограничения избирательных прав рабочего класса является распределение избирательных округов в пользу слабонаселенных аграрных районов, или так называемая избирательная геометрия [6]. В довоенной Германии выборы производились в избирательных округах, созданных на основании переписи населения

[5] В некоторых индустриальных районах (напр. в Вене) процент участвующих в выборах был выше, чем напр. в Тироле, где существовал закон об избирательной повинности.

[6] На англо-американском политическом языке она называется Gerrimandering от крупнейшего „специалиста" этого дела губернатора Gerry.

1864 г., т. е. без учета громадного продвижения и концентрации населения, которые произошли как раз после 1871 г. Так например, округ Шаумбург-Липпе с 11 000 избирателей и округ Берлин Северо-Западный Север с 219 700 избирателями выбирали до 1912 г. (последние выборы перед 1919 г.) по одному депутату в рейхстаг. Таких примеров в Германии можно привести очень много, так как на 397 избирательных округов лишь 97, т. е. всего 24%, имели нормальное количество избирателей в 30—40 тысяч человек.

Во Франции каждый департамент выбирает в парламент, независимо от количества населения, по 3 депутата, вследствие чего преимущественно аграрные, слабо заселенные южные департаменты получают перевес над индустриальными: 10 самых мелких округов в 313 тысяч жителей имеют столько же представителей, сколько 10 крупных округов в 1 239 тысяч жителей. Некоторые депутаты юга избираются 3 тыс. голосов, между тем как многих депутатов северной части Франции выбирают 18,5 тысячами голосов. В США каждый штат посылает по 2 члена в сенат. Таким образом 12 миллионов жителей штата Нью-Йорк имеют столько же представителей, сколько штат Невада, имеющий около 90 тыс. жителей, и т. д. Вследствие подобного распределения избирательных голосов 100 голосов слабо населенных округов имеют такой же вес, как 1 000 голосов или даже больше голосов индустриальных районов, т. е. голосов рабочих, что является по существу грубейшим нарушением принципа равенства.

Так же остро стоит вопрос избирательных округов в странах с национальными меньшинствами, где производится особая резка районов в пользу господствующей нации или расы. Самая известная избирательная геометрия национальных округов в довоенное время производилась в б. Австро-Венгерской монархии против чехов и в пользу немцев в Чехии и в Моравии, против украинцев и евреев и в пользу поляков в Галиции, против словаков и в пользу венгерцев в Венгрии и т. д. В настоящее время особого мастерства в этом вопросе добилась польская буржуазия в Польше против украинцев, белоруссов, литовцев, евреев. В чисто польском округе, как Краков, выбирают депутата в сейм 48 тыс. голосов, в украинском округе Кшеменец—96 тыс. голосов.

Американская буржуазия имеет в ряде штатов законы и инструкции (требование знания английского языка), направленные против негров и против иммигрантов и т. д. В пяти южных штатах США на 2 225 тыс. избирателей-негров допускаются к выборам лишь 19 тысяч; на основании этих же инструкций отстраняются в Нью-Йорке примерно 10—12% избирателей-иммигрантов и негров.

Большое значение при проведении выборов имеют некоторые вопросы так называемого „технического“ порядка, как: место

выборов, расстояние места выборов от места жительства и от места работы, подбор помещения, день и время выборов и т. д. В законах некоторых стран установлено максимально допустимое расстояние местности, в которой происходят выборы от места жительства (в Англии 7 км., в Польше 6 км., в Эстонии 5 км. и т. д.). Однако ни одно из этих положений не принимает во внимание расстояния от места работы, которое часто (особенно у батраков) превышает на много установленное законом расстояние. Проведение выборов в помещении, находящемся рядом с партийной организацией буржуазной партии, или с полицией и т. п., затрудня т конечно агитацию оппозиционных рабочих партий и отпугивает громадные массы избирателей от участия в выборах.

Принцип большинства и пропорциональные выборы. Господствующий принцип системы выборов буржуазной демократии основан на начале большинства (мажоритарная система). Однако применение этого формального принципа на деле превращается в подчинение большинства меньшинству. Большинство избирательных кампаний, приведенных в довоенной Германии и до настоящего времени в Англии, Франции, США, показало, что партии, победившие на выборах, получили меньшинство голосов или представляют по крайней мере меньше чем половину избирателей. Особенно ярко это проявляется там, где для избрания требуется относительное большинство голосов (Англия, США, Франция при повторной баллотировке), вследствие чего большинство населения и избирателей лишается всякого представительства в парламенте. Это подтверждают следующие цифры избирательных кампаний Франции и Англии:

Франция: [7]

Год.	Подано голосов: За избранных:	Депутатов:	Неизбранных
1876	4 458 584	—	5 422 383
1889	4 526 086	—	6 800 000
1902	5 159 000	—	5 818 000
1910	5 061 271	—	6 598 288
1914	4 810 693	—	6 366 786
1928	4 830 244	—	6 565 0[illegible]5
1932	5 245 867	—	6 315 524

Большие преимущества этой системы для буржуазии выявились особенно на выборах 1932 г., когда компартия Франции получила на 38 депутатов меньше, чем она могла получить

[7] Цифры за 1919 г. и 1924 г. не приведены, так как выборы проводились на основании другой избирательной системы (частично пропорциональная система).

В количество голосов графы „неизбранных" включены избиратели, не принимающие участия в голосовании.

В 1928 г. избрано большинством 1—150 голосов 27 депутатов.

при системе пропорциональных выборов. Другие же партии получили больше мандатов, чем им следовало бы получить.

Подобную картину мы видим и в Англии, где:

в 1922 г.	консерваторы	получ. 6 990 тыс.	гол. и	344 места в парламенте
	оппозиция	„ 9 349 „	„	271 „ „
в 1924 г.	консерваторы	„ 8 545 „	„	412 „ „
	оппозиция	„ 9 172 „	„	203 „ „
в 1931 г.	правительственные партии (т. е. консерваторы, национальные либералы и нац.-рабоч. партия),	„ 14 539 „	„	554 „ „
	оппозиция	„ 6 865 „	„	только 56 „ „

Характерный случай имел место в 1929 г. в округе Нортинг (Northing), где:

консерваторы	получили	15 477 голосов
рабочая партия	„	15 473 „
либералы	„	14 163 „

Консерватор избран большинством 4 голосов, хотя противники имели вместе большинство на 14 159 голосов.

Такую же картину мы встречаем на всех выборах в США, где даже ряд президентов (Линкольн, Вильсон) был избран меньшинством голосов.

Для устранения отрицательных сторон принципа большинства еще в довоенное время рабочими партиями выставлено требование введения принципа пропорциональности, т. е. распределения количества представителей между всеми конкурирующими партиями в соответствии с количеством поданных на них голосов. Система пропорциональных выборов (с разными более или менее „справедливыми“ методами подсчета голосов) является самой выгодной для коммунистических партий и облегчает им проникать в буржуазные парламенты, предоставляя им трибуну, с которой они могут обращаться как к своим противникам в парламенте, так и к массам вне его. „Дать больше оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве“ [8].

Поэтому буржуазия вводит систему пропорционального избирательного права только под сильнейшим революционным нажимом рабочих.

Один из видных буржуазных знатоков избирательного законодательства следующим образом излагает причины введения пропорциональных выборов: „Политические соображения, говорящие за введение пропорционального избирательного права в послевоенный период, надо искать в опасениях буржуазии быть уничтоженной волной радикально-социалистического движения. Пропорциональные выборы служили защитой буржуазии в очень бурное время“ [9]. Буржуазия, испуганная революционной

[8] Ленин, т. XXIII, с. 346.
[9] Braunias. K. Das parlamentarische Wahlrecht, 2 Band, S. 201.

волной во всем мире, вызванной нашей Октябрьской победой 1917 г., решила путем введения системы пропорциональных выборов создать новую ловушку для рабочего класса и новые иллюзии, особо широко распространяемые социал-демократическими лидерами насчет возможности победы пролетариата и построения социализма путем голосования на выборах и в парламенте.

Окрепшая в период относительной стабилизации германская, австрийская и др. буржуазия начала широкую кампанию за отмену системы пропорциональных выборов, так как эта система, по заявлениям буржуазных политиков и правовиков, увеличила количество соревнующихся партий, обострила борьбу между ними и тем самым вызвала падение политического уровня парламента, углубила персональный разрыв между избирателями и депутатами и превратила выборы в тираж, при котором выходят неизвестные широким округам политиканы, представленные партийными лидерами на посты в парламент.

Приведенные нами аргументы этих „критиков" пропорциональной системы можно по существу направить в равной мере и против других систем избирательного права в капиталистическом государстве. Агитация против пропорционального избирательного права должна была служить лишь обоснованием приготовляемых фашистской буржуазией мероприятий по отстранению рабочих и их партий от всякого участия в выборах, к уничтожению парламента и к передаче власти самой реакционной фракции финансового капитала.

Приход к власти Гитлера и проводимые им на базе всеобщего избирательного права „выборы" в рейхстаг и разные голосования „за" и „против", сопровождаемые грубейшим насилием и террористическими актами против каждой попытки критики действий германского фашизма со стороны рабочих, показывают, как избирательное „право" становится в руках открытой фашистской диктатуры одним из средств зверского подавления рабочего класса.

Механика избирательных кампаний. Излагая некоторые принципы избирательного права главнейших капиталистических стран, мы осветили противоречие между отдельными положениями избирательной системы формально равными для всех граждан и многочисленными ограничениями и осложнениями, направленными против рабочего класса.

Наряду с писаной конституцией существует и неписаная конституция капитала и его монопольных объединений, определяющих направление и тактику правительства; наряду с системой всеобщего и равного избирательного права существует и „система" избирательной механики, при которой не миллионы и десятки миллионов избирателей, а несколько банковских чеков решают исход избирательных кампаний. В своей уничтожающей критике Каутского Ленин постоянно подчеркивал

именно то обстоятельство, „что всеобщее избирательное право дает иногда мелкобуржуазные, иногда реакционные контрреволюционные парламенты", и что „одно дело—форма выборов, форма демократии, другое дело классовое содержание данного учреждения" [10].

Через свои партии, снабженные громаднейшими финансовыми средствами и всеми рычагами административного судебного и полицейского аппарата, буржуазия приводит в движение миллионные массы избирателей в пользу господствующих банков и картелей. Депутаты, избираемые в парламент, не являются представителями избирателей. Кандидат в большинстве случаев — чужой для округа и местности. Правда, некоторые законодательства (США) требуют, чтобы кандидат происходил из данного округа, но это можно „уладить" путем предоставления гражданства, снятия квартиры в 1—2—3 округах, и таким образом кандидат становится „сыном своего округа". В США перед голосованием избирателей проводится так называемое первичное голосование, т. е. партийные голосования, на которых намечают кандидатов для выборов. Фактически кандидатов назначают (как в США, так и в других странах) центральные комитеты соответствующих партий, не запрашивая предварительного мнения избирателей или местных организаций. Ни один кандидат не посмеет ставить самостоятельно своей кандидатуры, если этого затребуют даже избиратели данного округа, не рискуя своим положением, своим состоянием и... своим здоровьем.

Вместо того, чтобы быть депутатом округа, он является фактически делегатом, агентом для поручений, получающим свое место и свои приказы от „партии" или, точнее говоря, от ее хозяев, т. е. банков, трестов и т. д. Самое главное, что решает судьбу данной кандидатуры и позволяет держать в руках многих депутатов, это „партийные" суммы, поступающие главным образом из секретных фондов и резервов капиталистических предприятий или, как например в США, от комиссионных, уплачиваемых вновь назначенными чиновниками. сменяющими чиновников партии, потерпевшей поражение. После каждых президентских выборов в США сменяются сотни тысяч государственных служащих, вплоть до заведующих почтовыми отделениями и т. д.; в отдельных крупных городах количество смещенных должностей достигает несколько тысяч. Имеется специальная шкала процентных отчислений от получаемого жалования в пользу победившей партии [11]. Однако эти партии не брезгают также доходами из других источников. Так например, при возобновлении следствия по делу о нефтяном скандале в марте 19 8 г. обнаружилось, что 160 тысяч долларов,

[10] Ленин, т. XXIII, с. 366.
[11] Brooks R. C., Political Parties and Electoral Problems, p. 339.

взятых из прибылей континентальной торговой компании, заклейменных решением верховного суда в качестве мошеннической наживы, попали в кассу республиканской партии. После выставления в штате Иллинойс во время кампании 1926 г. кандидатуры Франка Смита в сенат последовало разоблачение, что кампания в его пользу шедро финансировалась чикагским миллионером Инсуллом, попавшим под суд за разные мошеннические проделки [12]. Несколько лет тому назад выявилось на суде, что берлинские мошенники братья Склярек широко финансировали коммунальные выборы в Берлине; в другом судебном разбирательстве выяснилось, что суммы, собранные у избирателей на так называемый фонд Гинденбурга, были использованы на проведение выборов и т. д. И то, что встречается в США и в Германии, мы видим и во всех других странах; так называемые „американские нравы" являются политическими нравами буржуазии всех наций и всех стран. Огромная теоретическая и политическая литература и беллетристика всех стран, в первую очередь однако в США, перечисляет и описывает тысячи подобных случаев. Для проведения каждой избирательной кампании, заявляют сведущие буржуазные специалисты, нужны деньги, деньги и еще раз деньги. С ростом количества избирателей растут суммы, затрачиваемые на отдельные избирательные кампании; только известные суммы, затрачиваемые на агитацию, возросли в США за последни 15—20 лет в 2—3 раза и достигают больше чем 10 миллионов долларов; кроме того, расходуются также громадные секретные фонды [13]. Всякие законы против избирательной коррупции, всякие нормы расходов кандидатов „в среднем на избирателя" не имеют конечно никакого успеха, так как капитализм не был бы капитализмом, если бы при помощи разных фиктивных договоров, подложных счетов и несуществующих вознаграждений невозможно было проводить подкупа, нажима и т. д.

Конечно, не все избиратели продажны, не всех можно запугать, шантажировать или другим способом заставить отдать свой голос. Однако избирательная механика буржуазии заключается именно в том, чтобы купить продажного, ласкать приветл вых, пугать слабых, уговаривать слабохарактерных, арестовывать, избивать или убивать твердых. Школа, церковь, пресса, радио, кино, митинги, суд, полиция, банды гангстеров, коричнерубашечников и т. д. и т. п. пускаются в ход, чтобы одурачить или уломать избирателя.

Приведем несколько выдержек из буржуазной политической литературы, описывающей избирательные кампании в некоторых капиталистических странах. Французский писатель Бенуа

---

[12] Ф. К е н т. Политические нравы Соединенных штатов, „Московский рабочий." 1930, с. 99—102.

[13] Brooks, op. cit, p. 331—333.

пишет: „Здесь... карьеристы большой и средней руки бесстыдно занимаются ремеслом политических кондотьеров", вступают в борьбу и интригуют, продают и покупают, торгуют и барышничают, „окружают сбитого с толку избирателя, ошеломляют дешевым вином лести и обещаний, увлекают, вооружают бюллетенем и завоевывают массу, дающую нужное парламентское большинство при помощи надлежаще организованной избирательной механики" [14].

Известный английский писатель сэр Франк Фокс пишет, что вопрос получения мандата является „вопросом денег, организации и шарлатанства" [15], и даже хорошо воспитанный орган либералов „Манчестер Гардиен" назвал избирательную кампанию в Англии в 1931 г. „самой короткой, самой острой и самой мошеннической избирательной кампанией нашего времени" [16].

Во время выборов (в ноябре 1934 г.) в конгресс и в сенат США, проходивших, по заверениям газет, в очень мирной обстановке, убито „только" 7 человек, несколько избирателей тяжело ранено, много негров избито за попытку принять участие в голосовании, кандидат в сенат — негр похищен гангстерами и т. д. и т. п. [17].

Социальный состав парламентов отвечает конечно и возложенным на него капиталом задачам. „Представителями наций" избраны в палату общин в Англии в 1931 г. 70 потомственных дворян, 42 офицера высшего комсостава, 44 банкира и финансиста, 73 промышленника и оптовых торговца, 150 рантье и т. п. Во французской палате 1928 г. заседало адвокатов — 133, нотариусов—11, профессоров и журналистов—89, лиц духовного звания—4, государственных служащих—41, б. офицеров—8, художников—2, помещиков и кулаков—98, промышленников—59, инженеров—19, торговцев—32, банкиров—3, рантье—6, ремесленников—8, служащих—24, рабочих 11. В итоге получается: всего около 5% служащих и 2% рабочих. В сенате Франции (избранном в 1931 г.) имеется всего 0,6% рабочих и ни одного служащего. В конгрессе США ⅔ депутатов состоит из адвокатов и разных доверенных капиталистических предприятий.

За исключением Англии промышленный и банковский капитал не выступает лично в парламенте, а посылает туда преимущественно опытных адвокатов, служащих, доверенных, выполняющих приказы своих господ, в руках которых они являются лишь пешками, направляемыми лидерами их партий. Без разрешения лидера они не имеют права ни ставить вопроса, ни вносить законопроекты, ни высказываться, ни голосовать. По его приказу они обязаны произносить самые длинные речи перед пустыми скамьями парламента и доказывать, что данный закон или пред-

[14] Журнал „Мировое хозяйство и мировая политика", 1932, № 6, с. 120.
[15] F. Fox, Parliamentary Government—a failure, p. 32.
[16] Manchester Gardian, 29/X 1931.
[17] Le Temps, 8/XI 1934.

ложение является крупнейшим достоянием всей нации, так как он полезен для производителя и потребителя, дает прибыль фабриканту, акционеру, торговцу, импортеру и экспортеру и повышает зарплату служащего и рабочего. В США допускаются даже речи в письменном виде, после чего они включаются в официальный протокол. Само собой разумеется, что все эти речи и выступления не имеют по существу никакого значения, так как все вопросы решаются не на заседаниях в парламенте, а вне парламента в кабинетах директоров концернов, в министерствах, на заседаниях лидеров, и всякое голосование есть лишь легализация принятого ранее постановления. Около каждого парламента и за его кулисами встречаются стаи чиновников, юристов, журналистов, агентов, разведчиков, интригующих и посредничающих при разных темных и „чистых" делишках. В США эту касту, известную под прозвищем Лобби [18], иронически называют также третьей палатой страны.

Ограничивая фактически роль и значение парламента и депутатов, буржуазия одновременно передавала и передает законодательные функции своему государственному аппарату, который подготовляет, оформляет, издает и проводит в жизнь важнейшие положения и декреты, не запрашивая мнения парламента. Атака на рабочего-избирателя (о походе на зарплату, на социальное страхование и т. д. здесь говорить не приходится) проводится буржуазией со всех сторон: его обманывают и терроризируют во время выборов и отстраняют „избранные" представительства после выборов от выполнения их основных функций. Эти тенденции, выявившиеся в XIX столетии, стали основной линией капитала во всех странах в эпоху империализма, особенно в послевоенный период, когда всеобщее избирательное право признано почти повсюду господствующей избирательной системой. Даже такой почтенный парламент, как английская палата общин, давно перестал по существу быть законодательным органом страны. Известный государствовед, профессор Аллен, который обследовал законодательную деятельность английского парламента в течение нескольких десятилетий, сообщает, что за время с 1866 по 1875 гг. проходило через парламент ежегодно в среднем 112 законов, за время с 1920 по 1929 гг. в среднем 58 законов в год, из них в 1926—63, в 1927—43, в 1928—45 и в 1929 г.—39 законов [19].

После пролетарской революции в России и неожиданных для буржуазии экономических и политических побед этой революции пролетариат всего мира стал иным и буржуазия стала иной. Мировой экономический кризис, подорвавший устои капитализма, втянул миллионные массы трудящихся города и деревни

[18] От английского слова lobby — прихожая, коридор, т. е. в переносном смысле люди, посещающие кулуары с целью воздействовать на членов Конгресса.

[19] E. K. Allen, Bureaucracy Triumphant, 1931, p. 145—146.

в борьбу с капиталом. Существующая в СССР система хозяйства, не знающая кризисных потрясений капитализма, и гигантский рост строительства социализма указывают всему пролетариату единственно правильный путь пролетарской политики. Избирательные кампании в капиталистических странах проводятся коммунистическими партиями под лозунгами отмены частной собственности на средства производства, захвата власти, защиты СССР, которые находят широкий отклик и одобрение во всей массе трудящихся. Поэтому буржуазия усиливает методы террора и насилия, применяя таковые все чаще и чаще также в странах так называемой буржуазной демократии. Поэтому финансовый капитал, стремящийся к монопольному господству, к военным захватам, к нападению на СССР, не хочет больше предоставлять настоящим представителям рабочего класса возможность критики в парламенте и избирательной агитации во время выборов. „Буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления..."[20]. В Германии, Австрии, Италии, Польше и т. д. буржуазия и помещики перешли к открытой фашистской диктатуре, „сжигая" рейхстаги, парламенты, коммунальные советы и превращая таковые в совещательные органы, собираемые только по случаю больших торжеств.

В странах буржуазной демократии: во Франции, в Англии, в Швейцарии и т. д., реакция ведет большую кампанию за изменение конституции, за правительство „сильной руки", за изменение избирательного закона, подготовляя переход к фашистским методам управления государством. Перед лицом фашистской опасности, „выступая на выборах самостоятельно, развивая перед массами программу коммунистической партии, коммунисты должны добиваться единого фронта с социал-демократическими партиями и с профсоюзами (а также с организациями трудящихся крестьян, ремесленников и т. д.), прилагая все усилия, чтобы не допустить избрания реакционных и фашистких кандидатов... В зависимости от роста и успехов движения единого фронта, а также в зависимости от существующей избирательной системы, коммунисты могут выступать в избирательной кампании с общей платформой и с общими списками антифашистского фронта, сохраняя за собой свободу своей политической агитации и критики[21]. Однако коммунисты посылают своих представителей в парламент не для того, чтобы включиться органически в государ-

---

[20] Сталин, Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б), Стеногр. отчет, Партиздат, 1934, с. 11.

[21] Резолюция конгресса Коминтерна, принятая по докладу т. Димитрова. „Правда" от 29/VIII 1935 г. № 238.

ственную систему финансового капитала, как это проводят соглашательские лидеры социал-демократии а исключительно в целях борьбы и разоблачения политики буржуазии перед широкими массами трудящихся и подготовки их к революционному завоеванию власти.

Черносотенная реакция финансового капитала в Германии пытается еще прикрашивать свою террористическую диктатуру „выборами и голосованиями", проводимыми под угрозой расстрела, концлагеря и других подобных „убедительных аргументов". Запрещение выставления других списков, помимо списка националистов, на котором рядом с „вождями" Гитлером и Герингом находятся и настоящие вожди крупного капитала Крупп и Тиссен, запрещение всякой агитации и критики национал-социалистской партии и правительства, под угрозой привлечения оппозиции как изменников государства,—это средства техники фашистских выборов. „От буржуазной демократии и парламентаризма к неприкрытой террористической власти капитала над трудящимися под фашистским флагом — таков путь развития буржуазных стран за последний период" [22].

В противоположность государству буржуазии, советское государство, построенное на базе социалистической собственности и уничтожения всякой эксплоатации, развивалось и развивается в направлении вовлечения широчайших масс в управление страной и привлечения таковых к участию в выборах органов власти. Принятые, по предложению ЦК ВКП(б), VII-съездом советов Союза ССР некоторые изменения конституции СССР заменяют не вполне равные выборы равными, многостепенные—прямыми, открытые—закрытыми. Дальнейшее развитие пролетарского демократизма у нас еще более разоблачит перед трудящимися всего мира сущность государства буржуазии как государства горсточки крупных капиталистов, и еще сильнее подчеркнет подлинно демократический характер и преимущество пролетарского государства по сравнению со всеми системами государств буржуазии.

---

[22] Молотов, Об изменениях в советской конституции, Партиздат ЦК ВКП(б) 1935, с. 27.

И. ТРАЙНИН

ОТ ВЕЙМАРСКОЙ К ФАШИСТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

I. КОНЕЦ ВЕЙМАРСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Веймарская конституция 1919 г. должна была увенчать победу германской буржуазии над пролетарской революцией. Она была выражением сговора трех партий (социал-демократической, католического центра и демократической партии), направленного к тому, чтобы при помощи демократической формы правления подчинить рабочие массы, сбросившие монархию, интересам буржуазии.

Формально Веймарская конституция провозглашала, что „государственная власть исходит от народа“ (ст. 1). Формально провозглашались парламентарная демократическая республика, демократические свободы, равенство всех перед законом (ч. 2, разд. I), всеобщая, равная прямая и тайная подача голосов на выборах, на началах пропорционального представительства (ст. 22) и т. д.

Фактически социально-политическое значение Веймарской конституции заключалось в том, что она охраняла собственность, гарантировала ее неприкосновенность (ст. 153), подчиняла классовые интересы пролетариата интересам буржуазии на основе „классового сотрудничества“, на основе привлечения „работодателей и рабочих к участию в управлении“ (ст. 156). Фактически же на основании Веймарской конституции господствующие классы пренебрежительно игнорировали „власть, исходящую от народа“, широко используя ст. 48, согласно которой в случае „нарушения общественной безопасности и порядка или если грозит серьезная опасность такого нарушения“ президент может применять вооруженную силу и отменять все демократические свободы и гарантии прав.

Веймарская республика и ее государственный аппарат держались на том же социальном базисе, что и гогенцоллерновская монархия. Теоретики социал-демократии (Каутский, Кунов и др.) из сил выбивались, чтобы доказать „внеклассовый“ характер буржуазной демократии, возможность „врастания“ в социализм на основе „хозяйственной демократии“ (Гильфердинг).

В то же время все эти Эберты, Носке, Зеверинги, Гржезинские и др. всемерно укрепляли государственный аппарат буржуазии (полицию, рейхсвер), в кровавых расправах подавляли выступления рабочего класса и всякий его протест.

Кризис, необычайно обострivший классовые противоречия, ярко обнажил банкротство социал-демократии, терявшей свой прежний престиж среди трудящихся. Монополистический капитал стремился переложить тяжести кризиса на плечи трудящихся, стремился отделаться от „демократических" свобод, которые могли быть использованы пролетариатом для борьбы за свои интересы. Он требовал „сильной власти", независимой и неответственной перед парламентом, и в первую голову уничтожения свободы организации пролетариата.

С 1930 г. один за другим приходят так называемые „президентские кабинеты" Брюнинга, Папена и Шлейхера, правящие на основании 48-й статьи Веймарской конституции. Эта статья, применявшаяся широко и раньше, была единственной живой из всех 181 статей Веймарской конституции.

На основе статьи 48-й правительство законодательствовало без парламента, вело политику ограбления рабочих урезывания социальных расходов и снижения заработной платы.

Представители крупного монополистического капитала все громче и настоятельнее требовали покончить с остатками демократии. Папен уже имел готовый проект „реформ" государства. Выступая в Мюнстере 29 августа 1932 г., Папен заявлял, что он—„сторонник авторитарного и независимого правительства, находящегося вне зависимости от партий и стоящего над ними". Папен разогнал прусское правительство во главе с социал-демократом Брауном (6 февраля 1932 г.), легализовал фашистские штурмовые отряды (14 мая 1932 г.), но сам пал жертвой борьбы между крупным промышленным капиталом и землевладельческой верхушкой за раздел прибавочной стоимости и правительственных подачек.

Несмотря на правительственный террор, на систематические убийства революционных рабочих фашистами, процесс революционизирования масс с начала кризиса шел быстрыми темпами. Влияние германской компартии росло в повседневной классовой борьбе за интересы трудящихся. Рост этот сказывался и в результате выборов в неустойчивые и часто распускаемые рейхстаги. В 1928 г. компартия имела в рейхстаге всего 54 мандата. В выборах 14 сентября 1930 г. компартия уже имела 77 мандатов, в выборах 31 июля 1932 г. — 89, а в выборах 6 ноября 1932 г.—100 мандатов.

После краха очередного „президентского кабинета" Шлейхера монополистический капитал, стремясь создать барьер все возраставшей угрозе пролетарской революции, прибег к Гитлеру, которого держали в резерве, воспитывали и лелеяли, как козырь.

30 января 1933 г. Гитлер с согласия монополистического капитала и помещиков был допущен к власти, что знаменовало собою конец всей Веймарской эпохи и ее конституции.

II. ОТ СТАТЬИ 48-й ВЕЙМАРСКОЙ КОНСТИТУЦИИ ДО ПОЛНОМОЧИЙ ГИТЛЕРА

Гитлер с первого же дня своей власти начал с перестройки государственного аппарата, усиливая его значение, как орудия насилия и подавления рабочего класса. Он сразу подчинил себе полицию, вооружил штурмовые отряды и создал из них „вспомогательную полицию", влил значительные национал-социалистские кадры в государственный аппарат, направляя свои главные удары против коммунистов.

Одновременно он распустил рейхстаг (1 февраля 1933 г.). 4 февраля на основании ст. 48-й п. 2 президент Гинденбург и канцлер Гитлер подписывают постановление, сводящее на-нет свободу собраний и печати и устанавливающее строгие кары за нарушение этого постановления. 6 февраля президент подписывает постановление об окончательном отстранении прусского социал-демократического правительства, которое после разгона его Папеном начало процесс в лейпцигском высшем трибунале „о незаконности действий Папена".

27 февраля, за несколько дней до выборов в рейхстаг, национал-социалисты поджигают здание рейхстага. На другой же день, 28 февраля, на основании ст. 48-й п. 2 изданы два постановления: первое—„против измены германскому народу и против изменнических действий" и второе — „о защите народа и государства", ставящее целью подавление „вредных для государства коммунистических насильственных действий". Отменяются все уже на практике не существующие „свободы", к обвиненным „в преступных действиях" предписывается применять строгие меры, вплоть до смертной казни и каторги, увеличиваются аресты, случаи убийств под видом расстрелов „при попытке к бегству", расширяются концентрационные лагери и т. д.

Прусский министр внутренних дел в инструкции о применении указанного постановления писал:

„По смыслу и целям данного постановления допущенные расширенные мероприятия должны в первую очередь направляться против коммунистов, а также против лиц, сотрудничающих с коммунистами, содействующих и поддерживающих их преступные цели".

И в этих условиях проводилась выборная кампания в новый гитлеровский рейхстаг! Все средства агитации—собрания, печать, радио и т. д.—в руках национал-социалистов. У компартии не было ни одной легальной газеты, запрещены ее митинги и собрания, арестован Тельман. При этом социал-демократия, как легальная партия, убеждает рабочие массы в бесцельности го-

лосования за коммунистов, так как, будучи нелегальной партией, компартия не сумеет использовать парламентскую трибуну.

И все же, несмотря не такой террор, на предательство социал-демократов, коммунисты при выборах в рейхстаг (5 марта 1933 г). получили 4,8 млн. голосов и 82 мандата. При этом 322 тысячи голосов признаны были фашистами недействительными (в выборах ноября 1932 г. было 64 тысячи недействительных голосов). Ясно, что „разъяснялись", главным образом, коммунистические бюллетени. И конечно, в гитлеровский рейхстаг коммунисты не были допущены. Не допущены были и выбранные 63 коммуниста-депутата в прусский ландтаг.

21 марта новый рейхстаг собрался в Потсдаме. С этого момента уже нет больше нужды в ст. 48-й. Чтобы окончательно выбить почву у социал-демократии, отстаивавшей буржуазную демократию и парламентаризм, Гитлер свое основное законодательство проводит „демократическим" путем через свой рейхстаг.

III ПОЛНОМОЧИЯ ГИТЛЕРА И ВОПРОС О НОВОЙ ФАШИСТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

24 марта 1933 г. рейхстаг принял постановление, сводящееся к тому, что государственные законы, помимо порядка, установленного конституцией, могут издаваться и правительством империи (ст. 1). Допускаются и уклонения от конституции, если они не имеют своим объектом учреждения рейхстага и рейхсрата (имперского совета). Права президента остаются неприкосновенными (ст. 2). Договоры с иностранными государствами, касающиеся законодательства империи, не нуждаются в согласии парламента. Правительство само издает постановления, необходимые для проведения в жизнь таких договоров (ст. 4). Этот закон, вступающий в силу с момента его опубликования, теряет силу с 1 апреля 1937 г. Он может потерять силу и раньше, если теперешнее правительство империи будет заменено другим (ст. 5).

Таким образом, закон связывался персонально с Гитлером — „вождем" партии, ставящей себе целью физическую расправу с пролетарскими революционерами. Фактически Гитлеру предоставлялись полномочия как на предмет законодательства помимо парламента, так и на предмет отступлений от конституции.

Закон 24 марта 1933 г. о полномочиях стал „основой основ" всего фашистского законодательства. Нет больше законов большинства. Могут быть совещания, в том числе и совещания парламента, но решение принимает „вождь". Виднейший фашистский теоретик права — Карл Шмитт, комментируя закон о полномочиях, пишет:

„Закон 24 марта 1933 г. в сущности и есть конституция современной немецкой революции. На основании этого закона и с его помощью может быть проведено дальнейшее переустройство государства“ [1].

Шмитт считает, что современная Германия „напоминает Англию“, которая тоже не имеет кодифицированной конституции, а ряд отдельных конституционных актов. Закон о полномочиях является таким именно актом. В свете его, как в свете уже новой германской конституции, все события, как и все законодательство, получают новое значение. Так, рейхстаг остался, но это уже другой рейхстаг, чем при Веймарской конституции. Выборы 5 марта не были обыкновенными выборами, а „народным голосованием“ в пользу нового режима и его „вождя“.

На основе закона о полномочиях террор получил свое дальнейшее „законное“ обоснование. Уже 4 апреля новый закон „об обороне против политических насилий“ (Abwehr politischer Gewalttaten) еще раз угрожает смертной казнью и пожизненным заключением всем активным противникам фашизма.

После смерти Гинденбурга в интересах концентрации власти в руках Гитлера был решен и вопрос о „главе государства“. В законе 24 марта 1933 г. было оговорено, что „права президента остаются неприкосновенными“ (ст. 2). Это была дань не президенту Гинденбургу, а популярному фельдмаршалу, руководителю рейхсвера, которого поддерживали военщина и значительные слои буржуазии. Согласно старым законам (от 17 декабря 1932 г. во изменение ст. 51 конституции). до выборов нового президента его должен был заменить председатель высшего имперского суда. В день смерти Гинденбурга (1 августа 1934 г.) правительство издало закон, ликвидирующий пост президента и облекающий Гитлера званием вождя и канцлера государства. Если президент выбирался на 7 лет, то Гитлеру права главы государства присваиваются пожизненно. При этом Гитлеру, как монарху, предоставляется право назначить себе и преемника.

На основании закона 24 марта Гитлер выступает и как „верховный судья“.

После расправы с Ремом и другими вождями штурмовых отрядов 30 июня 1934 г. Гитлер заявил:

„В этот час я нес ответственность за судьбу немецкой нации, и тем самым я сам в эти 24 часа был высшим судьей немецкого народа“.

Формально парламент существует и сейчас. Но его роль чисто декоративная. Гитлер мог бы свои речи перед рейхстагом произносить и перед собранием штурмовиков, и от этого ничто не изменилось бы.

---

[1] Karl Schmitt, Das Reichsstatthaltergesetz. Berlin. 1933, S. 9.

На выборах в рейхстаг 12 ноября 1933 г. фигурировал лишь один список кандидатов—национал-социалистский. Другие, даже буржуазные, партии к тому времени были уже распущены.

После расправ 30 июня, когда нужно было заменить „выбывших" из рейхстага Рема и других, издана законодательная „поправка" к закону о выборах 6 марта 1924 г. Сущность этой поправки в изложении руководящего органа национал-социалистов „Фелькишер беобахтер" (от 4 июля 1934 г.) сводится к следующему:

„Депутат рейхстага теряет свой мандат, если он покинул ряды национал-социалистской партии или был исключен из нее. Преемника его назначает вождь национал-социалистской фракции рейхстага. Вождь фракции рейхстага не обязан считаться ни с территориальным расположением выборных округов, ни с очередностью кандидатов, намеченных в выборном списке".

Такое назначение депутатов, помимо всяких выборов, на основании закона от 3 июля 1934 г. получило „законное" обоснование и применяется при всякой необходимости.

Так, когда в связи с переходом Саарской области к Германии предстояло избрать в области 8 депутатов в рейхстаг, был издан специальный закон от 30 января 1935 г., который говорил, что, по предложению „рейхскомиссара по возвращению Саарской области", вождь и рейхсканцлер назначает эти восемь депутатов рейхстага из числа избирателей Саарской области.

Пожалуй, в этом одном сказываются уже лицо и сущность гитлеровского рейхстага. Фактически рейхстаг собирается только для того, чтобы выслушать речь Гитлера и облекать в форму постановления данный ему сверху приказ.

Гитлер использует еще одно „демократическое прикрытие"—народный референдум или народное голосование, закон о котором издан 14 июля 1933 г. Инициатива „референдума" находится исключительно в руках правительства. Два проведенных референдума (12 ноября 1933 г. — по вопросу о выходе Германии из Лиги наций и 19 августа—по вопросу о передаче президентских функций Гитлеру) были проведены в условиях разнузданного фашистского террора, при котором, в частности, преследовали каждого пытавшегося уклониться от голосования и заподозренного в отрицательном голосовании.

IV. РЕОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Уже в пунктах 2 и 3 закона о полномочиях подчеркивалось, что закон этот распространяется на все области (Länder) и общины (Gemeinden), которые должны из этого сделать соответствующие выводы. Сущность этих выводов заключается не в национальном объединении, к которому всегда стремились лучшие и прогрессивные элементы Германии, а в концентрации

Гитлеровской власти и в унификации (Gleichschaltung) фашистской системы.

Унификационная политика Гитлера имеет ряд стадий.

Первая стадия характерна законом об „унификации" (Gleichschaltung) империи и областей от 31 марта 1933 г. Сущность этого закона сводится к следующему:

Все лантдаги областей распускаются. Но, чтобы сохранить видимость „народного представительства", новые ландтаги образуются не на основании результатов общих выборов, а на основании результатов партийного распределения мандатов при выборах в рейхстаг 5 марта 1933 г. Исключение было сделано для прусского ландтага, выборы в который происходили одновременно с выборами в рейхстаг. Коммунисты, конечно, в новые ландтаги не допускались.

Новые ландтаги, как и рейхстаг, собираются на 4 года. С роспуском рейхстага распускаются и ландтаги.

В этом же духе проводилась и первая „реформа" общинного самоуправления.

Этот закон являлся, однако, временным законом. Уже 7 апреля издается новый закон „об унификации политического режима" в империи и в областях.

Согласно этому закону президент республики по предложению канцлера назначает наместников (штатгальтеров) во все области. Ландтаги перестают играть какую-либо роль. В частности, они лишаются влияния на выборы правительств. Наместники, являющиеся представителями центра, диктуют всю политику. Все законы областей, противоречащие закону о наместниках, отменяются. Там, где были президенты (в Вюртемберге, Бадене и Гессене министры-президенты имели права президентов), они уступают свои права наместникам.

На основании этого второго закона наместники были назначены в Баварию, Саксонию, Вюртемберг, Баден, Тюрингию, Гессен и Гамбург. По другим, меньшим областям, один наместник назначался на две и больше области.

Третья стадия, это — закон от 30 января 1934 г., согласно которому: 1) ландтаги областей упраздняются, 2) верховная власть переходит к правительству империи, которому правительства областей подчиняются, 3) наместники, подчиненные раньше канцлеру, переходят в ведение министра внутренних дел, 4) правительство империи берет на себя составление нового конституционного права.

Четвертая стадия это — закон от 30 января 1935 г., согласно которому наместники остаются лицами, наблюдающими за беспрекословным выполнением распоряжений центра. В то же время центральные министерства могут устанавливать более широкие непосредственные связи с наместниками, не нарушая этим служебного надзора со стороны имперского министерства внутренних дел.

Особое положение занимает Пруссия, в которой наместником числится сам Гитлер, передоверяющий свои полномочия прусскому министру-президенту (§ 10 закона 30 января 1935 г.). В Пруссии сохранился еще государственный совет, состоявший раньше из представителей провинции и влиявший на законодательство. Сейчас на основании закона 8 июля 1933 г. он реорганизован и состоит из 50 членов, назначаемых министром-президентом. Этот совет имеет исключительно совещательный характер, и в нем голосования не происходят. Но и в Пруссии на основании закона 27 ноября 1934 г. органы империи могут непосредственно сноситься и давать директивы соответствующим учреждениям.

Так, аннулировав ст. 5 Веймарской конституции о правительствах областей, осуществлено бюрократическое объединение государства. Попрежнему остаются противоречия между областями (между Баварией и Пруссией и др.)—противоречия, которые вообще не могут быть разрешены при капиталистическом режиме.

В связи с этим законом ликвидирован и рейхсрат.

Официально согласно § 60 Веймарской конституции он был „представителем немецких областей в законодательстве и управлении Империи". Он воплощал в себе федеративную связь немецких областей. Он был наследником старого „бундесрата" (союзного совета).

После 24 марта 1933 г., когда Гитлеру предоставлены были неограниченные полномочия, рейхсрат мог только „выслушать", „подтвердить", „принять" всякое предложение, он был лишен инициативы и уже, конечно, права протеста. Его ненужность подчеркнута была еще тем, что в то время, как рейхсрат был представителем областей, все сношения между областями и империей шли уже не через представителей рейхсрата, а через наместников. Поскольку же законом 30 января 1934 г. области окончательно лишены суверенитета, отпадает нужда и в представителях от них.

Законом от 14 февраля 1934 г. рейхсрат ликвидирован, В том же духе „реформированы" и органы местного самоуправления. Устранены провинциальные ландтаги и их выборные органы, орган самоуправления округов (Kreise) и общин (Gemeinden).

Закон 30 января 1935 г. об общинах фактически подчиняет общинные управления верхушке местных национал-социалистских организаций, которые намечают бургомистров (в городах—обербургомистров).

Назначение бургомистров в больших городах производится министром внутренних дел, в средних городах—наместником, в небольших городах—министром-президентом, в сельских общинах—ландратом, чиновник (возглавляющим округ.

Бургомистр назначается на 12 лет, и его функции могут быть продолжены еще на 12 лет. Бургомистр подбирает себе помощников (Beigeordneten). Местная национал-социалистская организация назначает ему советников.

Таким образом, фашистская система устранила всякую выборность, бюрократизировала все от наместника и обер-президента (фактически являющегося губернатором провинции) до сельского бургомистра, олицетворяющего старого старосту.

V. БЮРОКРАТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

„Вождизм", возведенный в принцип, стремится опереться на бюрократическое профессиональное чиновничество, которое в Германии, особенно в Пруссии, всегда играло крупную роль. Еще монархия выработала тип реакционного бюрократа-чиновника, связанного с интересами крупноземлевладельческой и финансовой олигархии.

Веймарская республика оставила нетронутым этот чиновничий аппарат, влив в него лишь новых чиновников из буржуазно-демократических и социал-демократических слоев, которые в зависимости от нахождения у власти той или иной партии колебались в ту или иную сторону. Кризис ударил и по чиновничеству, привел к сокращению штатов в различных учреждениях, к безработице. Началась борьба за места. „Дорогу способным"—требовало старое чиновничество. Финансовый капитал в поисках верной и „сильной" власти поддерживал старую бюрократию. Национал-социалисты обещали своим сторонникам места представителей тех партий, против которых они вели борьбу.

Уже с первых дней прихода Гитлера к власти государственный аппарат начал заполняться национал-социалистами за счет увольнения оппозиционеров, „сомнительных" и, в частности, началась чистка тех служащих, которые начали свою работу после революции 1918 г. Это оформляется затем законом 7 апреля 1933 г.

В инструкции по применению этого закона, между прочим, подчеркнуто:

„Несоответствующими следует считать всех служащих, которые принадлежали к коммунистической партии и к ее вспомогательным и сочувствующим организациям. Все эти служащие подлежат увольнению".

Важную часть закона от 7 апреля составляет его § 3, так называемый „арийский параграф", по которому право на работу в государственном аппарате предоставляется только „арийцам".

При этом под „неарийцами" понимаются не только евреи, но и те, которые в отдаленном прошлом среди своих предков числят предка с примесью еврейской или другой „неарийской"

крови. Этот параграф получает свое применение не только в государственных учреждениях, но и в университетах, в общественных организациях и т. д.

30 июня 1933 г. закон о государственных служащих дополнен новым законом, согласно которому государственным служащим на будущее запрещается женитьба на „неарийках".

Так, под лозунгом: „Германия принадлежит людям германской крови", государственный аппарат по старому бюрократическому принципу и военной дисциплине укрепляется в интересах монополистического капитала.

VI. ТРЕТЬЯ ИМПЕРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

До прихода Гитлера к власти в Германии было около трех десятков политических партий. Борьба против пролетарской революции должна была привести к консолидации сил буржуазии, к объединению всех буржуазных партий в одну боевую партию монополистического капитала.

Гитлеровский террор раньше всего обрушился на компартию, которая отступила в подполье, продолжая оттуда дальнейшую борьбу.

Социал-демократическая партия, использованная вначале гитлеровским режимом и оказавшаяся впоследствии излишней, была 22 июня 1933 г. запрещена, разгромлена, и ее представители изгнаны из рейхстага, ландтагов и местных самоуправлений. Мелкие партии ликвидировались еще раньше. 28 июня 1933 г. следует роспуск немецко-национальной партии, 5 июля 1933 г.—баварской народной партии, 6 июля 1933 г. просуществовавший 60 лет католический центр распускает свою организацию и, наконец, 21 июля „стальной шлем" окончательно вливается в национал-социалистское движение.

Значит ли это, что уже полностью изжиты противоречия в лагере буржуазии и в самой национал-социалистской партии? Отнюдь нет. Лишь ненависть к пролетарской революции и страх перед ней привели все буржуазные партии в один стан. На деле особняком еще держатся представители бывшей немецко-национальной партии. Католический центр и сейчас сохраняет свои связи через католическое духовенство, фрондирующее против так называемого национал-социалистского „язычества". Недовольство членов „стального шлема" привело к роспуску их организаций во многих местах.

О „мире" в лагере самой национал-социалистской партии говорят события 30 июня 1933 г. и последующие расправы со всякими „критиками".

После того как гитлеровцы провозгласили „национальную революцию законченной", 14 июля 1933 г. издан закон, запрещающий образование новых партий. Закон подчеркивает монополию национал-социалистской партии и грозит карами от 6 месяцев до 3 лет заключения всем нарушителям этой монополии.

VII НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТСКАЯ ПАРТИЯ — ОРГАН ГОСУДАРСТВА

Национал-социалисты подчеркивают, что государство получает нужную ему силу только под руководством вождя движения—Гитлера, являющегося одновременно и вождем национал-социалистской партии. „Один народ, одно государство, один вождь".

1 декабря 1933 г. издан закон „об обеспечении единства государства и партии" Gesetz zür Sicherung der Einheit von Partei und Staat). Закон устанавливает, что национал-социалистская партия является носительницей государственной мысли и неразрывно навсегда связана с государством. Для еще большего скрепления связи заместитель Гитлера—Гесс и убитый впоследствии вождь штурмовиков—Рем были назначены министрами.

Партия является органом публичного права и тем самым является органом государства. Этим легализуется право штурмовиков на аресты и другие репрессии. Вместе с тем закон вводит для членов национал-социалистской партии особое судопроизводство за нарушение правил и директивных указаний, причем государственные органы должны оказывать содействие партийному суду, суду штурмовиков и их органам.

После убийства Рема специальный закон от 3 июля 1934 г. исправил закон от 1 декабря 1933 г. в том отношении, что для связи представителем партии в правительстве является только заместитель вождя, т. е. Гесс.

20 декабря 1934 г. принят ряд строгих законодательных актов против „посягательства на партию", против незаконного использования ее эмблем и т. д. Этим фактически хотели приструнить штурмовиков, которые, считая себя государственными чиновниками, вносили произвол в местном управлении. Руководство же национал-социалистов прикрывало этот произвол, сваливая вину за него на „примазавшихся" и „марксистов", которые якобы используют эмблемы партии.

Какой же государственный строй сейчас в Германии? Сами национал-социалисты называют его „народным государством" (Volksstaat). Резенберг считает, что роль Гитлера напоминает роль старинных герцогов—„фюреров" старых германских орденов. Если же взять современные установившиеся категории государств, то Розенберг считает, что в Германии сейчас „монархия на республиканской основе".

Необычайно характерно то, что самая оголтелая и зверская диктатура монополистического капитала при толковании политической формы своей власти, может опереться на доводы лишь из феодального прошлого.

III

БИБЛИОГРАФИЯ ПО СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

ВОПРОСЫ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ НА СЪЕЗДАХ, КОНФЕРЕНЦИЯХ, ПЛЕНУМАХ, СОВЕЩАНИЯХ ВКП(б).

РСДРП(б). Конференция, VII-я. Петроград 1917 (27) 14 апреля—(12 мая) 29 апреля. Протоколы... Под ред. М. Д. Орахелашвили. М. Партиздат 1934 311 с. (ИМЭЛ).

Ленин, В. И. Доклад по текущему моменту (7 мая) 24 апреля 1917 г. с. 52—64. (Соч. т. XX с. 240—251). (О переходе власти в руки советов р. и с. депутатов и первых конкретных мероприятиях, которые они должны будут провести в жизнь с 60—64. Советы как новая форма государства с. 63). Прения с. 73—93; заключ. слово с. 96—98; резол. с. 234—236. Ленин В. И. Речь по докладу об отношении к советам рабочих и солдатских депутатов (8 мая) 25 апреля с. 129—132. (Соч. т. XX с. 257). Резол.: с. 237—238. Ленин, В. И. Доклад о пересмотре партийной программы (11 мая) 28 апреля с. 178—180. (Соч. т. XX с. 273—274). „2) Исправление положений и параграфов о государстве в духе требования не буржуазно-парламентарной республики, а демократической пролетарски-крестьянской республики (т. е. типа государства без полиции, без постоянной армии, без привилегированного чиновничества)" с. 179 (Соч. т. XX с. 273). Прилож. № 14. Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы, составленный Н. Лениным, с. 266—269. (Соч. том XX с. 293—296). („Конституция демократической республики российской" с. 267—68). Сталин, И. В. Доклад по национальному вопросу (12 мая) 29 апреля 1917 г. (Основные положения: „а) признание за народами права на отделение; б) для народов, остающихся в пределах данного государства,—областная автономия; в) для национальных меньшинств—особые законы, гарантирующие им свободное развитие; г) для пролетариев всех национальностей данного государства—единый нераздельный пролетарский коллектив, единая партия" с. 194). Прения с. 197—208, резол. 230—231. Ленин, В. И. Речь по национальному вопросу 12 мая (29 апреля) с. 197—201. (Соч. т. XX с. 275—278). (О праве наций на самоопределение).

РКП(б). Съезд, VII-й. Петроград 1918 6—8 марта. Протоколы. Под ред. Д. Кина и В. Сорина. М.—Л. Гос. изд. 1928 305 с.

Ленин, В. И. Политический отчет о деятельности Центрального комитета с. 8—26. (Соч. т. XXII с. 313—330). (Советы как законно-признанная форма политической власти в Российской советской республике с. 10—11). Заключ. слово с. 113—119. Постановление с. 180—181. (О войне и мире). Ленин, В. И. Доклад о пересмотре программы и названия партии с. 144—154. (Соч. т. XXII с. 347—357). („Характеристика советского типа государства" с. 149—153). Постановление с. 181—182. (Характеристика нового типа государства советской республики как формы диктатуры пролетариата п. 3, 4). Ленин, В. И. Черновой набросок проекта программы с. 182—183. (Соч. т. XXII с. 368—374). (Закрепление и развитие федеративной республики советов. 10 тезисов о советской власти).

РКП(б). Съезд, VIII-й. М. 1919 18—23 марта. Протоколы. Под. ред. Е. Ярославского. М. Партиздат. 1933 560 с

Ленин, В. И. Доклад о партийной программе с. 50—66. (Соч. т. XXIV с. 131—147). (О праве наций на самоопределение с. 53—58. О борьбе с бюрократизмом и вовлечении масс в советскую работу с. 63—64. О конституции, избирательном праве, о лишении избирательных прав с. 64—66). Прения по докладу с. 67—101, заключ. слово с. 101—109. (Соч. т. XXIV с. 148—156). (Самоопределение наций с. 107—109). Программа РКП(б), принятая съездом, с. 379—400. Резолюция по организационным вопросам: б) советское строительство с. 415—417. (Состав ВЦИК. Функции президиума ВЦИК. Советы и исполкомы. Привлечение в советы всех трудящихся. Социалистический контроль. Взаимоотношения между партией и советами).

РКП(б). Конференция, VIII-я. М. 1919 г. 2—4 декабря. Протоколы... М. Партиздат 1934 293 с.

Владимирский, М. Доклад о советском строительстве в центре и на местах с. 53—67. (Докладчик в общих чертах отмечает изменения, которые произошли в строении органов советской власти на местах и отчасти в центре после утверждения V съездом советов конституции в июле 1918 г. Останавливается на вопросах о работе ВЦИК, о работе и функциях президиума ВЦИК, о включении всех советов, имеющихся на данной территории, в общую сеть местных советских организаций, об исполкомах (их слиянии), о горсоветах, о взаимоотношении центра и мест. Далее докладчик делает основные выводы из своего доклада о необходимости сделать некоторые дополнения к конституции 1918 г., определяющие, во-первых, положение новых образований в общей сети советских организаций, во-вторых, взаимоотношение центра и мест, разработать положение о сельских советах и выработать инструкцию о порядке их выборов на волостные съезды и положение о строении волостных исполкомов). Проект резолюции о советском стр-ве, предложенный фракцией VII съезду советов с. 199—202. О советской власти на Украине (резолюция ЦК РКП(б), подтвержденная конференцией, с. 185—187).

РКП(б). Съезд, IX-й. М. 1920 29 марта—5 апреля. Стенографический отчет... М. Гос. изд. 1920 412 с

Ленин, В. И. Отчет Центрального комитета с. 8—21. (Соч. т. XXV с. 94—108). (О советской конституции с. 17—19). Заключ. слово с. 72—78. (Соч. т. XXV, с. 109—115). Крестинский. Доклад об организационной работе Центрального Комитета с. 22—37. (О конституции с. 22. О разделении Комиссариатов Труда и Социального Обеспечения с. 33. Функции и компетенции президиума ВЦИК с. 34—35). Заключ. слово с. 68—72; резолюция с. 371.

РКП(б). Съезд, X-й. М. 1921 8—16 марта. Протоколы съездов и конференций ВКП(б) под редакцией Н. И. Попова М. Партиздат 1933 954 с. (ИМЭЛ).

Сталин, И. В. Доклад о национальном вопросе с. 184—191. (Федерация советских республик и разрешение национального вопроса 188—191). Прения по докладу с. 205—214; заключ. слово с. 214—217. Сталин, И. В. Доклад комиссии по национальному вопросу и прения по докладу с. 491—496; резол. с. 573—583. (Советский строй и национальная свобода с. 576—583). Сталин И. В. Тезисы по докладу об очередных задачах партии в национальном вопросе, утвержденные ЦК партии, с. 634—642.

РКП(б). Съезд, XI-й М. 1922 г. 27 марта—2 апреля. Стенографический отчет. М. ЦК РКП(б) 1922 522 с.

Ленин, В. И. Политический отчет ЦК с. 7—38. (В заключении доклада т. Ленин касается „практической стороны вопроса о наших высших учреждениях и отношении к ним партии“ с. 36. (Соч. т. XXVII с. 257—259). Прения с. 64—124.

РКП(б). Съезд, XII-й. М. 1923 17—25 апреля. Стенографический отчет. М. 1923 изд. „Красная новь“ 705 с.

Сталин, И. В. Заключительное слово по отчету ЦК РКП(б) с. 181—188. (О федерации Закавказских республик с. 183—185). Рыков, А. И. Доклад о районировании с. 429—438; резол. с. 574—575. Сталин, И. В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве с. 439—454. Прения с. 454—475, 520—568; заключ. слово с. 596—603, 605—606; резол с. 642—650.

РКП(б). ЦК. Совещание с соответственными работниками национальных республик и областей IV-е. М. 9—12 июня 1923 г. Резолюции... (В кн.: ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК ч. I М. Партиздат 1932 с. 632—638). (II. Вопросы, связанные с учреждением второй палаты ЦИК Союза и организацией наркоматов Союза республик с. 635—636: о составе второй палаты; о правах второй палаты в отношениях к первой палате; о компетенции второй палаты; о президиуме ЦИК Союза республик, о количестве слитных комиссариатов, о конструкции наркоматов Союза республик; о бюджетных правах республик).

РКП(б). Съезд, XIII-й, М. 1924 23—31 мая. Стенографический отчет. М. изд. „Красная новь“ 1924 923 с.

Сталин, И. В. Организационный отчет ЦК с. 117—133. (Массовые организации, связывающие партию с классом, с. 117—126. Состояние госаппарата и основные пути его улучшения и упрощения с. 120—122, 129—131). Резол. 634—638. Куйбышев, В. Отчет ЦКК с. 276—313. (Характеристика отрицательных черт госаппарата; проведенная работа по его улучшению и дальнейшие основные задачи с. 293—313. Резол. 638).

РКП(б). ЦК. Пленум. М. 1924 25—27 октября. Резолюции (В кн: ВКП(б) в резолюциях и решениях с'ездов и конференций и пленумов ЦК ч. II М. Партиздат 1933 с. 82—88). По докладу т. Молотова—Об очередных задачах работы в деревне. (Об оживлении советов, вовлечении крестьянских масс в советское строительство с. 86—87. Об увеличении представительства беспартийных крестьян в составе ЦИКов, о правильном соблюдении выборности, о пополнении ряда наркоматов членами коллегии из крестьян с. 86—87).

РКП(б). Конференция, XIV-я. М. 1925 27—29 апреля. Стенографический отчет. М. Гос. изд. 1925 335 с.

Молотов, В. Доклад о партийном строительстве с. 7—24. (Значение лозунга оживление советов с. 9—14). Прения с. 24—55; заключ. слово с. 55—58; резолюция с. 271—287. (Об оживлении советов с. 277).

РКП(б). ЦК. Пленум М. 1925 3—10 октября. Резолюции... (В кн.: ВКП(б) в резолюциях и решениях с'ездов и конференций и пленумов ЦК ч. II. М. Партиздат 1933 с. 146—162).

По докладу т. Молотова—О работе партии среди деревенской бедноты с. 153—156. (Оживление советов, вовлечение в советское строительство широких масс бедняков и середняков с. 154—155).

ВКП(б). Съезд, XIV-й. М. 1925 18—31 декабря. Стенографический отчет.. М. Гос. изд. 1926 1029 с.

Молотов. В. М. Организационный отчет ЦК партии с. 56—86. (Вовлечение в работу госаппарата рабочих и крестьян. Оживление советов и массовых пролетарских организаций и дальнейшее развитие советского демократизма с. 64—75). Резол. с. 513—520, 962—963. Куйбышев, В. Отчет центральной контрольной комиссии с. 525—557. (Состояние госаппарата и работа по его улучшению. Возросшая активность всех слоев населения и вовлечение рабочих и крестьян в строительство и улучшение госаппарата с. 537—555). Резол. с. 964—970

ВКП(б). ЦК и ЦКК. Об'единенный пленум. М. 1926 15—23 июля. Резолюции... М. Л. Гос. изд. 1926 124 с.

По докладу т. Молотова—Об итогах перевыборов советов с. 31—67. (Характер и значение перевыборной кампании. Оживление советов пролетарской диктатуры и руководство коммунистической партии. Результаты перевыборов. Выводы и практические задачи).

ВКП(б). ЦК. Пленум 1927 7—12 февраля. Резолюции... М. Гос. изд. 1927 47 с.

По докладу т. Калинина. О перевыборах в советы с. 40—47. (О проведении лозунга оживления советов, о привлечении „новых и новых беспартийных рабочих и крестьян к выборам и самой работе советов“, о правильном проведении избирательной инструкции с. 42—43).

ВКП(б). ЦК и ЦКК. Объединенный пленум. М. 1927 29 июля — 9 августа. Резолюции... М. Л. Гос. изд. 1927 78 с.

По докладу т. Орджоникидзе, С. — О работе ЦКК—РКИ с. 64—74. (О состоянии госаппарата и дальнейших задачах по его улучшению, о всемерном расширении работы „по вовлечению широких масс рабо-

чих и крестьян в борьбу с бюрократическими извращениями государственного аппарата" (§ 9, п. а).

ВКП(б). Съезд, XV-й М. 1927 г. 2—19 декабря. Стенографический отчет.. М. Гос. изд. 1928 1416 с.

Сталин, И. В. Политический отчет ЦК XV съезду с. 38—83. (Об основных чертах советского госаппарата и необходимости его систематического улучшения с. 64—65). Косиор, С. Организационный отчет ЦК с. 83—107. (Рост активности рабочего класса и вовлечение рабочих масс в советское стр-во. Улучшение работы горсоветов и сельсоветов с. 88—92). Резол. 1279—1284. Орджоникидзе, С. Отчет ЦКК и РКИ с. 387 421. (Советский государственный аппарат, его основные недостатки и методы его переделки и улучшения с. 395—421). Прения с. 422—460, 467—549; заключ. слово с. 550—556; резол. с. 1284—1288. Молотов, В. Доклад о работе в деревне с. 1047 — 1097. (О лозунге „оживление советов". Новая полоса в развитии советов с. 1083—1087). Прения с. 1097—1103, 1108—1145, 1149—1227; заключ. слово с. 1228—1239, резол. с. 1304—1317. Постановление по докладу Рыкова, А. О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства с. 1290—1304 (III. Социалистическая рационализация, значение и роль массовых организаций с. 1301—1304).

ВКП(б). Конференция, XVI-я. М. 1929 23—29 апреля. Стенографический отчет. М. Гос. изд. 1929 336 с.

Яковлев, Я. Доклад об итогах и ближайших задачах борьбы с бюрократизмом с. 212—233, прения с. 233—273; заключ. слово с. 273—278; резол. с. 307—314. (Приведение системы управления в соответствие с системой нашего хозяйства и требованиями социалистического строительства с. 310—313).

ВКП(б). ЦК. Пленум. М. 1929 10—17 ноября. Резолюции... М.-Л. Гос. изд. 1929 96 с.

По докладу т. Молотова — О союзном Наркомземе с. 72—77. (О создании объединенного наркомата земледелия СССР).

ВКП(б). Съезд XVI-й. М. 1930 26 июня — 13 июля. Стенографический отчет. М.-Л. „Моск. рабочий" 1931 731 с.

Сталин, И. В. Политический отчет ЦК XVI съезду ВКП(б) с. 17—57. (О советской конституции с. 24. Ликвидация округов и приближение их аппарата к районам и селам с. 45. О праве наций на самоопределение с. 54—56). Заключ. слово с. 289—293. (О национальном вопросе 290 — 291). Каганович, Л. М. Организационный отчет ЦК XVI съезду ВКП(б) с. 58 — 91. (Мобилизация активности масс с. 58 и сл. Коренная перестройка всех органов пролетарской диктатуры применительно к новым задачам социалистического строительства. Перестройка всех деревенских организаций лицом к колхозам с. 58— 59, 70. Поворот горсоветов лицом к производству с. 66. Ликвидация округов и перенесение центра в районы с 72—90. Организация областей с. 82). Прения по докладам ЦК с. 107—185, 188—289. Резол. по отчету ЦК с. 293—299; 711 — 716. Орджоникидзе, С. Отчет Центральной контрольной комиссии с. 300—326. (Характеристика состояния советского аппарата с. 312—319. О районировании с. 314). Прения с. 327—396, 400—404; заключ. слово с. 404—406; резол. с. 698—702, 717—721.

ВКП(б). ЦК и ЦКК. Объединенный пленум. М. 1930 17—21 декабря. Резолюции. М. Моск. рабочий 1930 32 с.

По докладам тт. Калинина и Молотова — О перевыборах советов с. 26—32. (Политическое значение новых выборов. Перевыборы и коренная перестройка всей работы советов. Дальнейшее развитие пролетарской демократии).

ВКП(б). Конференция, XVII-я. М. 1932 г. 30 января —4 февраля. Стенографический отчет. М. Партиздат 1932 296 с.

Молотов, В. М. Директивы к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.) с. 139—158 (К итогам первой пятилетки. Политическая установка второй пятилетки с. 140—149). Куйбышев, В. В Директивы к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.) с. 159—181. (Путь к социализму с. 152—164. Развитие районов во втором пятилетии с. 170—178.

Условия выполнения второй пятилетки с. 179—181). Прения с. 182—262; заключ. слово т. Молотова с. 265—268; резол. с. 271—280... („основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовое различие и эксплоатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества" с. 278)

ВКП(б). Съезд XVII-й. М. 1934 26 января — 10 февраля. Стенографический отчет... М. Партиздат 1934 719 с.

Сталин, И. В. Отчетный доклад о работе ЦК ВКП(б) с. 8—36. (Вопросы идейно-политического руководства, разд. III, § I, с. 28—32. Вопросы организационного руководства разд. III, § 2. Организация борьбы с недостатками партийных и советских учреждений. Задачи в области оргработы с. 32—35). Молотов, В. Доклад о втором пятилетнем плане народного хозяйства СССР с. 351—379. (Основные задачи второй пятилетки). Каганович, Л. Доклад по организационным вопросам. (Партийное и советское строительство) с. 525—566. (Перестройка советско-хозяйственных органов управления с. 533—547. Организация Комиссий советского и партийного контроля с. 562—565). Прения по докладу с. 566—647; резолюция с. 670—674. (Перестройка органов и аппарата диктатуры пролетариата применительно к новым задачам реконструктивного периода: дальнейший разворот районирования, разукрупнение наркоматов с. 670. Организационные мероприятия в области советского строительства с. 672—673. Упразднение РКИ, преобразование ЦКК в Комиссию партийного контроля и преобразование Комиссии исполнения при СНК СССР в Комиссию советского контроля с. 673—674).

ВКП(б) Центральный комитет. Пленум. М. 1935 1 февраля. Постановления. „Правда" 1935 № 32 от 2 февраля.

(3. О внесении предложения от имени ЦК ВКП(б) VII съезду Советов о необходимости некоторых изменений в Конституции СССР).

ВОПРОСЫ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ НА СЪЕЗДАХ СОВЕТОВ СССР и РСФСР

СЪЕЗДЫ СОВЕТОВ РСФСР (1917—1922 гг.)

Всероссийский съезд советов, II-й Петроград 1917 7—8 ноября (25—26 октября). (Сводный отчет)... Подготовил к печати К. Г. Котельников, С предисл. Я. А. Яковлева. М.-Л. Гос. изд. 1928 180 с. (Центроархив).

Воззвание к рабочим, солдатам и крестьянам с. 53—54, с. 93—94. (Ленин, В. И. Соч. т. XXII с. 11—12) (О переходе всей власти на местах к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов). „Всем губернским и уездным советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов" с. 57, с. 95. („Вся власть отныне принадлежит Советам"). Ленин, В. И. Декларация о мире с. 59—63. (Соч. т. XXII с. 13—16). („Обращение к народам и правительствам всех воюющих стран" о немедленном заключении мира без аннексий и без контрибуций). Прения по декларации с. 63—65; заключ. слово с. 65—68. (Соч. т. XXII с. 17—19). Постановление с. 68, с. 95—98. Ленин, В. И. Доклад о немедленном уничтожении помещичьей собственности на землю с. 68—73. (Соч. т. XXII с. 20—23). Постановление с. 77—78, 98—101. Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства с. 90, с. 102—103. (Соч. т. XXII с. 24). К казакам с. 103—104. (Об организации советов казацких депутатов и о присоединении к р. с. и к. Советам).

РСФСР. Съезд советов, III-й. Петроград 1918 10—18 января. Стенографический отчет... Пг. Прибой 1918 99 с.

Ленин, В. И. Доклад о деятельности СНК (Соч. т. XXII с. 205—218) (Советское государство, как высший тип пролетарского государства. О

строительстве новой государственной власти за отчетный период в течение двух с половиной месяцев). Прения с. 34—40; заключ. слово с. 41—43. (Соч. т. XXII с. 219—222). Резол. с. 92. Сталин, И. В. Доклад по национальному вопросу с. 72—73. (О принципе самоопределения, о федеративном устройстве Российской республики). Прения с. 73—78; заключ. слово с. 78—81; резол. с. 81—82, 93—94. Свердлов, Я. Проект декрета о новом названии существующей верховной государственной власти с. 85. Принятие закона о земле с. 86. Ленин, В. И. Заключительное слово перед закрытием съезда 31 (18) января с. 87—90 (т. XXII с. 223—225). („Новый государственный строй социалистической советской республики, как федерация свободных республик разных наций, населяющих Россию" с. 87—89). Постановления: Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа с. 90—92. О федеральных учреждениях Российской республики с. с. 93—94).

РСФСР. Съезд советов, IV-й, чрезвычайный. М. 1918 15—16 марта. Стенографический отчет... М. Гос. изд. 1920 180 с.

Ленин, В. И. Доклад ВЦИК с. 13—22. (Соч. т. XXII с. 388—402). О взятии власти в октябре, о создании советов и о советской власти, как высшем типе государства с. 17, 19. 22).

РСФСР. Съезд советов, V-й. М. 1918 г. 4—10 июля. Стенографический отчет... М. ВЦИК 1918 253 с.

Свердлов, Я. Отчет ЦИК с. 44—50. (I. О проекте конституции, выработанной комиссией ЦИК с. 45—46. II. Об организации Верховного революционного трибунала с. 48). Постановление с. 207. Ленин, В. И. Отчет СНК с. 61—73. (Соч. т. XXIII с. 115—132). (О конституции с. 66). (Соч. т. XXIII с. 121). Прения с. 73—96; заключ. слово с. 96—98; постановление с. 98, 207. Постановление об утверждении конституции советской республики с. 195, 214—215.

РСФСР. Съезд советов, VI-й, чрезвычайный. М. 1918 г. 6—9 ноября. Стенографический отчет... М. 1918 192 с.

Ленин, В. И. Доклад о годовщине революции с. 24—33. (Соч. т. XXIII, с. 249—260). (О конституции с. 25, 30—31). Постановления: о комитетах деревенской бедноты, о создании единообразной организации Советов на всей территории советской республики, о перевыборах волостных и сельских советов, с. 92—93.

РСФСР. Съезд советов, VII-й. М. 1919 г. 5—9 декабря. Стенографический отчет.. М. Гос. изд. 1920 278 с.

Ленин, В. И. Заключительное слово по докладу ВЦИК и СНК. с. 75—80. (Соч. т. XXIV с. 612—620). (О советской конституции и ее выполнении с. 77, 79—80). Владимирский, М. Доклад по организационному строительству с. 203—209. (О функциях президиума ВЦИК, о составе ВЦИК, об организации съездов советов, об административном делении республики, о слиянии городского, уездного и губернского исполкомов, об отношениях центра и мест). Прения т. 209—243.

Постановления. (В кн.: РСФСР Съезд советов VII-й. М. 1920 32 с.) Об угнетенных нациях с. 4—5. (О полном уничтожении всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы. Подтверждение исключительного права украинских рабочих и трудовых крестьян в деле решения вопроса об окончательной форме союза с трудящимися массами других советских республик. Подтверждение федеративной связи, определяющей отношения между РСФСР и УССР на почве резолюций ЦИК Украины от 19 мая 1919 г. и ВЦИК от 1-го июня того же года). По вопросу о советском строительстве с. 14—18. (Дополнение конституции статьями, устанавливающими сессионные заседания ВЦИК, права и обязанности Президиума ВЦИК, взаимоотношения наркоматов с исполкомами и их отделами, порядок выборов на съезды советов). Приложения к постановлениям 7 Всероссийского Съезда Советов: Положение о рабоче-крестьянской инспекции с 21—23. Положение о сельских советах с. 24—29. Положение о волостных исполнит. комитетах с. 30—32.

РСФСР. Съезд советов, VIII-й. М. 1920 22—29 декабря. Стенографический отчет... М. Гос. изд. 1921 299 с.

Владимирский, М. Доклад комиссии по советскому строительству с. 228—231. (О функциях и компетенции центральных и местных органов власти. Положение о СТО). Постановление с. 231, 277—282. (О ВЦИК, о президиуме ВЦИК, о СНК, о взаимоотношениях центральных и местных органов, о работе местных советов и их исполкомов, о СТО) Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и УССР с. 282—283.

РСФСР. Съезд советов, IX-й. М. 1921 г. 22—27 декабря. Стенографический отчет... М. ВЦИК 1922 305 с. Постановления о советском стр-ве с. 298—300. (Об изменении ст. 26 Конституции РСФСР о сроке созыва Всероссийских съездов советов. О Всероссийском центральном исполнительном комитете (сроки созыва сессий, чрезвычайных заседаний, организаций бюджетной, федеральной и других комиссий, увеличение состава ВЦИК до 386 чел.). О съездах советов на местах (сроки созыва, сроки перевыборов, о составе губисполкомов). Об отделах местных исполкомов. О постановлениях 7-го и 8-го съездов советов (подтверждение к неуклонному исполнению тех пунктов, которые остались без изменения). О количестве губерний и губисполкомов.

РСФСР. Съезд советов, X-й. М. 1922 23—27 декабря. Стенографический отчет.. М. ВЦИК 1923, 226 с.

Калинин. М. И. Речь на X Всероссийском съезде советов 23 декабря 1922 г. (Открытие съезда) с. 1—2. (т. Калинин кратко характеризует съезды советов с 1-го по 10-й, говорит о задачах 10-го с'езда и, в частности, останавливается на 6-м пункте повестки дня о создании Союза советских социалистических республик). Сталин, И. Доклад о Союзе советских социалистических республик с. 184—189. (Обстоятельства, определившие необходимость объединения, формы объединения, основы договора, проект резолюции). Утверждение резолюции с. 199. Постановление (В кн.: РСФСР Съезд советов X-й. Постановления... М. 1923 с. 3—4). Фрунзе М. Речь на X съезде советов по докладу т. Сталина о Союзе советских социалистических республик с. 189—192. (Путь Украины до вхождения в Союз, значение образования Союза советских республик, предложение о названии нашего государства — „Союзом советских социалистических республик"). Калинин, М. И. Речь на 10 Всероссийском съезде советов 27 декабря 1922 г. (Закрытие съезда) с. 222—223. (Об о ъединении советских республик).

СЪЕЗДЫ СОВЕТОВ СССР

(1922—1935 гг.)

СССР. Съезд советов, I-й. М. 1922 30 декабря. Стенографический отчет. М. ВЦИК 1922 24 с.

Сталин, И. В. Доклад о рассмотрении декларации об образовании Союза советских социалистических республик с. 4—11; постановление с. 12—13. Текст декларации с. 6—7; текст договора с. 8—11.

СССР. Съезд советов, II-й. М. 1924 26 января — 2 февраля. Стенографический отчет. М. ЦИК 1924 216 с.

Постановление об утверждении Основного закона (Конституции) Союза ССР с. 136. Владимиров, М Доклад о бюджете Союза ССР с. 137—153. (Взаимоотношение между союзным и республиканскими бюджетами с. 151—152). Постановление с. 192—197.

СССР. Съезд советов, III-й. М. 1925 13—20 мая. Стенографический отчет. М. ВЦИК 1925 560 с.

Петровский, Г. Доклад о вхождении в состав Союза ССР Туркменской и Узбекской ССР с. 5—12; текст Декларации об образовании Узбекской союзной советской социалистической республики с. 14—16. Прения по докладу с. 12—18; постановление с. 22—23. Калинин, М. И. Вопросы советского строительства с. 257—272. (Тов. Калинин характеризует в своем докладе основное содержание, политическое значение и сущность вопроса о советском строительстве. Говоря о кардинальнейшем вопросе со

ветского строительства—об организации советской власти на местах, т. Калинин вскрывает сущность советской демократии и останавливается на проекте резолюции, предлагаемой съезду по основным задачам в области советского строительства). Прения по докладу с. 272—315, заключ. слово с. 315—317. Принятие пост. с. 536—537. Постановление (В кн.: СССР Съезд советов, III-й. Постановления. М. ЦИК СССР 1925 с. 10—17). (Об улучшении работы советов. О выборах в советы. О вовлечении в управление государством широких рабочих и крестьянских масс...). Постановление о внесении изменений в конституцию Союза ССР в связи с вхождением в состав Союза ССР Туркменской и Узбекской союзных советских социалистических республик. (В кн.: СССР Съезд советов, III-й. Постановления. М. ЦИК СССР 1925 с. 8—10).

СССР. Съезд советов, IV-й. М. 1927 18—26 апреля. Постановления. М. ЦИК 1927 55 с.

Постановление по конституционным вопросам с. 36—39. (Поправки и изменения Конституции по вопросам: о порядке выборов на Съезд советов СССР; в связи с образованием Народного комиссариата внешней и внутренней торговли; о составе Верховного суда Союза; в связи с предоставлением ЦСУ прав объединенного наркомата).

СССР. Съезд советов, V-й. М. 1929 20—28 мая. Стенографический отчет... М. ЦИК 1929. Бюлл. №№ 1—22.

Постановление по отчету правительства Союза ССР. Бюл. № 22 с. 3—8. (О мероприятиях правительства Союза ССР, направленных к вовлечению широчайших масс трудящихся в дело социалистического строительства и в управление государством §§ 12, 13, с. 7).

СССР. Съезд советов, VI-й. М. 1931 8—17 марта. Стенографический отчет... М. ЦИК 1931. Бюл. № 1—21.

Молотов, В. Отчет правительства Союза ССР. Бюл. № 1 с. 6—38, бюл. № 2 с. 1—29. (Изменения в соотношении классовых сил в нашей стране, бюл. № 1 с. 6—8. Борьба за пятилетку и строительство социализма, бюл. № 2 с. 1—29. Упразднение округов и усиление районов, перестройка в центральных органах управления, бюл. № 2 с. 22—23). Прения по докладу, бюл. №№ 3—9; заключ. слово, бюл. № 10; постановление бюл. № 22. Постановление по конституционным вопросам. Бюл. № 22 с. 23—29. (Внесение следующих изменений в конституцию: дополнение договора об образовании Союза ССР в связи с вхождением в Союз ССР Таджикистана; включение в конституцию Союза ССР указания на утверждение верховными органами власти Союза ССР единого финансового плана; изменение конституции СССР в связи: с образованием НКЗема СССР, с разделением народного комиссариата по внешней и внутренней торговле на два самостоятельных наркомата: Народный комиссариат Внешней торговли и Народный комиссариат Снабжения; с образованием Народного комиссариата по водному транспорту, с ликвидацией Народных комиссариатов Внутренних дел союзных республик, с ликвидацией округов и укреплением районов).

СССР. Съезд советов, VII-й. М. 1935 28 января—6 февраля.

Молотов, В. М. Отчетный доклад о работе правительства VII-му съезду советов СССР 28 января 1935 г. М. Партиздат 1935, 64 с. (Преобразование в социальной структуре страны и наша политика с. 42—59).

Молотов, В. М. Об изменениях в советской конституции. Доклад на VII съезде советов Союза ССР 6 февраля 1935 г. М. Партиздат 1935 38 с. (Советская конституция и соотношение классовых сил в СССР. Задачи дальнейшей демократизации советской избирательной системы).

СССР. Съезд советов, VII-й. М. 1935 28 января—6 февраля. Постановления... и постановления первой сессии ЦИК СССР VII созыва 7—8 февраля 1935. М. Партиздат 1935 56 с.

Постановления... По конституционным вопросам с. 18—22 („1. Одобрить мероприятия правительства Союза ССР по изменению структуры и практики работы центральных органов власти, проведенные им в целях приспособления системы управления к задачам социалистического строительства". О внесении изменений и дополнений в конституцию Союза ССР: п. „и" ст. 1, ст. ст.: 37, 39; глава VII; п. „б" ст. 43; ст. ст.: 44, 45, 46, 49, 51 52, 53, 56,

67, 68). Разукрупнение ВСНХ, Наркомзема, Наркомснаба, образование наркоматов коммунального х-ва союзных республик, объединение НКТруда с ВЦСПС. Изменения внутренней организации центральных органов государственного управления. Укрепление дисциплины, революционной законности и усиление охраны социалистической собственности: организация водных транспортных судов, образование общесоюзной прокуратуры, образование общесоюзного НКВД со включением в его состав ОГПУ, укрепление и расширение прав судебных органов). Об исключении ст. ст. 57 и 61—63. О внесении некоторых изменений в конституцию Союза ССР с. 23. („Внести в конституцию Союза ССР изменения в направлении дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми; б) уточнения социально-экономической основы конституции в смысле приведения конституции в соответствие с нынешним соотношением классовых сил в СССР...").

СЪЕЗДЫ СОВЕТОВ РСФСР

(1924 –1935).

РСФСР. Съезд советов, XI-й. М. 1924 19—29 января. Бюллетени №№ 1—8 М. 1924.

Курский, Д. Доклад о союзной конституции с. 169—175. (Докладчик останавливается на основных вопросах конституции: предметы ведения Союза; суверенитет отдельных союзных республик; обеспечение национального развития отдельных народов, входящих в состав договаривающихся республик; верховные органы Союза; организация наркоматов...). Постановление с. 175. Курский, Д. Предложение о разработке новой конституции РСФСР с. 175. (Историческое значение конституции 1918 г. и необходимость в связи с этим оставить ее в неприкосновенном виде и приступить к подготовке новой конституции РСФСР, которая будет соответствовать союзной конституции). Постанов ение с. 175—177.

РСФСР. Съезд советов, XII-й, М. 1925 7—16 мая. Стенографический отчет. М ВЦИК 1925 270 с.

Курский, Д. Доклад о новом тексте конституции РСФСР с. 136—156. (Анализ статей конституции РСФСР 1925 г по сравнению с конституцией РСФСР 1918 г.). Прения по докладу с. 156—175; заключ. слово с. 175—178; постановление с. 252—253. Киселев, А. Доклад о выходе Туркестанской автономной республики из состава РСФСР с. 243—246. Постановление с. 246. Калинин, М. Речь на закрытии съезда с. 267—268. (О пролетарской демократии).

РСФСР. Съезд советов, XIII-й. М. 1927 10—16 апреля. Стенографический отчет. М. ВЦИК 1927 591 с.

Киселев, А. Доклад об изменении ст. ст. 37, 38 и 47 конституции РСФСР в связи с переименованием НКВнуторга-РСФСР в НКТорг РСФСР с. 492—495. Постановление. (В кн.: РСФСР Съезд советов, XIII-й. Постановления. М. 1927 с. 39). Асфендиаров, С. Д. Доклад о преобразовании Киргизской автономной области в Киргизскую автономную республику с. 495—498; прения по докладу с 498—508; заключ. слово с. 508—509. Постановление с. 511. Калинин М. И. Заключительная речь с. 518—519. (Вовлечение рабоче-крестьянских масс в творческую работу строительства советского государства).

РСФСР. Съезд советов, XIV-й. М. 1929 10—18 мая. Стенографический отчет. М. ВЦИК 1929. Бюл. №№ 1—18.

Киселев, А. Доклад о состоянии и укреплении низовой сети советов. Бюл. № 15 с. 1—33. (В своем докладе т. Киселев намечает основные вехи укрепления низовых органов в интересах приспособления их к проведению в жизнь тех грандиозных задач, которые партия и советская власть поставили перед деревней с. 2 и сл. Перечень законодательных актов, разработанных после III Всесоюзного съезда советов правительством РСФСР, направленных на создание организационно-экономических условий для вовлечения населения в советское стр-во с. 4. Право отзыва депутатов с. 24. О правильном построении административной сети с. 25—27,

32). Прения по докладу, бюл. № 15, с. 33—44, бюл. № 16 с. 1—37; заключ. слово с. 37—42. (Районирование с. 37—38, 39. О разукрупнении сельсоветов и о праве образования каждыми 300 жителей самостоятельного сельсовета согласно советской конституции с. 40). Принятие постановления, бюл. № 17 с. 2. Прлуян, Я. Доклад об изменении и дополнении конституции РСФСР. Бюл. № 16 с. 43—53. (Прежде чем перейти к постатейному изложению дополнений и изменений конституции, т. Полуян останавливается вкратце на истории нашей конституции и на некоторых изменениях конституции, имевших место до настоящего съезда. Дополнения и изменения, вносимые на обсуждение XIV-го съезда к ст. ст. 1, 4, 12, 13, 15, 16, 17, 20, 21, 22, 25, 27, 29, 32, 35, 36, 38, 43, 45, 49, 50, 51, 52, 54, 57 и след. Изменения и дополнения, вносимые на съезд, „обусловливаются прежде всего необходимостью согласования конституции РСФСР с конституцией СССР... завершением районирования РСФСР с упразднением губерний, уездов и волостей"... „Кроме этого представляется необходимым отразить в конституции опыт советского стр-ва и управления, который накопился в больших размерах за предшествующий ряд лет").

РСФСР. Съезд советов, XV-й, М. 1931 26 февраля—5 марта. Стенографический отчет. М. ВЦИК 1931. Бюл. №№ 1—18.

Сулимов. Д. Доклад правительства РСФСР. Бюл. № 1 с. 5—32, бюл. № 2 с. 1—22. (Перестройка советского аппарата, бюл. № 2 с. 14—21. Вовлечение трудящихся в управление. Проверка исполнения. Ликвидация округов. Перевыборы советов). Прения, бюл. № 3—7; заключ. слово, бюл. № 8 с. 1—12. Постановление по докладу правительства РСФСР, бюл. № 18 с. 1—8. Киселев А. Доклад об изменениях конституции РСФСР в связи с ликвидацией округов и реорганизацией органов центрального управления. Бюл. № 17 с. 15—26. „Поправки к конституции... не касаются основ нашей конституции. Основы советской конституции остаются незыблемыми, как они были провозглашены вскоре после Октябрьской революции. Вносимые на этом съезде поправки касаются главным образом структуры и функций наших государственных органов". Вносимые изменения обусловливаются: 1. Образованием Союзного Наркомата земледелия; 2. Разделением Наркомторга на два самостоятельных наркомата — Наркомторг и Наркомснаб; 3. Упразднением ЦСУ и передачей его функций Госплану; 4. Ликвидацией НКВД; 5. Ликвидацией округов. В докладе т. Киселева (на с. 19—20) приводится справка об изменениях, внесенных в конституцию, со времени ее утверждения). Постановление об изменении ст. ст. 20, 37, 47, 49, 50, 51, 52, 57, 64 и 67. Бюл. № 18 с. 9—11.

РСФСР. Съезд советов, XVI-й. М. 1935 15—26 января. Бюллетени № 1—17. М. 1935.

Сулимов, Д. Отчет правительства РСФСР. Бюл. № 1 с. 5—42. (Коренные качественные изменения и классовые сдвиги, изменившие облик Советского Союза и обеспечившие безраздельное господство социализма во всем народном хозяйстве за 4 года, прошедшие со времени XV Всеросс. съезда советов). Прения по докладу, бюл. №№ 2—6. Киселев А. Доклад по конституционным вопросам. Бюл. № 16 с. 1—23. (О преобразовании Кара-Калпакской, Мордовской и Удмуртской автономных областей в автономные республики с. 1—3. Основные черты буржуазных конституций и их резкое отличие от советской конституции с. 3—13. „Изменения нашей конституции... отражение требований, предъявляемых хозяйственным ростом нашей страны"... с 14. Изменения в системе наркоматов в свете решений XVII съезда партии с. 14—19: реорганизация наркоматов промышленности и торговли, организация Наркомхоза РСФСР, слияние НКТруда СССР с ВЦСПС, образование НКВД СССР, ликвидация НК РКИ... Изменения ст. ст. 32, 37, 38, 40, 41, 47, 76 и 80 с. 19—23). Постановления: об изменении 32, 37, 38, 40, 41, 47, 76 и 80 ст. ст. конституции РСФСР. Бюл. № 17 с. 20—22. (О преобразовании Кара-Калпакской, Мордовской и Удмуртской автономных областей в автономные советские социалистические республики с. 23).

ВОПРОСЫ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ НА СЕССИЯХ ЦИК СССР И ВЦИК

СЕССИИ ВЦИК (1917—1922 гг.).

ВЦИК. Созыв, II-й. 1917 г. 27 окт.—29 дек. Протоколы... М. 1918 192 с.

(Протокол № 1. Резол. об окончании работ 2-го Всероссийского съезда советов р. и с. деп. с уч. крест. деп. и избрании ВЦИК. Протокол № 4. Проект организации ЦИК советов с. 19—20. Протокол № 5. Ленин, В. И. Ответ на запрос левых с.-р. с. 28—29. (Соч. т. XXII с. 45). (О первых шагах новой власти, о праве советов на местах „сообразно условиям местности и времени"... „видоизменять, расширять и дополнять те основные положения, которые создаются правительством"). Резол. фракции большевиков по данному вопросу с. 31—32. Протокол № 8—9. Прилож. Декрет об учреждении государственной комиссии по просвещению с. 45—46, 49—50. Протокол № 10. Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов с. 53—54. Протокол № 13. Предложение т. Свердлова о принятии наказа—конституции для взаимоотношений ВЦИК и СНК с. 71. (Содержание наказа). Протокол № 14. Ленин, В. И. Доклад о праве отзыва с. 72—73. (Соч. т. XXII с. 96—97). („Право отзыва должно быть предоставлено советам, как наиболее совершенным носителям идеи государственности, принуждения" с. 73). Проект декрета о праве отзыва с. 76. (Соч. т. XXII с. 92—95). (Проект написан В. И. Лениным 2 дек. (19 ноября) 1917 г. Декрет, утвержденный ВЦИК с. 76—77. Декрет о суде с. 74—76. Протокол № 16. Прилож. Положение о Высшем совете народного хозяйства с. 95, 117—118, 121. Протокол № 21. Сокольников, Г. Доклад о национализации банков с. 148—149. Ленин В. И. Речь о национализации банков с. 150—151. (Соч. т. XXII с. 142—144). Сталин И. В. Речь по вопросу о Раде с. 155—156. (Принцип самоопределения). Прилож. Декрет о национализации банков с. 157. Телеграмма о переходе всей полноты власти на Украине к Исполнительному комитету советов с. 158—159. Протокол № 22. Резолюция по отчету мирной делегации с. 169—170. („Мир без аннексий и контрибуций", право на „полное самоопределение, вплоть до отделения"). Прилож. Текст русской делегации с. 171. Протокол № 23. Сталин, И. В. Доклад о независимости Финляндии с. 174—175.

ВЦИК. Созыв, IV-й. 1918 г. 20 марта—14 июня. Стенографический отчет М. 1920 442 с.

Покровский М. О приобретении прав российского гражданства с 62—64; заключ. слово с. 65. Свердлов, Я. Доклад о комиссии для разработки конституции советской республики с. 66—70, 73—74. (О необходимости разработки конституции). Прения с. 70—72. Свердлов. Я. О национальном флаге с. 74—75. Аванесов. Наказ ВЦИК с. 124—125. Ленин, В. И. Доклад об очередных задачах советской власти с. 206—219. (Соч. т. XXII с. 471—491). Заключ. слово с. 234—238. (Соч. т. XXII с. 492—498). Свидерский, А. О реорганизации продовольственного дела с. 321—328. (Текст проекта декрета о реорганизации комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов, принятый ВЦИК в заседании 27/V 1918 г. с. 322—326). прения с. 328—334 Лацис, М. Проект инструкции о звании комиссаров с. 334—335; прения с. 335—336. Курский, Д. О революционном трибунале с. 345—346; прения с. 346—362; заключ. слово с. 352. О созыве V-го съезда советов с. 440—441. (Порядок дня съезда).

ВЦИК. Созыв, V-й. 1918 15 июля—4 ноября. Стенографический отчет. М. 1919 312 с.

Положение о революционном военном совете с. 226—227.

ВЦИК. Созыв, VII-й. Сессии 1—3-я. Постановления и резолюции... М. Гос изд. 1920 88 с.

Сессия 1-я 1920 2—7 февраля.

Постановления. Положение о комитетах по всеобщей трудовой повинности с. 11—12; инструкция о местных экономических органах (организация и функции местных экономорганов) с. 20—28; резолюция о революционных трибуналах (выработка положения о рев. трибунала) с. 30; положение о рабоче-крестьянской инспекции с. 33—37; постанов

ление об утверждении положений о сельских советах и волостных исполнительных комитетах с. 37—38; положение о сельских советах (текст) с. 38—45; положение о волостных исполнительных комитетах (текст) с. 46—49; постановление об образовании комиссии по разработке вопросов федеративного устройства РСФСР с. 50 - 51,

Сессия 2-я. 1920 16—19 июня.

Постановления. О включении членов Украинского ЦИК в состав ВЦИК с. 65. О продлении срока полномочий членов ВЦИК 7-го созыва с. 65—66.

Сессия 3-я. 1920 23—29 сентября.

Постановления. О торговом, морском и военном флаге с. 81.

ВЦИК. Созыв VIII-й. Сессия 1 — 4-я. Стенографический отчет. М. 1922 381 с. Постановления с. III—XVII.

Сессия, 2 я 1921 19—20 марта.

Калинин, М. Доклад президиума ВЦИК с. 11—17. (Компетенция президиума. Выполнение поручений VIII-го съезда советов. Законодательная и контрольно-административная работа президиума). Постановление с. VI. Владимирский, М. Доклад об административно-хозяйственном делении РСФСР с. 76—85; постановление с. IX.

Сессия, 3-я. 1921 30—31 мая.

Калинин М. И. Доклад о деятельности президиума ВЦИК с. 115—123... (Вопросы, связанные с советской федерацией, с. 116). Постановление с. XIX—XX. Осинский, Н. Доклад об объединении хозяйственных наркоматов об экономических органах на местах с. 130—135. (Постановление VIII съезда советов о превращении СТО в единый хозяйственный центр. О создании ЭКОСО на местах). Ленин, В. И. Речь об экономических органах на местах с. 135—137] (Соч. т. XXVI с. 412—414). Прения по докладам с. 137 — 142. Крыленко, Н. О реорганизации трибуналов с. 185—189. Постановление с. XXII—XXVIII.

Сессия, 4-я. 1921 5—7 октября.

Петровский, Г. О пересмотре срока полномочий городских и сельских советов с. 315. (О предложении НКВД о продлении и единстве сроков полномочий для городских и сельских советов). Постановление с. XXXIII.

ВЦИК Созыв, IX-й. Сессия 3-я. 1922 г. 14—28 мая. Стенографический отчет. М. 1922 Бюл. №№ 1—12.

Месяцев П. Доклад о трудовом землепользовании. Бюл. № 1 с. 6 — 15; прения с. 16—24; заключ. слово с. 24—26. Курский, Д. Доклад об основных имущественных правах. Бюл. № 2 с. 1—8, прения с. 8—19; заключ. слово с. 19—20. Месяцев П. Доклад о земельных судах. Бюл. № 7 с. 1—6; прения с. 6—7; заключ. слово с. 7—8.

Постановления в кн.: РСФСР. ЦИК. Созыв, IX-й. Сессия 4-я. Постановления. М. 1922 26 с. По докладам: Курского (декрет об основных частных имущественных правах...) с. 3—5; Месяцева (закон о трудовом землепользовании) с. 8—14.

ВЦИК. Созыв, IX-й. Сессия 4-я. 1922 25 октября—1 ноября. Стенографический отчет. М. 1922 Бюл. №№ 1—8.

Крыленко, Н. Проект советского судоустройства. Бюл. № 1 с. 23—30. Месяцев, П. Доклад о кодексе законов о земле. Бюл. № 1 с. 30—43; прения бюл № 2 с. 2—19; заключ. слово бюл. № 2 с. 19—24. О кодексе гражданских законов. Бюл. № 3 с. 7—20.

Постановления в кн.: РСФСР ВЦИК. Созыв, IX-й. Сессия 4-я. Постановления. М. 1922 12 с. По докладам: Месяцева с. 4—5; Крыленко с. 6; о кодексе гражданских законов с. 6—7.

СЕССИИ ЦИК СССР (1923—1935 гг.).

СССР. ЦИК. Созыв, 1-й. Сессия 2-я. 1923 6 июля. Стенографический отчет и постановления. М. 1923 с. 18, 23.

Постановления с. 3 — 22. Текст конституции СССР; об образовании Совета труда и обороны СССР; об учреждении ЦСУ СССР, о реорганизации Государственного банка СССР; о положениях о ЦИК, СНК и отдельных наркоматов СССР; о Верховном суде СССР.

СССР. ЦИК. Созыв, 1-й. Сессия 3-я, 1923 6—12 ноября. Стенографический отчет. М. 1924 128.

Орахелашвили, М. Положение о директивных народных комиссариатах с. 34—43; прения с. 43—44 Доклад комиссии по выработке по-

ложений по директивным наркоматам с. 114—116. Богданов, П. Доклад об организации государственной промышленности с. 45—56. (О структуре и функциях ВСНХ). Крыленко, Н. Положение о Верховном суде СССР с. 58—66. Доклад комиссии по рассмотрению положения о Верховном суде с. 117—120. Курский, Д. О порядке проведения в жизнь пп. „Н", „П", „Р" и „Х" ст. 1-й конституции СССР 67—68.

Постановления и тексты положений в кн.: СССР. ЦИК. Созыв 1-й. Сессия 3-я. Постановления. М. 1923 159 с. (Положения о верховных и центральных органах власти Союза ССР с. 3—21; положения об общесоюзных народных комиссариатах с. 22—57; положения об объединенных народных комиссариатах с. 58—79. Постановления: по докладу Курского с. 129; Богданова с. 130—131; Крыленко с. 135; о государственном флаге СССР с. 157).

СССР. ЦИК Созыв, II-й. Сессия 2-я. 1924 17—29 октября. Стенографический отчет. М. 1924 640 с.

Сокольников, Г. Доклад о финансовой политике Союза ССР с. 135—185. (О бюджетных правах союзных республик с. 163—165). Прения с. 278—310, 321—365; заключ. слово с. 310—320, 366—371. Винокуров, А. Доклад об „Основах судоустройства Союза ССР и союзных республик" и „Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик" с. 197—217; прения с 404—447, 463—477; заключ. слово с. 458—462, 483—489. Красиков, П. Доклад „Об основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик с. 217—224. Прения с. 404—447; 463—477; заключ. слово с. 454—458, 477—483. Крыленко, Н. Заключительное слово по докладам о конституционных вопросах (Винокурова и Красикова) с. 452—454. Доклад Комиссии по конституционным вопросам с. 589—601. (Изменения, дополнения и поправки, принятые комиссией по конституционным вопросам по проектам „Основ судоустройства Союза ССР и союзных республик" и „Основ судопроизводства Союза ССР и союзных республик"). Чичерин, Г. Доклад о союзном гражданстве с. 490—506. Ходжаев, Ф. О размежевании советских республик в Средней Азии и о вхождении в Союз двух новых республик с. 542—548.

Постановления в кн.: СССР. ЦИК. Созыв II-й. Сессия 2-я. Постановления. М. 1924 154 с. (По докладам: Ходжаева с. 9—10; Сокольникова с. 19—29; Винокурова с. 90; Чичерина с. 90—93; основы судоустройства Союза ССР и союзных республик с. 93—99; Красикова с. 129. Об утверждении постановлений, принятых Президиумом ЦИК СССР в промежутке между сессиями и подлежащих утверждению 2-й сессии ЦИК СССР с. 4—7. (...О ликвидации Наркомпрода СССР и Наркомпродов союзных республик и образовании Наркомвнуторга и утверждении временного положения о нем; об утверждении положения о Верховном суде СССР и ОГПУ). Об изменении основного закона (конституции) СССР, „Положения о СНК СССР" и „Общего положения о народных комиссариатах СССР" в связи с организацией НКВнуторга СССР и ликвидацией НКПрода с. 7—8.

СССР. ЦИК. Созыв II-й. Сессия 3-я. 1925 3—7 марта. Постановления. М. 1925 20 с.

Постановление об амнистии с. 12—13. (Амнистия распространяется на ЗСФСР).

СССР. ЦИК. Созыв, III-й. Сессия 2-я. 1926 15—25 апреля. Стенографический отчет. М. 1926 1108.

Крыленко, Н. Доклад об изменениях в „Основах уголовного законодательства" с. 545—556, прения с. 572—592, 601—632; заключ. слово с. 592—597, 632—636.

Постановления в кн.: СССР. ЦИК. Созыв III-й. Сессия 2-я. Постановления. М. 1926 83 с. По докладу: Крыленко с. 24. Утверждение постановлений, принятых между сессиями, с. 80—82 (постановления, касающиеся изменений в конституции Союза ССР: о слиянии наркоматов внешней и внутренней торговли; об изменении и дополнении ст. ст. Положения о НКПС).

СССР. ЦИК. Созыв, III-й. Сессия, 3-я. 1927 14—25 февраля. Стенографический отчет. М. 1927 968 с.

Крыленко, Н. Об изменении ст ст. 3, 9, 10, 20, 31 и 32 „Основ-

ных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик" с. 118—133; прения с. 146—186.

Постановления в кн.: СССР, ЦИК. Созыв, III-й. Сессия, 3-я. Постановления. М. 1927 46 с. По докладу: Крыленко с. 19—22. Утверждение постановлений, принятых между сессиями, с. 41—46. (Постановления, касающиеся перевыборной кампании; изменения структуры государственного аппарата; о предоставлении прав объединенного наркомата ЦСУ Союза ССР; о создании Среднеазиатского эконом. совета; об изменении структуры НКПС, НКИД и НКПиТ).

СССР. ЦИК. Созыв, IV-й. Сессия 1-я. 1927 27 апреля. Стенографический отчет. М. 1927 29 с.

Петровский, Г. Об изменении ст. 76 Положения о ЦИК Союза ССР с. 17—19 (О вознаграждении членов ЦИК).

Постановление в кн.: СССР. ЦИК. Созыв, IV-й. Сессия 1-я. Постановления. М. 1927 с. 12—13.

СССР. ЦИК. Созыв, IV-й. Сессия, 2-я. 1927 15—20 октября. Стенографический отчет. М. 1927 266 с.

О манифесте. Сообщение т Рыкова. Текст манифеста и принятие резолюции с. 34—49. Калинин М. Речь на закрытии сессии с. 362—366 (т. Калинин подводит итоги работы сессии и останавливается на достижениях РСФСР за десятилетие ее существования и на принятом сессией манифесте).

СССР. ЦИК. Созыв, IV-й. Сессия 3-я. 1928 11—21 апреля. Стенографический отчет. М. 1928 305 с.

Милютин, В. Об общих началах землепользования и землеустройства с. 714—730; прения с. 731—755; заключ. слово с. 756—763.

Постановления в кн.: СССР. ЦИК. Созыв, IV-й. Сессия 3-я. Постановления. М. 1928. Об утверждении постановлений, принятых между сессиями, с. 44—49. (О дополнении ст. 73 положения о ЦИК СССР... О расширении прав РКИ. О предоставлении ЦСУ прав общесоюзного Наркомата. О военно-санитарном управлении СССР. Основные положения об организации в Союзе ССР городских советов). По докладу Милютина, с. 60.

СССР. ЦИК. Созыв, IV-й. Сессия 4-я. 1928 3—15 декабря. Стенографический отчет. М. 1928. Бюл. №№ 1—33.

Милютин, В. Общие начала землеустройства и землепользования СССР и союзных республик. Бюл. № 12 с. 1—38; прения бюл. № 15—18. Доклад комиссии по рассмотрению закона об общих началах землепользования и землеустройства. Бюл. № 33 с. 1—11. Постановление бюл. № 34 с. 32—47. Калинин. М. Доклад о выборах в советы в 1928/29 г. Бюл. № 24 с. 1—21. (Политическое значение выборов. Отличие их от выборов в буржуазных странах). Прения бюл. № 25—26; заключ слово бюл. № 27 с. 1—7; постановление бюл. № 34 с. 4. Пайко. Об утверждении постановлений, принятых в период между сессиями и подлежащих утверждению сессии ЦИК. Бюл. № 33 с. 11—19. Постановление бюл. № 34 с. 58—61. (Об утверждении положения о НКТруде СССР...).

СССР. ЦИК. Созыв V-й. Сессия 2-я. 1929 29 ноября—8 декабря. Стенографический отчет. М. 1929. Бюл. №№ 1—18.

Петровский, Г. Об образовании народного комиссариата земледелия СССР. Бюл. № 17 с. 12—19; прения бюл. № 17 с. 20—21.

Постановления в кн.: СССР. ЦИК Созыв, V-й. Сессия 2-я. Постановления. М. 1929 44 с. По докладу: о непосредственном вхождении в состав Союза ССР Таджикской союзной республики с. 4—5; Петровского с. 6—7; об утверждении постановлений, принятых в период между сессиями с 37—42. (...Постановления, касающиеся организационных форм центральных органов власти: о дополнении общего положения о народных комиссариатах Союза ССР; положение о НКПиТ и НКПС; дополнение положения о НКТруде СССР; о центральном архивном управлении и др.).

СССР. ЦИК. Созыв, V-й. Сессия, 3-я. 1931 4—12 января. Стенографический отчет. М. 1931. Бюл. №№ 1—20.

Молотов, В. О народнохозяйственном плане Союза ССР на 1931 г. Бюл. № 1 с. 2—28. (О значении создания комиссии исполнения при СНК и ее задачах с. 18—20). Прения бюл. № 6—14; заключ. слово бюл. № 15 с 1—10 (О перестройке работы со-

ветов, проверка фактического исполнения, о комиссии исполнения при СНК с 7—9). Постановление бюл. № 20 с. 1—15. Об утверждении постановлений, принятых президиумом в период между сессиями и подлежащих утверждению сессии ЦИК на основе ст. 18 конституции Союза ССР Бюл. № 20 с. 34 — 39 (...Постановления, касающиеся реорганизации центрального аппарата: разделение НКТорга на два наркомата: Наркомвнешторг и Наркомснаб, упразднение НКВД, упразднение ЦСУ с передачей его функций Госплану...).

СССР. ЦИК. Созыв, VI-й. Сессия 2-я. 1931 22—28 декабря Стенографический отчет. Бюл. № 1—19. М. 1931.

Молотов, В. Доклад о контрольных цифрах народного хозяйства Союза ССР на 1932 г. Бюл. № 1 с. 5—37. (Об улучшении госаппарата и проверке исполнения с 30—34). Прения бюл №№ 3 — 8; заключ. слово бюл. № 9 с. 1—14. Постановление. Бюл. № 19 с. 1—14. Об утверждении постановлений, принятых в период между сессиями и подлежащих на основании ст. 18 Конституции СССР утверждению сессии ЦИК СССР. Бюл. № 19 с. 37—40. (О перенесении срока выборов в советы; об организации наркоматов коммунального хозяйства и образовании при ЦИК Союза ССР Всесоюзного Совета по коммунальному хозяйству; об изменении основных положений о районных съездах советов и районных исполнительных комитетах; положение о гражданстве Союза ССР; положение о госарбитраже с. 25—26).

СССР. ЦИК. Созыв, VI-й. Сессия 3-я. 1933 23—30 января. Стенографический отчет. Бюл. № 1—25. М. 1933.

Калинин, М. Речь на открытии сессии. Бюл. № 1 с. 1—7. (Речь т. Калинина посвящена десятилетию со дня образования Союза ССР; об организации органов управления. Рост национальных образований). Молотов, В. Доклад о народнохозяйственном плане 1933 г.—первого года второй пятилетки. Бюл. № 1 с. 8—43. (Коренные изменения в социалистическом строительстве, огромное значение побед социалистических форм хозяйства. Издание декрета 7 августа 1932 г. „Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укрепление общественной (социалистической) собственности", как основной вывод в отношении всей практической работы. „Охрана и укрепление государственной и кооперативно-колхозной собственности, являющейся „основой советского строя", должны стоять у нас на первом месте" с. 25. Прения бюл. №№ 3—9; заключ. слово бюл. № 10 с. 1—15. (О необходимости улучшения госаппарата и основных практических задачах с. 9—12). Постановление бюл. № 25 с. 1—14. Об утверждении постановлений, принятых между сессиями и подлежащих на основании статьи 18 конституции Союза ССР утверждению сессии ЦИК. Бюл. № 25 с. 38—43. (.. О разделении ВСНХ на народные комиссариаты тяжелой, легкой и лесной промышленности; об образовании народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов...).

СССР. ЦИК. Созыв, VI-й. Сессия 4-я. 28 декабря 1933 г.—4 января 1934 г. Стенографический отчет М. 1934 Бюл. № 1—28.

Об утверждении постановлений, принятых в период между сессиями и подлежащих на основании ст. 18 конституции СССР утверждению сессии ЦИК Союза ССР. Бюл. № 28 с. 35—37 (...Об объединении НКТруда Союза ССР с ВЦСПС; о центральном управлении народнохозяйственного учета; об учреждении Прокуратуры Союза ССР и положение о ней. Положение о торговых представительствах и торговых агентах СССР за границей...).

СССР. ЦИК. Созыв VII-й. Сессия 1-я 1935 7—8 февраля. Постановления... (В кн.: Постановления VII с'езда советов Союза ССР и постановления первой сессии ЦИК СССР VII созыва. М. Партиздат 1935 с. 37—54).

Постановление ЦИК Союза ССР об образовании конституционной комиссии для внесения некоторых изменений в конституцию Союза ССР с. 43.

СЕССИИ ВЦИК (1923—1933 гг.)

ВЦИК. Созыв, X-й. Сессия, 2-я 1923 23 июня—7 июля. Стенографический отчет. М. 1923 261 с.

Бранденбургский, Я. Доклад об изменениях в положении о судо-

устройстве с. 61—63. Свердлов В. Положение о недрах земли и разработке их с. 186—194. Доклад комиссии о недрах земли с. 257—259. Постановления с. 3—46. О ратификации декларации и договора об образовании Союза советских социалистических республик с. 4—13; Об упрощении аппарата уездных исполкомов с. 14—16; по докладу Бранденбургского с. 36; по докладу Свердлова с. 37—44; О народном комиссариате по делам национальностей (ликвидация наркомнаца) с. 44.

ВЦИК. Созыв, X-й. Сессия, 3-я 1923 29 октября—3 ноября. Стенографический отчет. М. 1924 192 с.

Калинин М. Речь на закрытии сессии с. 189 — 192 (т. Калинин указывает на значение и важность поставленного на обсуждение сессии вопроса и принятого постановления об упрощении советского аппарата).

Постановления в кн.: ВЦИК. Созыв X-й. Сессия, 3-я. Постановления. М. 1923 59 с. (Об упрощении аппарата губернских исполнительных комитетов с. 11 — 12; о введении в действие Положения об Уральской области с. 13. Положение об Уральской области (текст) с. 14—38).

ВЦИК. Созыв, XI-й. Сессия, 2-я 1924 7—16 октября. Стенографический отчет. М. 1924 465 с.

Киселев. А. Доклад о „Положении об уездных съездах советов и их исполнительных комитетах“ и о „Положении о волостных исполнительных комитетах и сельских советах“ с. 44—53. Прения с. 53—80. Доклад комиссии по реорганизации низового советского аппарата с. 408—422. Курский, Д Об утверждении принятых президиумом ВЦИК постановлений об упразднении Наркомпрода и об учреждении Наркомвнуторга с 288—289. Исламов. О размежевании границ между Средне-Азиатскими советскими республиками и о реорганизации Туркестанской автономной ССР на отдельные автономные единицы по национальным признакам с. 309 — 317; прения с. 319 — 324.

Постановления в кн.: ВЦИК. Созыв XI-й. Сессия 2-я. Постановления с. М. 1924 206 с. По докладам: Курского с. 6; Исламова с. 7—8. Положение об уездных съездах советов и уездных исполнительных комитетах (текст) с. 17—31. Положение о волостных съездах советов и волостных исполнительных комитетах (текст) с. 32 — 44. Положение о сельских советах (текст) с. 45—52. Об общем положении о народных комиссариатах РСФСР с. 205.

ВЦИК. Созыв, XI-й. Сессия, 3-я. 1925 5 — 6 мая. Стенографический отчет. М. 1925 74 с.

Киселев, А. Доклад об утверждении декретов и постановлений, принятых президиумом ВЦИК между сессиями с. 1—5. (Утверждение дополнений и изменений Положения об Уральской области, Положения о Наркомвнуторге РСФСР и Положения о бюджетных правах автономных республик). Яхонтов, В. Доклад о дополнениях и изменениях к кодексам законов РСФСР, принятых Призидиумом ВЦИК между сессиями с. 5—31. (Измен. касаются всех кодексов). Предлож. НКЗ о поправках к земельному кодексу с. 69—74. Курский, Д. Доклад о проекте измененного и согласованного с основным законом (конституцией) Союза ССР текста конституции РСФСР с. 31—49. Доклад о работе комиссии по конституции РСФСР и принятие текста конституции с. 60—69.

Постановления в кн.: ВЦИК. Созыв XI-й, Сессия, 3-я. Постановления. М. 1920 21 с. По докладам: Киселева с. 3 — 5; Яхонтова с. 5—21.

ВЦИК. Созыв, XII-й. Сессия, 2-я 1925 13—24 октября. Стенографический отчет. М. 1925 609 с.

Киселев, А. Доклад о проекте Положения о горсоветах с. 2 — 16; прения с. 19—40. Доклад комиссии по разработке проекта Положения о горсоветах с. 564—569. Полуян, Я. Доклад о Положении об организационных отделах при президиумах губисполкомов с. 435 — 440. Доклад комиссии по Положению об орготделах с. 572 — 573. Асфендиаров. Проект Положения о членах ВЦИК с. 540—543. Доклад комиссии по Положению о членах ВЦИК, с. 571—572.

Постановления в кн: ВЦИК. Созыв XII-й. Сессия 2-я. Постановления. М. 1925 91 с. По докладам: Киселева с. 4 — 5; Положение о горсоветах (текст) с. 5—23; Асфендиарова с. 66 — 69; Полуяна

(Об утверждении Положения об организационных отделах при президиумах ЦИК автономных республик, исполнительных комитетов автономных областей, краевых, областных, губернских и окружных исполнительных комитетах) с. 70—72; об утверждении узаконений, принятых между сессиями с. 75—76 и об изменениях и дополнениях к кодексам РСФСР 77 — 90; О введение в действие Положения о Сибирском крае с. 25; Положение о Сибирском крае (текст) с. 26—61. (Постановления, касающиеся дополнений пунктов Положения о сельсоветах; об уездных съездах советов и уездных исполнительных комитетах; о государственном строительстве Чувашской авт. республики. Положение о бюджетных правах автономных областей РСФСР; о порядке опротестования объединенными наркоматами РСФСР постановлений и распоряжений соответствующих наркоматов СССР. Утверждения общего Положения о наркоматах РСФСР).

ВЦИК. Созыв, XII-й. Сессия 3-я 1926 г. 5—19 ноября. Стенографический отчет. М. 1926 900 с.

Уразбеков. Доклад Киргизской автономной области с. 148—151. Содоклад Фатьянова с. 151—168. (О преобразовании Киргизской авт. области в автономную сов. соц. республику). Прения по докладам с. 168—180; заключ. слово Фатьянова с. 180—182. Крыленко, Н. Доклад о проекте положения о судоустройстве РСФСР с. 204—220, прения с. 220—252; заключ. слово с. 252—256. Доклад комиссии по рассмотрению проекта нового Положения о судоустройстве с. 850—862. Полуян Я. Доклад о подготовке к перевыборам советов с. 513—530; прения с. 531—547; заключ. слово с. 547 — 551. (Отмечая недостатки предыдущей перевыборной кампании, докладчик указывает на отклонения от конституции и изменения в части избирательного права в направлении расширения такового с. 526—530). Киселев, А. Доклад об утверждении узаконений и постановлений правительства РСФСР, принятых в период между II и III сессиями ВЦИК XII созыва, с. 831—839. (Постановления, касающиеся изменений в Положениях о наркоматах РСФСР и общего Положения о наркоматах; изменение Положения о бюджетных правах автономных республик; о дополнении Положения о волостных съездах советов и волостных исполнительных комитетах; постановления об органах управления автономной Ойротской области...). Бранденбургский, Я. Доклад об утверждении изменений и дополнений кодексов законов РСФСР, принятых в период между сессиями, с. 842—848.

Постановления в кн.: ВЦИК. Созыв XII-й. Сессия 3-я. Постановления. М. 1926 269 с. По докладам: Полуяна с. 3; Киселева с. 12—20; Бранденбургского с. 21—65; Уразбекова и Фатьянова с. 66—70. (По вопросу о преобразовании Киргизской авт. области в автономную советскую социалистическую республику с. 66 — 67); Крыленко, с. 71. Положение о судоустройстве (текст) с. 72—122; Об упразднении общих отделов уездных и окружных исполнительных комитетов и об образовании в качестве самостоятельных отделов: местного хозяйства, народного образования и здравоохранения, с. 243—244. Об упразднении уездных управлений милиции и об организации уездных административных отделов с. 245.

ВЦИК. Созыв, XIII-й. Сессия, 2-я. 1928 30 марта—6 апреля. Стенографический отчет. М 1928 535 с.

Киселев, А. Доклад о проекте Положения о краевых, окружных и районных съездах советов и их исполнительных комитетах с. 360—385; прения с. 386—423; заключ. слово с. 423—427. Доклад комиссии по проекту Положения.. с. 510—516. Лежава, А. Доклад о проекте Положения о губернских съездах советов и губернских исполнительных комитетах с. 429—440; прения с. 440 — 448; заключ. слово с. 448—451. Доклад комиссии о проекте Положения... с. 517—520. Бранденбургский, Я. Доклад об утверждении дополнений и изменений кодексов РСФСР, принятых президиумом ВЦИК в период между сессиями, с. 452—467; прения с. 467—473. Доклад комиссии об утверждении законов, принятых между сессиями... с. 520—522. Бранденбургский, Я. Доклад об утверждении узаконений и постановлений, принятых президиумом ВЦИК в период между сессиями, с. 496—504. (Утверждение Положений о НКВД

НКЗдраве, ЦСУ, НК РКИ и изменений Положения о НКСО, постановлений об изменении ст. 8 Положения о бюджетной комиссии ВЦИК, постановлений, касающихся местных органов власти... Калинин, М. Речь на закрытии сессий с. 527—530 (т. Калинин останавливается на значении выработанного на сессии Положения о краевых и областных исполнительных комитетах. .).

Постановления в кн.: ВЦИК. Созыв XII-й. Сессия 2-я. Постановления. М. 1928 42 с. По докладам: Киселева с. 17; Лежавы с. 18; Бранденбургского с. 19—30, 35—40.

ВЦИК. Созыв, XIII-й. Сессия, 3-я. 1928 21—30 ноября. Стенографический отчет. М. 1928. Бюл. № 1—18.

Милютин, В. Доклад по проекту государственного бюджета РСФСР на 1928/29 г. Бюл. № 11 с. 1—29 (О бюджетных правах автономных республик с. 8—10). Прения бюл. № 12 с. 12—49, №№ 13—15; заключ. слово бюл. № 16 с. 1 — 19. (О бюджетных правах с. 16—19). Постановления: об утверждении Положения о бюджетных правах авт. сов. соц. республик РСФСР. Текст Положения бюл. № 19 с. 16—25, об изменении ст. ст. 76 и 80 конституции (основного закона РСФСР) бюл. № 19 с. 26. (В связи с новым Положением о бюджетных правах автономных республик). Бранденбургский, Я. Доклад о дополнениях и изменениях кодексов, принятых президиумом ВЦИК в период между сессиями, бюл. № 17 с. 1—15; постановление бюл. № 19 с. 9—15. Киселев, А. Доклад об утверждении узаконений и постановлений, принятых президиумом ВЦИК в период между сессиями, бюл. № 17 с. 15 — 33; постановление бюл. 1 с. 27—29. (Постановления, касающиеся законодательного оформления наркоматов РСФСР: Положение о ВСНХ, о НКФ в новой редакции; об изменениях Положений о ЦСУ и Наркомпросе. Постановления по вопросам районирования и местных органов власти. Положение о бюджетных правах автономных республик).

ВЦИК. Созыв, XIV-й. Сессия, 2-я 1929 г. 20—26 ноября. Стенографический отчет. М. 1929. Бюлл. № 1—12.

Янсон, Н. Доклад об утверждении дополнений и изменений кодексов РСФСР, принятых президиумом ВЦИК в период между сессиями. Бюл. № 11 с. 25—36. Киселев, А. Доклад об утверждении узаконений и постановлений, принятых президиумом ВЦИК в период между сессиями. Бюл. № 12 с. 1—14. (Утверждения Положения о НКЮ, НКТ, изменений Положений о ВСНХ, НКЗдраве, НКПросе и НКФине; постановления, касающиеся изменений Положения о местных органах власти).

Постановления в кн.: ВЦИК. Созыв XIV-й. Сессия 2-я. Постановления. М. 1929. По докладам: Янсона с. 10—14; Киселева с. 15—18.

ВЦИК. Созыв, XIV-й. Сессия 3-я. 24 декабря 1930 г. 1 января 1931 г. Стенографический отчет. М. 1931 Бюл. № 1—22.

Киселев, А. Доклад о мероприятиях по переходу с окружной системы на районную и по укреплению районного и сельского советского аппарата. Проект Положения о районных съездах советов и районных исполнительных комитетах и проект Положения о сельских советах. Бюл. № 16 с. 1—24; прения бюл. № 17 с. 18, заключ. слово бюл. № 19 с. 1—6; постановление бюл. № 22 с. 43—45. Янсон, Н. Доклад о дополнениях и изменениях кодексов РСФСР, принятых президиумом ВЦИК в период между сесиями. Бюл. № 20 с. 1—15; постановление бюл. № 22 с. 4—8. Степанов. Доклад об утверждении постановлений, принятых президиумом ВЦИК в период между сессиями. Бюл. № 20 с. 15—25; постановление бюл. № 22 с. 9—11. (Постановления: о преобразовании НКЗ РСФСР и автономных республик из необъединенных в объединенные; об упразднении ЦСУ РСФСР и его местных органов и передаче их функций Госплану и его местным органам; о реорганизации НКТорга РСФСР, о ликвидации НКВД РСФСР и авт. республик. Постановления, касающиеся районирования РСФСР и национальных объединений: о преобразовании Мордовского округа Средне-Волжского края в Мордовскую автономную область; о выделении Кара-Калпакской области из состава Казакской АССР... О преобразовании в составе Западно-Сибирского Края Хакасского ок-

руга в автономную Хакасскую область. Постановления, касающиеся местных органов власти...)

ВЦИК. Созыв, XV-й. Сессия, 2-я 1931 г. 16—21 декабря. Стенографический отчет М. 1931 Бюл. № 1—12.

Киселев, А. Доклад об утверждении узаконений и постановлений, принятых Президиумом ВЦИК между сессиями Бюл. № 11 с. 1—12; постановление бюл. № 12 с. 33—34. (О дополнении главой 7 й общего положения о народных комиссариатах РСФСР; об утверждении Положений о народном комиссариате финансов РСФСР, Народном комиссариате социального обеспечения РСФСР, об образовании народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР и утверждении Положения о нем; о вхождении Дагестанской автономной республики в состав Северо-Кавказского края; об изменении ст. 39 Положения о районных съездах советов и районных исполнительных комитетах...) Крыленко, Н. Доклад об утверждении дополнений и изменений кодексов РСФСР, принятых президиумом ВЦИК в период между сессиями. Бюл. № 11 с. 12—19; постановления бюл. № 12 с. 30—32.

ВЦИК. Созыв, XV-й. Сессия, 3-я. 1933 13—20 января Стенографический отчет. М. 1933. Бюл № 1—17.

Киселев, А. Проект Положения о городских советах. Бюл. № 14 с. 1—29; прения бюл. № 15 с. 1—29; постановления бюл. № 17 с. 11. Крыленко, Н. Доклад об утверждении дополнений и изменений Кодексов РСФСР, принятых президиумом ВЦИК в период между сессиями. Бюл. № 16 с. 2—12; постановление бюл. № 17 с. 19—20. Киселев, А. Доклад об утверждении узаконений и постановлений, принятых президиумом ВЦИК между сессиями. Бюл. № 16 с. 17—25; постановление бюл. № 17 с. 20—21. (Об изменении гл. VII общего Положения о народных комиссариатах РСФСР; о реорганизации управления республиканской и местной промышленности; об изменении в связи с реорганизацией системы органов народно-хозяйственного учета ст. 9 Положения о НКТруде РСФСР, ст. 8 Положения о НК РКИ РСФСР, ст. 72 Положения о краевых (областных) съездах советов и их исполнительных комитетах, ст. ст. 18 и 39 Положения о районных съездах советов и районных исполнительных комитетах; о преобразовании Кара-Калпакской автономной области в автономную сов. соц. республику и утверждении Положения о государственном устройстве Кара-Калпакской АССР. Об утверждении Положения об окружных исполнительных комитетах северных окраин РСФСР).

ВЦИК. Созыв, XV-й. Сессия 4-я 1933 19—26 декабря. Стенографический отчет. М. 1933. Бюл. № 1—15.

Крыленко, Н. Доклад об утверждении и изменении кодексов РСФСР, принятых президиумом ВЦИК в период между сессиями. Бюл. № 13 с. 26—38. Постановление бюл. № 15 с. 30—31. Киселев, А. Доклад об утверждении узаконений и постановлений, принятых президиумом ВЦИК в период между сессиями. Бюл. № 14 с. 1—13. Постановление бюл. № 15 с. 32—33. (О реорганизации Наркомпроса РСФСР; об изменении редакции п. „ж“ ст. 6 Положения о Наркомхозе и изменении ст. 8 этого же Положения; о дополнении с. 5 Положения о Наркомсобесе РСФСР; утверждении Положения о кочевых советах в нац. округах и районах северных окраин РСФСР; об изменении Положения об окружных съездах советов и окружных исполнительных комитетах нац. округов северных окраин РСФСР; ст. 39 Положения о районных съездах советов и районных исполнительных комитетах и ст. 26 Положения о городских советах, в связи с изданием постановления ЦИК и СНК СССР от 7/II 1933 г. и СНК СССР от 25/V 1933 г. об органах народно-хозяйственного учета; п. „а“ ст 24 Положения о сельских советах, в связи с установлением единой паспортной системы в СССР...).

СОДЕРЖАНИЕ

I

Стр.

Пашуканис, Е.—Об изменениях советск й конституции 5
Алымов, А.—К истории советской конституции 29
Либман, Х.—О первой Советской Конституции 43
Шостак, Г.—К вопросу о неравном представительстве 66
Кумыкин, Н.—Законодательная работа в советском государстве . . 83
Шостак, Г.—Об отзыве депутатов избирателями 96
Кауфман, Я.—Зарубежные отклики на решения VII съезда Советов СССР 111

II

Челяпов, Н.—Буржуазная демократия и ее исторический путь . . 123
Вольский, Р.—Избирательное право и механизм выборов в капиталистических странах 135
Трайнин, И.—От Веймарской к фашистской конституции 151

III

Драгомирецкая, К. и Кузятина, В.—Вопросы советской конституции (библиография) 163

Выпускающ. **А. Трунина**

Сдано в набор 28/VIII-35 г. Подп. к печ. 1/X-35 г. 11½ п. л. 48.000 з. в п. л.
Уполном. Главлита Б-13366 Заказ № 3398 Тираж 10.000

Тип изд-ва „Власть Советов“ при Президиуме ВЦИК, Москва, ул. Куйбышева, 1.

Цена 2 р. 25 к.

М13451

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва Неглинная 21
Издательству „Власть Советов"
при Президиуме ВЦИК